

Николай Самуйлов

ПРИНЦ И ОПЕР

Роман фантастических
приключений

Николай Петрович Самуйлов

Принц и опер. Роман фантастических приключений

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29802440

ISBN 9785448548185

Аннотация

Оперуполномоченный уголовного розыска Владимир Витковский погибает во время выполнения задания. Его аура, при содействии «наблюдателя» из будущего, попадает на планету Камелот. Там её имплантируют в тело принца Майкла Раконера, лишённого памяти путчистами, устроившими в королевстве военный переворот. Владимир-Майкл вступает в связь с противниками новой власти и восстанавливает закон и порядок. Король снова на троне. Наблюдатель возвращает Владимира на Землю и принимает меры к его спасению.

Содержание

0	6
1	43
2	48
3	51
4	56
5	62
6	67
7	73
8	78
9	88
10	93
11	96
12	101
13	106
14	111
15	114
16	119
17	126
18	131
19	134
20	137
21	142
22	149

23	153
24	156
25	161
26	163
27	167
28	172
29	183
30	186
31	192
32	195
33	202
34	205
Конец ознакомительного фрагмента.	208

Принц и опер
Роман фантастических
приключений

Николай Петрович
Самуйлов

© Николай Петрович Самуйлов, 2017

ISBN 978-5-4485-4818-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

0

Перед рассветом город накрыла серая хмарь. Сошедшая с небес изморось щедро оросила крыши домов, остывший за ночь асфальт и припаркованные вдоль тротуаров автомобили. Всплывшее над зыбким туманным саваном солнце, вместе с прохладным ветерком, прогнали белёсую пелену и прошлись по улицам и бульварам, словно проверяя работу смуглолицых дворников из знойного Таджикистана. И к шести часам согретый солнцем мегаполис просох. Лишь в недоступных светилу двориках и возле припаркованных иномарок ещё поблёскивали пыльные лужицы.

Зарождился новый день – суетный, жаркий, с радостями и бедами, рожденьями и смертями...

Наступила пятница. Продолжался знойный июнь...

Странный человек в старом матерчатом плаще, похожем на потрёпанный халат грузчика – жёлто-белый на плечах и спине, тёмно-серый под засаленными рукавами, воротником и карманами – неспешно продвигался под козырьком ограждения вдоль строительной площадки. В тени забора он походил на заблудившееся приведение, не успевшее за короткую ночь окончательно превратиться в человека. Невысокий, худой, слегка сутулый старик представлял собой жалкое зрелище. Длинные седые волосы спутавшимися прядями

спадали из-под примятой джинсовой шляпы на узкие плечи. Смуглое лицо с подслеповатыми глазками обезображивала белая, неухоженная борода клинышком. В правой руке старик держал деревянную клюку, сделанную из высушенного орешника, отполированную и покрытую бесцветным лаком. Левой рукой он прижимал к впалой груди широкий бумажный пакет, наполненный крупными апельсинами. Оранжевые бока плодов выглядывали из пакета и казались неестественно яркими на сером фоне одежды и пропитанного пылью окружающего пространства.

Справа от пешехода шумела бурным транспортным потоком Центральная улица. За забором слева рокотали компрессоры и насосы, подающие бетон на верхние этажи будущего небоскрёба. Запах цемента и выхлопных газов досаждали чувствительному обонянию. Старик изредка наклонялся к пакету с дарами юга и вдыхал исходящий от них аромат.

Редкие прохожие учтиво пропускали пожилого человека, прижимаясь к ограждению. Всё-таки старость в этом мире кое-кто уважал. Старик тихо говорил встречным слова благодарности и продолжал свой путь, постукивая клюкой по доскам, настеленным поверх потрескавшегося асфальта тротуара.

Забор вдоль строительной площадки сворачивал налево в Кривой переулок. Старик пропустил несколько выезжавших из него автомобилей, перешёл проезжую часть и то-

же свернул налево. Кривой переулок был и в самом деле кривым. Узкая лента грязного асфальта между строительной площадкой и покосившимися двухэтажными домиками вела под гору и плавной дугой сворачивала за оцинкованный забор. Где-то за поворотом переулок вливался в другую шумную и чадающую транспортом улицу. Но, несмотря на древность, переулок казался уютным и умиротворённым. От станции метро и автобусной остановки навстречу старику выплеснулся людской поток, из озабоченных житейскими проблемами москвичей.

Прижимаясь к серой стене дома, старик побрёл в глубину квартала, судьба которого была уже предрешена планами обновления столицы. Пройдя несколько метров, остановился возле входа в небольшой чистенький дворик. В его глубине, за пыльным кустом сирени, виднелся деревянный двухэтажный купеческий дом, отреставрированный владельцами коммерческой фирмы для временного пользования. Когда-то имевшиеся при въезде во двор ворота, отсутствовали. На углу дома висела синяя табличка с номером, а на полуразрушенном кирпичном заборе, ограничивающем двор с другой стороны, небрежно выкрашенный в зелёный цвет кусок фанеры с надписью от руки: «Стоянка только для служебных автомашин». И во дворе было на удивление пусто и просторно. Лишь один могучий «Мерседес» с массивной эмблемой фирмы «Даймлер-Бенц» на радиаторной решётке занимал значительную территорию между потрескавшимся тро-

туаром и сиротливо прижавшимся к серому забору кустом сирени. От машины веяло мощью и незнакомыми запахами краски, кожи и пластика. Старик покачал головой, восторгаясь зарубежным чудом техники. Через тонированные стёкла внутренность салона не просматривалась. Находился ли кто внутри, определить было не возможно. Любопытный старик шагнул во двор и задел бумажным пакетом за выступающую из кирпичной кладки скобу от отсутствующих ворот, и рассыпал апельсины на грязный асфальт. Несколько оранжевых плодов дружно подкатились под автомобиль и замерли в центре мутной лужи под серым от пыли днищем.

– Вот, невезуха! – проворчал старик, продолжая прижимать к груди смятый пакет с оставшимися плодами. Огляделся, шурясь на утреннее солнце. Не найдя зрителей происшествия и тех, кто мог бы помочь собрать апельсины, перехватил клюку, опустился на колени и, кряхтя, заглянул под машину. С помощью клюки выкатил несколько оранжевых шаров. Собрав апельсины в кучку, наклонился и попробовал достать остальные, спрятавшиеся за массивным колесом с красивым кованым диском. Уже руками извлек ещё пару апельсинов. Однако несколько плодов находились в недоступном для пожилого человека месте. Чертыхаясь, старик встал, собрал спасённые плоды в пакет и, влившись в поток торопливых горожан, пошёл обратно, к шумной, чадающей нескончаемым потоком машин Центральной улице...

Чёрный «Форд-Фокус» свернул с Московской кольцевой дороги на Каширское шоссе и покатил в сторону центра столицы. Утренние автомобильные пробки не позволяли ускорить движение. Пассажиры, офицеры ФСБ: майор Тарасов, сидящий рядом с водителем, и подполковник Анисин, расположившийся сзади, не спешили. Они слушали переговоры оперативных сотрудников, выполняющих специальные задания...

«Сто второй – ноль шестому... Каблуков выехал из гаража на автомашине „Жигули – 2109“, государственный номер: Ольга, пятьсот сорок шесть, Ульяна, Ульяна. Пятидесятый регион. Цвет машины – тёмно-синий. Зарегистрирован Подольском ГИБДД на имя гражданина Тёмкина Олега Стефановича, 1934 года рождения, пенсионера, проживающего в Подольске. На имя Каблукова имеется доверенность на право управления данным автомобилем. На Киевском шоссе автомобиль проверен инспектором ГИБДД. Каблуков следует в Москву. Один».

«Сто второй. Передайте наблюдение двадцатке. Об изменении маршрута – докладывайте мне. До связи».

«Ноль шестой. Докладывает десятый. На постах наблюдения: восемь, четырнадцать, семнадцать, девятнадцать подозрительных лиц не выявлено».

«Кто из „охраняемых“ находится на работе или по месту проживания?»

«Четырнадцатый и девятнадцатый. Оба в офисах».

«Усильте наблюдение за объектами. О подозрительных передвижениях лиц возле данных объектов – информировать старших групп и принимать соответствующие меры»...

– Что скажешь, Виктор Павлович? – сказал подполковник Анисин, наклоняясь к майору Тарасову. – Сегодня пятница. Впереди два выходных. Если «Каблук» и сегодня выехал в столицу проветриться, то операция может затянуться ещё на три-четыре дня. У нас задействовано слишком много сотрудников для предотвращения предполагаемого эксцесса. Может, следовало бы поручить это дело милиции?..

– Владимир Иванович, – Тарасов обернулся к подполковнику, – областной милиции такое масштабное дело не осилить. А на Петровке своих дел хоть отбавляй. И потом... у наших ментов «крот» завёлся!.. Или «крыса»!

– Вот-вот! Обзавелись наши старшие братья: «крысами», «оборотнями», пьяницами и обыкновенными бездарями... Куда катимся!? Лаврентия на нас не хватает!..

«... Объект выехал на Мичуринский проспект. Следует в центр...»

– Петр Иванович, – обратился Анисин к водителю, – нужно приблизиться к «девятке».

– Сейчас выедем на третье кольцо, товарищ подполковник, и встретимся... если «девятка» не изменит маршрут.

– Думаю, не изменит. Этот маршрут Каблуковым проверен. Два дня изучал пути следования к объектам... и возможные пути ухода из города... Для обычной прогулки

по столице или поиска пассажиров он не поехал бы в центр. Нынешние пробки не для пригородных шабашников. У них сноровка не та. Пока доберёшься до пункта назначения, психом станешь.

– Это точно, товарищ подполковник! – сказал Пётр Иванович, выруливая на эстакаду третьего кольца.

Тарасов достал из внутреннего кармана пиджака небольшую сложенную вчетверо карту города. Развернул и расположил у себя на коленях.

– Что там у нас, по маршруту следования «Каблука»?

– Смотри, у тебя же отмечено, – сказал подполковник Анисин, заглядывая Тарасову через плечо. – Недалеко от Белорусского вокзала офис «Ткача», а вот здесь – контора «Хачика».

– «Лесоруб» и «Дачник» не в счёт. Их офисы в нашу схему не попадают.

– Посмотрим, что попадает, а что – нет. – Анисин откинулся на упругую спинку сидения. – Интересно, где находится подельник «Каблука» Махотин? Он перед нашими ребятами ни разу не засветился. Его место нахождения не известно. В Чехове у родителей не появлялся больше месяца. Контакт с Каблуковым зафиксирован только показаниями агента «Бурова». Виктор Павлович, у тебя есть ориентировки на этих типов? Дайка ещё раз взглянуть на их личности.

Тарасов передал Анисину конверт с фотографиями и короткими аннотациями на двоих мужчин.

– Каблуков Александр Викторович, 1967-го года рождения, родился в Подольске Московской области. Образование среднее. Зарегистрирован в деревне Зайцево Подольского района. Имеет две судимости: за хулиганство в 1989-м и за разбой в 1995-м. Разведён. Детей нет. В последнее время занимается частным извозом. Имеет на это лицензию. Клички: «Упырь», «Каблук»... На вид – симпатичный парень... Второй... Махотин Борис Тимофеевич, 1964 года рождения, уроженец Чеховского района Московской области. Зарегистрирован в городе Чехов у престарелых родителей. Образование неполное высшее. Учился в Московском химико-технологическом институте. Отчислен с четвёртого курса в связи с судимостью. Судим в 1987-м за распространение наркотических веществ. Сведений о трудовой деятельности нет. Не женат. Кличка – «Облезлый»... И в самом деле – облезлый. И выглядит старше своих лет...

Анисин вернул ориентировки Тарасову.

– Если «Каблук» сейчас просто прокатится по красивым улицам столицы и вернётся в родной город Подольск, нам предстоит-таки нелюбезная беседа с генералом Ковалёвым. Аркадий Васильевич непременно потребует высказаться о наших дальнейших действиях по реализации плана. А в нашей схеме не хватает фигурантов: Махотина и майора милиции «Серого». Если они проявятся, то операцию можно завершить, используя минимум сил и средств, ограничившись контактным наблюдением с дальнейшим обезврежива-

нием.

– Владимир Иванович, а не отказались ли наши фигуранты от предложения «Серого»?

– Нет, Виктор Павлович, не отказались. Вчера в течение дня и сегодня утром зафиксировано несколько телефонных звонков в адреса «охраняемых» с требованиями и угрозами. Звонил не Каблуков, его голос у нас зафиксирован. Возможно – Махотин... Или «Серый»... Эту «крысу» в милицейской форме мы до сих пор не можем выявить. Не исключаем варианты, что он обычный «ряженный» или «артист». И он, конечно же, не главная скрипка в оркестре. «Серый» – посредник или предпоследнее звено в цепочке. А нам нужен заказчик. Вот мы и танцуем на одном каблуке в паре с Каблуковым. Дёргаем за ниточку, а она сопротивляется... Грянет гром – не высказываться будем на ковре у Ковалёва, а каяться. Всю эту шушеру нужно брать... и активно с ней работать...

«Объект следует по третьему транспортному кольцу в сторону Кутузовского проспекта...»

– Нам по пути, – сказал Пётр Иванович, выводя машину на крайний левый ряд и увеличивая скорость...

Старик стоял на краю тротуара между мачтой освещения и рекламным щитом, и наблюдал за городской суетой. Прохожие, как горох из рваного мешка, высыпались из подземного перехода и раскатывались в разные стороны, ища для

себя удобную нишу, что бы там, на время успокоиться и принять на себя обязанности по выполнению своего предназначения.

Группа иностранцев, сошедшая на тротуар из импортного двухэтажного автобуса, покружила подле старика, пощёлкала фотоаппаратами, и удалилась в сторону центра. Сгорбленная старушка в монашеском одеянии, появившаяся из «ниоткуда», бесцеремонно расположилась рядом. Постелила на асфальт самодельный коврик, стала на колени, положила перед собой тряпичный мешочек с иконой и несколькими монетками, и тут же получила от вальяжно шествующего пижона пятидесятирублёвую купюру. За десять минут «причитаний» и «восхвалений» щедрых и добрых людей бабушка заработала ещё рублей двести. Старик покачал головой, прислонил к столбу клюку, достал из внутреннего кармана плаща новенькую десятку и протянул нищенке. Но та проигнорировала этот жест. Лишь мельком взглянула на его дорогие замшевые ботинки и потрёпанные полы плаща.

– Упаси меня Господи! Не надо мне твоих денег! Я и так помолюсь за тебя, без подаяния! И ты бы помолился! Грехов на тебе много... Не чистые у тебя помыслы! И деньги твои грязные. Не приму!.. Шёл бы ты своей дорогой!..

– Ведьма! – буркнул старик, смял купюру и сунул в карман.

На строительной площадке зарокотал компрессор. Старик вздрогнул, схватился за клюку и спешно проследовал

к подземному переходу.

Перейдя улицу, он поднялся из тоннеля навверх. С этой стороны мир показался несколько другим. Городская панорама была цветной. Улица казалась шире и наряднее. Солнце светило в глаза и скрадывало пыльную стройплощадку. Да и шум от неё затушёвывался ровным гулом транспортного потока.

Старик осмотрелся и перешёл к стене здания, подальше от суетных пешеходов. Отсюда он хорошо видел древний Кривой переулок, дворик с припаркованным в нём квадратным джипом и серо-зелёный куст сирени. Ему даже показалось, что под колёсами «Мерседеса» всё ещё желтеют шарики оставленных там апельсинов. На углу у рекламного щита никого не было. Нищенка ушла.

«Стерва! – подумал старик. – Только настроение испортила. Буд-то бы специально вылезла из своей норы, что бы сказать мне гадость!»

Опираясь на клюку, он внимательно осмотрел припаркованные у тротуара машины. Разномастные иномарки занимали почти всё пространство. Лишь кое-где образовывались бреши, которые тут же заполнялись красивыми «Хондами» и «Тойотами». Владельцы шикарных авто, чаще всего с довольными выражениями на лицах, степенно покидали салоны и, включив сигнализацию, куда-то уходили, унося с собой личное благополучие и самодостаточность.

Старик мечтательно поднял глаза, посмотрел на реклам-

ный щит с улыбающейся полуобнажённой девицей, распластавшейся на капоте чёрного автомобиля, и вздохнул.

– Подожди чуток, – прошептал старик рекламной красавице, – дойдёт черёд и до тебя!..

На этой стороне улицы было жарко. Капельки пота начали скатываться со лба на переносицу и попадали в глаза. Старик достал смятый носовой платок и осторожно промокнул влагу в уголках прищуренных век. Потом осмотрел его. На белой материи остались следы коричневой грязи.

«Вечером натоплю баньку и попарюсь, – подумал старик, пряча платок в карман плаща. – И тряпки сожгу к чёртовой бабушке! А то выгляжу, как «господин-420».

Пакет с апельсинами явно мешал старику. Он огляделся, заметил чугунную урну, даже подошёл к ней, но выбрасывать пахучие фрукты не решился. Пожалел. Вернулся под тень рекламного щита и принялся наблюдать за прохожими и за прочей городской суетой. Его внимание привлекла жёлтая «Газель», из кузова которой двое ленивых парней некоторое время выгружали коробки и переносили в бутик. После выгрузки ребята минут десять курили, прислонившись к гранитному парапету подземного перехода, и болтали по мобильным телефонам с девчонками. Наговорившись, ловеласы впрыгнули в кабину. «Газель» тихо заурчала и осторожно выкатила на проезжую часть. Освободившееся место тут же заняла синяя «девятка», въехавшая к тротуару задним ходом. Чистая, почти новая машина, выгляде-

ла в ряде иномарок каким-то инородным существом. Она не вписывалась в нарисованный временем респектабельный фон богатства и благополучия.

Водитель «девятки», симпатичный парень лет тридцати пяти, тут же выскочил из салона, открыл багажник и достал охапку ветоши. Протёр заднее стекло с внутренней стороны, закрыл багажник и принялся полировать и без того блестящий капот. При этом он неоднократно оглядывался на противоположную сторону улицы и явно нервничал.

– Молодой человек, – спросил старик, приближаясь к водителю «девятки», – не подбросите до Домодедово?

Парень мельком взглянул на старика.

– Нет, дедушка, не могу... А ты на метро, а потом на электричке – дешевле будет. А пенсионерам, так вообще – бесплатно... У меня уже есть пассажир... Должен подойти с минуты на минуту. Извини, дедушка – занят!..

– Даю сто баксов!

– На поминки что ли торопишься? – нервно спросил водитель, окинув взглядом нищенский наряд старика.

– Бегу от ментов, Сашенька! И ты скоро побежишь от них!..

Водитель перестал тереть капот и замер. Он более внимательно осмотрел похожего на бомжа старика, его мятую шляпу, старый плащ, блестящую лаком клюку. Внимание задержалось на дорогих замшевых туфлях.

– «Облезлый!», – шепнул парень, – Ты?!

– Совсем нюх потерял, «Каблук»! Не суетись! За версту видно, что психуешь!.. Поторгуемся?

– Поторгуемся, – сказал «Каблук». – Тебя где гримировали? В Большом театре?

– В кукольном, – шепнул «Облезлый». – Давай в машину. Делай вид, что сошлись в цене... Открой правую дверь... и помоги пожилому человеку... Палку – на заднее сидение. Эксклюзив! Жалко бросать! Я за неё две сотни деревянных выложил. Подарю папаше...

«Облезлый» передал «Каблуку» клюку и пакет с апельсинами.

– Я плащ сниму. Упарился... На чердаке у хозяйки нашёл. Пригодился, для маскировки.

– Где прятался?

– Не важно. Потом расскажу. – «Облезлый» сложил плащ и бросил в открытый салон на заднее сидение. – Теперь я немного поскриплю, а ты нежненько помоги сесть пожилому человеку в свой кабриолет.

Внешний вид старика несколько изменился. На нём хорошо смотрелись сильно потёртая, чистая джинсовая пара с голубой рубашкой и дорогие туфли. И выглядел он гораздо свежее. Портила вид мятая шляпа, которую старик предусмотрительно не снимал.

В машине было жарче, чем на улице. Кабина нагревалась от солнца и создавала в салоне эффект финской сауны.

– Ну что там у нас? – спросил «Каблук», усаживаясь

за руль и вытираясь платком.

– Всё на мази... – «Облезлый» достал из внутреннего кармана куртки мобильный телефон. – Я сделал главное. Игрушка на месте... Тебе же поручено салютовать. Держи трубу.

– Что нужно делать? – «Каблук» взял мобильник и вопросительно посмотрел на соседа.

– В телефоне уже набран номер. Осталось нажать на синюю кнопку и подождать, пока одиннадцать циферок уйдут в эфир. И – «бум»!..

– А сам что ли не можешь сделать «бум»?

«Облезлый» наклонил голову к «Каблуку».

– Сними с меня шляпу!.. Осторожно!.. Парик оставь! Я уже начинаю таять!.. «Бум» я могу сделать, но бабки с тобой делить не стану.

– Это не честно! Я рискую не меньше твоего. Машина на меня записана. Сам я не скрываюсь. У страны и у ментов – на виду. Я – таксист. Приехал за клиентом. Его и доставлю, куда скажет... Ты клиент, ты и плати!

– Хорошо поёшь, мальчик! Вот твоя работа и будет стоить сто баксов. Как договорились. Этого достаточно, что бы доставить меня в Домодедово. Вообще-то я могу на метро и на электричке – задарма... И конвертик при мне останется.

– А за кнопку что дашь?

– По-честному! Половину того, что «Серый» передал в аэропорту. По штуке зелени. При благополучном возвра-

щении – ещё по три... Салоник за свои художества меньше получал. Так что вернёшься к своим обязанностям с наваром, в нормальном прикиде и с табаком на прыщавом рубильнике... Или – сто баксов?

– Ладно, дипломат хренов!.. Когда звонить по мобильнику?

– Да хоть сейчас! Только «Серый» предупредил, что бы «Бум» был без мокрухи... Не желательно сейчас для него мокрое дело. Решил, значит, просто пошуметь. Говорит, проведёте бескровную «акцию устрашения». А нам один хрен! Кусок мыла в кило весом под брюхом у мерина. Ты играешь на синем клавише, мыло под «мерином» – «Бум!», а в итоге – по четыре штук капусты на рыло!

– Без мокрухи? Да тут народу – туча!

– Лови момент, «Каблук». Видишь переулочек?

– Давно вижу. И что?

– Джип из двора на пригорке выглядывает, чёрный, как катафалк. Видишь?

– Ну!

– Так вот, я его заказал. А тебе – исполнять заказ. Но, ты прав, по переулочку народ гуляет... Значит нужно поймать момент, когда рядом с меринком никого нет. Вот тогда и жми на синюю клавишу, маэстро...

Виктор Павлович Тарасов зорко всматривался в нервный поток транспорта, едва ползущий по Центральной улице.

Светофоры собрали на ней немислимое количество машин. Сквозь тонированные стёкла виднеются обозлённые лица водителей, проклинаящие российский прогресс, узкие улицы и плодовиых капиталистов, заплонивших Москву ино-марками.

Владимир Иванович Анисин тихо разговаривает по мобильному телефону. Выглядит озабоченным. Видимо получил от начальства профилактическую «головомойку».

«Двадцатый. Доложите место нахождения».

«Медленно движемся по Центральной улице. Пробка! Объект наблюдается – в ста метрах впереди».

«Четырнадцатый. Усильте внимание. Объект движется в вашу сторону».

«Вас понял, ноль шестой. Усилить внимание».

Анисин закончил разговор по телефону и наклонился к Тарасову.

– Ну что там, Палыч?

– «Каблук» впереди нас. Вижу «двадцатку», а он метрах в ста дальше. До «четырнадцатого» пешком можно дойти за десять минут... Ну вот, наконец-то сдвинулись с места!

«Двадцатый – четырнадцатому. Объект прижимается вправо. Возможно, будет парковаться. Ищет свободное место».

– Петр Иванович, – сказал Анисин, – давай ближе к тротуару. Замедли ход. Место для десантирования подыщем.

«Объект припарковался у дома 27. Ориентиры: „Оптовый

магазин обуви“. Напротив Кривого переулка».

«Ноль шестой – двадцатому. Дистанция пятьдесят метров. Приготовится к действию».

«Двадцатый понял. Приготовится».

– Пётр Иванович, притормози-ка. Мы с Виктором Павловичем пешочком пройдемся. Кривой переулок вот он, через улицу. Сразу за стройкой. Там и «Хачик» на прицеле у «Каблука»! А «Каблук» пока с нашей стороны. Ну что, Палыч, тряхнем стариной? Не забыл, как мы молодые и красивые асфальт топтали?

– Ноги, Владимир Иванович, иногда об этом напоминают. Нуют при сырой погоде.

– Вот-вот, Палыч! А у меня радикулит на дождик и на снегопад реагирует. Теперь нам есть, чем на пенсии заниматься: микстуру пить, да таблетками похмеляться...

Каблуков нервничал. Его руки мелко дрожали. Махотин это заметил и ткнул напарнику локтем в бок.

– Не психуй, тихо посиди, покури. Нас никто не подгоняет.

– Боря, ты же знаешь, мне легче рыло свернуть какому-нибудь жлобу, чем вот так, по-шпионски...

– Ничего. Приедешь домой, тяпнешь граммов двести абсента, свиной кровушкой запьешь, и станет тебе комфортно, как в раю.

– Спать неделю не буду.

– Что, уже «мальчики кровавые» мерещатся? Лучше заведи тачку и включи правый поворот.

Каблуков посмотрел на Махотина.

– Борода у тебя страшная! Как у Хемингуэя.

– Ну не отклеивать же её прямо сейчас. Дома отмоюсь. Приеду, предков напугаю. Тоже – кайф!.. Ладно, смотри на переулочек. С телефоном не балуй. Не нажми кнопку раньше времени.

Каблуков попробовал сосредоточить внимание на Кривом переулке. По тротуару по-прежнему шли люди. Их стало меньше. Начался рабочий день, и спокойно идущие горожане уже не представляли однородную суетящуюся массу. Столица постепенно успокаивалась, превращалась в деловой, монотонно гудящий мегаполис.

Каблуков повернул ключ зажигания.

Мотор у «девятки» работал ровно, без посторонних шумов.

Стрелка мягко щёлкала на приборном щитке, призывая водителя к движению направо.

Мобильник в левой руке Каблукова светился синими каплями кнопок и напоминал голубое небо, заглянувшее в тюремную камеру через зарешеченное окошко.

– Давай! – ухнул басовитый голос Махотина. – Жми!

На экране мобильного произошло изменение, вспыхнула рамка, появилась надпись, которую Махотин не прочитал.

– Блин! Откуда этот выродок появился?! – зашипел Ма-

хотин. Сейчас ему достанется на орехи!

Каблуков бросил взгляд на пустой переулок. По нему в сторону двора с «Мерседесом» шёл молодой пижон...

Рамка мобильного помаргивала с каждой набранной цифрой номера абонента.

Каблуков бросил трубку в ящик для аудиокассет между сидениями, резко выжал сцепление, включил первую скорость и плавно отпустил педаль...

Впереди замелькали проезжающие машины. Можно было без опасения вклиниваться в поредевший поток. Опытный Каблуков проделывал такой манёвр неоднократно. Ему помогала наглость и каждый раз удачно. Его пропускали едущие сзади вежливые водители, и он плавно вписывался в правый ряд, что бы потом, набрав скорость, перестроиться в поток со скоростным движением...

Незвучный хлопок воспринялся как обычный выхлоп из глушителя...

Но вначале взошло второе солнце...

Каблуков отвлёкся от намеченного манёвра и не успел занять образовавшуюся нишу в потоке машин. Всего лишь секунду потерял он, созерцая огненный шар...

Небольшой серый джип выплыл из общего потока и тихо затормозил перед «девяткой», закрыв картину происходящего на Кривом переулке.

– Ну, ты чего!? – воскликнул Махотин. – Нужно уходить!.. Только спокойно, – сменив фальцет на ровный баритон, про-

должил он, – Иномарку не помни...

Анисин и Тарасов приближались к парковке «Жигулей» Каблукова. Оба выглядели спокойными и вели неторопливый разговор о предстоящих отпусках и о времяпрепровождении в ближайшие выходные. Однако опытные чекисты понимали, что второстепенные беседы лишь ширма. А гвоздь программы находится впереди, метрах в пятидесяти от них.

Анисин извлёк и кармана пиджака рацию, похожую на мобильный телефон, немного отстал от Тарасова и запросил абонента:

«Одиннадцатый – двадцатому. Доложите об объекте».

«Одиннадцатый. Объект находится возле машины. Беседует с неизвестным».

«Махотин?»

«Не похоже... Неряшливо одетый старик. Мы его берём под наблюдение. Проверим... Садятся в машину. Каблуков помогает старику... Скорее всего, клиент для частного извозчика».

«Ноль шестой – двадцатому. Приготовьтесь к полному контакту с объектом и пассажиром. „Облезлый“ на зоне играл в самодеятельном театре. Можно ожидать сюрприз».

«Ноль шестой – двадцатый понял. Приготовится к контакту».

– Палыч, шире шаг. – Анисин подошёл к Тарасову. – У «Каблука» появился пассажир. Возможно «Облезлый».

– В курсе, Владимир Иванович... А вот и синяя «девятка». Стёкла не тонированные, обзор хороший. Беседуют... Пассажир – седой волосатый дед. Неужели Махотин играет с нами... Завели машину, включили сигнал поворота. Сейчас уедут... Уже поехали...

Вспышка света на Кривом переулке и последовавший затем хлопок подтолкнули чекистов к действию.

– Двадцатый! – крикнул Анисин в микрофон рации. – Полный контакт!

Джип группы наружного наблюдения визгнул шинами по асфальту и замер в десяти сантиметрах от бампера «Жигулей».

Анисин и Тарасов не стовариваясь, подбежали с обеих сторон к дверям машины и разом их открыли.

– Руки на затылок, Каблуков! – сказал Анисин, касаясь стволом служебного пистолета мокрого виска водителя. – На затылок, я сказал!.. Выходи из машины.

– И ты, Махотин, руки на затылок и аккуратно, без суеты выбирайся из салона. – Тарасов сдвинул стволом пистолета седой парик Махотина в сторону. Из-под парика показалась белая кожа, усыпанная мелкими веснушками. Смуглое от грима лицо сморщилось в неприятной улыбке.

– В чём дело, начальник!

– Сейчас объясним, гражданин Махотин.

– Так объясняйте скорее. Мне в Чехов нужно, к маме с папой. Они волнуются. Месяц их не видел...

– Возможно, что не увидишь ещё лет десять-пятнадцать.

– У-у-у... Вы уже для меня и следователь, и прокурор, и судья в одном флаконе! А у меня есть права!.. И адвокат положен... Совсем обнаглели, менты поганые!

– Извини, «Облезлый», но тобой и «Упырём», он же «Каблук», будет заниматься не полиция, а ФСБ Российской Федерации... Повернись к машине, руки на капот, ноги раздвинь...

Подошли ещё несколько сотрудников в штатской одежде. Один из них извлёк из салона мобильный телефон. Он был включён. Женский голос повторял одну и ту же фразу: «Абонент временно не доступен...»

– Кто нажимал кнопку? – спросил оперативник у Каблукова.

– Я! – ответил Каблуков и закрыл лицо руками.

– Идиот! – буркнул про себя Махотин и повернул к палящему солнцу бледный безволосый затылок.

А на Кривом переулке разноголосо «играл» оркестр сигнализаций у припаркованных неподалеку от взрыва автомашин. На стройке прекратил работу шумный компрессор. Рабочие на верхних этажах строящегося небоскрёба столпились у краёв бетонных перекрытий и молча смотрели на искореженный взрывом горящий джип...

Голос генерала монотонно вещал из динамика портативной рации:

«...Обоих доставить в специзолятор! Перевозить и содержать отдельно! „Жигули“ осмотреть, изъять вещи, находящиеся в нём. Если понадобится, провести необходимые экспертизы. Выявляйте и опрашивайте свидетелей происшествия. Нужна информация о событиях, предшествовавших эксцессу. Обратите внимание на строителей офисного здания. Это рядом. Там полно зевак. Кто-нибудь что-нибудь обязательно видел».

«Ноль шестой. „Жигули“ отправляем на нашу стоянку?»

«Да! Но в начале осмотреть... Где там одиннадцатый?»

«Здесь, ноль шестой».

«Жду на Кривом переулке. Буду через десять минут».

– Ковалёв недоволен, – истолковал слова генерала подполковник Анисин. – Сейчас приедет, увидит и пожмёт нам руки. Собирайся, Виктор Павлович, за орденами. Ты – инициатор, я – исполнитель. И попутного нам ветра в зад.

«Скорую помощь вызвали?» – спросил притихший эфир безымянный голос. Ответа не последовало.

– Там есть раненые? – спросил Тарасов у Анисина.

– Похоже – да... Всё, Виктор Павлович! Здесь капитан Лякишев справится. Пошли на Кривой по подземному переходу. А Петр Иванович пусть в машине покемарит. Нечего ему перед пенсией смотреть на кровавые драмы.

Кривой переулок уже оцепили наряды милиции. На всём его протяжении посторонних не было. Только сотрудники ФСБ, ГУВД и МЧС. Две пожарные машины, не симметрич-

но перегородив переулок, стояли напротив входа во двор. Трое огнеборцев в брезентовых робах старательно смывали из брандспойтов радужные масляные пятна и клочья рыжей пены. Вокруг груды искорёженного и обугленного металла сустились эксперты-криминалисты. Несколько сотрудников милиции в форме и штатском бродили по двору, собирали и складывали в кучу куски металла, пластмассы, искореженные части кузова. Кучу изредка поливали водой, так как внутри некоторых деталей ещё теплились искорки, порождавшие огонь. От щедрого полива из двора в переулок и далее, в сторону Центральной улицы, струился чёрный ручеёк. Во дворе пахло гарью. Возле двухэтажного деревянного строения с выбитыми из красивых пластиковых окон стёклами, собралась люди в штатском, скорее всего сотрудники офиса. Служебные автомашины силовиков, доставившие на место происшествия наряды милиции и руководителей структурных подразделений, парковались за изгибом переулка, возле забора стройплощадки.

Первое что увидели Анисин и Тарасов, свернув во двор потревоженного взрывом дома, это бурый след на недавно выкрашенной в голубой цвет кирпичной стене.

Будто кто-то со злостью шлёпнул по голубому фону хорошо смоченной в свежей крови тряпкой. Тряпка прилипла к стене, потом медленно сползла на асфальт, оставив после себя абстрактный мазок...

Тут же, у стены, лежал мужчина, частично прикрытый

пропитанным кровью куском цветной материи. Вместо лица бурая маска из запекшейся кровавой субстанции. Возле тела, опустившись на корточки, суетился темнокожий мужчина, похожий на араба. Он что-то прикладывал к обнажённой груди окровавленного человека, следя за показаниями мигающего индикаторами прибора.

Анисин остановился рядом и спросил:

– Простите, вы – доктор? Что с ним?

– Я не доктор. Я владелец фирмы «Социальный баланс» Гасанов. Мы располагаемся в этом особняке. – Гасанов указал на дом без окон. – А это посторонний человек, прохожий. Может быть, один из ваших сотрудников. Вчера мне звонили в офис из милиции, просили о встрече... Он уже остывает. Да, ваши коллеги обнаружили в кармане погибшего документы. Узнайте у них, кто он...

– Он мёртв? – переспросил Анисин и тут же добавил: – А скорая помощь приезжала?

– Скорая помощь скоро будет, – печально усмехнулся Гасанов. – Уже пятнадцать минут ожидаем.

– Простите, я не представился. Подполковник ФСБ Анисин Владимир Иванович... Ещё кто-нибудь пострадал, кроме этого несчастного?..

Гасанов поднялся, почти по-военному изобразил стойку «смирно».

– Предприниматель Гасанов Раис Абидуллоевич... Немного пострадал мой водитель Пётр. За секунду до взрыва он

вышел из джипа, почти дошёл до входа в офис и получил удар осколком стекла в голову. Ухо чуть не оторвало. Мы его перевязали. Ожидаем скорую помощь... А этот молодой человек... уже входит в мир иной! – Гасанов наклонился, снял прибор с груди погибшего и нажал на нём несколько кнопок. – Всё, господин подполковник. Скорая помощь ему не нужна... А вот мне нужна машина. У меня встреча с Мэром в 11.30. А моё транспортное средство улетучилось вместе с этим парнем. Вы здесь старший?

Анисин оглянулся на присутствующих во дворе сотрудников.

– Нет, Раис Абидуллович. А что вы хотели?

– За мной через пять минут заедет мой знакомый. Он тоже приглашён в Мэрию, узнал о взрыве, о моих потерях и обещал подбросить. Посодействуйте, что бы пропустили его автомашину... по Кривому переулку. Иначе опоздаем.

– Пропустим. Я распоряжусь.

Подошёл Тарасов.

– Виктор Павлович, знакомьтесь! Это Гасанов Раис Абидуллович, глава фирмы.

– Майор ФСБ Тарасов Виктор Павлович. У меня к вам будут вопросы, Раис Абидуллович.

– После двух дня! Умоляю! Через пятнадцать минут важная встреча с Мэром!

Тарасов взглянул на часы, на окровавленное тело, на развороченный автомобиль, на обезображенный фасад особня-

ка и сказал:

– Мы здесь задержимся на неопределённое время. Так что увидимся во второй половине дня...

Генерал Ковалёв, худощавый, выше среднего роста, в сером костюме с расстёгнутыми на пиджаке пуговицами, появился во дворе как-то незаметно. Он остановился у искорежённого джипа, внимательно осмотрел весь двор и только тогда подошёл к прикрытому материей телу.

Анисин первым заметил генерала и подошёл к нему.

– Здравия желаю, товарищ генерал!

– Здравствуйте, Владимир Иванович, – сказал Ковалёв, не отрывая взгляда от тела погибшего. – Докладывайте. Что у нас здесь?.. Что выяснили?

– Погиб неизвестный гражданин. Обнаруженные при нём документы, пропуск или удостоверение личности, сильно повреждено и в крови. Эксперты ими ещё не занимались. Предполагаем, что это сотрудник милиции...

– Чем это его так ударило? – Генерал указал на окровавленную голову погибшего.

– Выясняем, товарищ генерал.

– Не взрывной же волной... так жестоко размазало парня по стене?.. Дальше...

– Эксперты ищут следы взрывного устройства. С днища джипа взяты образцы для анализа. Там обнаружены мелкие фрагменты вещества, похожего на оплавленную пластмассу.

Возможно от сотового телефона...

– Двор проверьте, как следует. Кто занимается осмотром места происшествия и пишет протокол?

– Местный участковый, товарищ генерал.

– Позовите.

Анисин оглянулся вглубь двора и крикнул:

– Лейтенант! Подойдите к нам!

Вместе с лейтенантом к генералу подбежали ещё два офицера милиции. Соблюдая субординацию, представились:

– Полковник Рудаков, начальник отдела милиции района.

– Капитан Селиванов, заместитель начальника отдела.

– Лейтенант Вишенка, участковый уполномоченный.

– Генерал ФСБ Ковалёв. Меня интересуют результаты осмотра места происшествия. Вы, лейтенант, этим занимаетесь?

– Так точно, товарищ генерал!

– Ну, и что у вас наработано? Докладывайте.

– Вот протокол... Он ещё не закончен, товарищ генерал.

– Посмотрим. – Ковалёв взял у лейтенанта планшет с прикреплёнными к нему листами стандартной бумаги и начал читать. – ...Давно в милиции?

– Скоро год исполнится.

– Прекрасно... Написано, как по учебнику. Что-нибудь интересное обнаружили, товарищ лейтенант?

– Интересное? – лейтенант замялся и оглянулся на полковника.

– Ничего существенного, товарищ генерал, мы не обнаружили, – чётко выговаривая каждое слово, ответил начальник отдела.

– Ничего? Тогда вы, полковник, можете заниматься своими обязанностями. И вы, капитан, тоже. Если у вас ничего интересного нет... – Офицеры козырнули и отошли в сторону. – Лейтенант, так что там у вас не очень существенное имеется?

– Предполагаемое орудие убийства, товарищ генерал. Правое заднее колесо джипа. Я его отдельно положил.

– Где?

– Вот оно, возле куста сирени, товарищ генерал. Я его прикрыл старой газетой.

Ковалёв и Анисин присели возле колеса. Анисин откинул газету. Слегка опалённая резина и кованый диск выглядели совершенно новыми. Лишь небольшая деформация в отверстиях крепления диска, говорили, что массивное колесо сорвано силой взрыва с барабана заднего моста. Анисин перевернул колесо. На закопченном скате, в заполненных грязью канавках хорошо просматривались фрагменты человеческой кожи с капельками вишнёвого цвета.

– Если бы парень сделал ещё один шаг, то мог бы рассказать нам о своих впечатлениях... – Ковалёв поднялся и посмотрел на Вишенку. – Вас не мутит от увиденного, коллега?

– Никак нет, товарищ генерал! Привык.

– За год работы в милиции? Что, так много смертей при-

ходится видеть?

– На моём участке, товарищ генерал, три старушки умерли от старости; один наркоман – передозировка; один алкоголик повесился – суицид; мальчик, ученик первого класса, попал под колёса машины; прошлой зимой четверо бомжей умерли от переохлаждения.

– И всех пришлось документировать?

– Вместе с оперативным уполномоченным.

Ковалёв уважительно окинул лейтенанта взглядом – с ног до головы.

– Значит – привык, коллега... Что ещё записано в твоих анналах.

– Апельсины, товарищ генерал, в количестве двух штук. Раздавленные. Как будто они во время взрыва лежали под машиной. А потом их выбросило взрывной волной к стене дома. Один апельсин я обнаружил возле... тела... покойного. Второй у забора...

– Где они? – понизив голос, спросил Ковалёв.

– Они... там, – лейтенант указал на скамью за кустом сирени... – Я их в целлофановый пакетик положил... и в протокол занёс.

– В присутствии понятых?

– Так точно, товарищ генерал! Двое сотрудников офиса. Вот, они записаны в протоколе.

– Хорошо! Показывайте находку, товарищ лейтенант!.. Анисин, за мной.

На указанной скамье сидели сотрудники учреждения, курили и обсуждали ЧП. Водитель Пётр с аккуратно перебинтованной головой сидел напротив, на ступеньках, покрытых стекольным крошевом, и бойко рассказывал собравшимся свою «интерпретацию» события. При появлении лейтенанта милиции и двоих мужчин в штатском курильщики дружно встали и удалились. Пётр остался сидеть. Пакет с апельсинами, сильно сплюснутыми и похожими на блины, лежал в примятой траве, рядом с бетонным основанием скамьи.

– И так, товарищ лейтенант, посмотрим на наши цитрусовые! – Генерал осторожно поднял пакет. – Раздавленные взрывом вещественные доказательства... Владимир Иванович, в машине Каблукова найден бумажный пакет с апельсинами. Капитан Лякишев осмотрел их и отметил, что они грязные. Такое впечатление, что их роняли в лужу и, не помыв, положили обратно в пакет. Эти тоже имеют идентичные следы, похожие на грязь... Возьмите для анализа местный грунт и сравните с этим, что на плодах. Протокол возьмёте у нашего юного коллеги. Похоже, Махотин минировал джип! Махотин!.. А на кнопку нажимал Каблуков... Спасибо, товарищ лейтенант Вишенка. Продолжайте осмотр.

– Товарищ генерал! – сказал лейтенант уходящему генералу. – У меня ещё...

– Что у вас ещё?..

– Вот... – Вишенка достал из нагрудного кармана рубашки целлофановый пакетик. – Это покойный держал в правой

руке. Монетка – пять копеек 1961 года выпуска.

Ковалёв вытряхнул монету на ладонь.

– Не новая, а блестит! – сказал он.

– Это я надраил его ластиком, – вмешался в разговор Пётр. – Пятак валялся в бардачке моей машины. Я его от нечего делать отполировал, а потом взял да и выкинул. А этот парень, наверное, подобрал.

– Зачем выкинули?

– Я не нумизмат, мне он ни к чему...

– Гм!.. А если бы вы его не выкинули, то этот парень сделал бы пару лишних шагов и был бы сейчас живым... – Генерал вернул монету лейтенанту. – Возможно косвенная причина гибели человека...

Пётр пожал плечами и ничего не ответил.

Ковалёв и Анисин отошли в сторону.

– С «Хачиком» виделись?

– Разговаривал, товарищ генерал. Предприниматель Гасанов Раис Абидуллович, владелец фирмы «Социальный баланс». При взрыве не пострадал. Только что уехал по делам в Мэрию. Легко ранен водитель джипа. Вы только что с ним разговаривали. Пострадало офисное здание фирмы. Все сотрудники на месте... Никто из них ничего не видел. На строительной площадке что напротив, ищем и опрашиваем свидетелей. Прапорщик Иванов во время взрыва находился в офисе, около дверей кабинета Гасанова...

– И тоже ничего не видел?

– Ничего, товарищ генерал!

– Ну да! Вы же его направили охранять Гасанова, а не его транспортное средство...

Душераздирающий женский крик влился в монотонное гудение города. Он приближался к месту происшествия вместе с приглушёнными мужскими голосами.

– Что там ещё?.. – сказал недовольным голосом генерал и проследовал к выходу из опалённого взрывом двора.

Худенькая девушка с всклокоченными прядями рыжих волос пробежала мимо входа во двор, но тут же вернулась, с ужасом в больших зелёных глазах осмотрелась, заметила окровавленную простыню, прикрывавшую тело погибшего, и замерла.

– Володя! – хрипло сказала она и начала медленно приближаться к телу. – Не может этого быть! Володька!!!

Два запыхавшихся милиционеров вбежали следом за девушкой и хотели оттащить её от погибшего.

– Не-е-е-т!!! Володя!

– Оставьте её! – крикнул генерал.

Девушка оглянулась. Ковалёв подошёл к ней и обнял за плечи.

– Ну-ну, что вы, милая девушка! Успокойтесь!.. Вам лучше на это не смотреть... Тихо-тихо!..

Девушка обмякла и ткнулась лицом в грудь генералу.

Следом за милиционерами во двор вошёл пыхтящий

от полноты седой мужчина лет шестидесяти.

– Доченька, – сказал он, принимая на руки безвольное тело девушки. – Нельзя же так. Может быть, это вовсе не Володя. Мали ли кто ещё... Не он это, не он...

Мужчина стал выводить девушку со двора.

На проезжей части, перед въездом во двор скрипнула тормозами скорая помощь. Двое мужчин открыли заднюю дверь машины и начали ставить на колёса складные носилки. Врач, полная женщина в помятом белом халате, что-то налила в миниатюрный стаканчик и почти насильно влила в рот девушке. Отец, придерживая дочь за вздрагивающие плечи, удалился к автостоянке.

Появился взъерошенный хозяин фирмы «Социальный баланс» Гасанов. Он тут же подошёл к Ковалёву и Анисину.

– Нашу встречу с Мэром отменили... Сейчас сам сюда прибудет. Ему уже сообщили... А я, кажется, совершил глупость. В машине приятеля, который тоже ехал на встречу с Мэром, и обещал подвезти меня, рассказал о происшествии. И о том, что погиб молодой парень, возможно – сотрудник милиции. А у него на заднем сидении дочь сидела. Как услышала о погибшем милиционере, так в крик и сюда. Сотрудники в оцеплении не смогли удержать... Одним словом – лопухнулся.

– Бывает, – сказал Анисин и дотронулся до плеча Гасанова. – Может быть, это совсем не тот Володя, которого знает дочь вашего приятеля.

Гасанов не уверенно кивнул и пошёл в офис.

Генерал спокойно воспринял сообщение о прибытии на место происшествия Мэра.

– Встретим, – тяжело вздохнув, сказал генерал. – Ты, Владимир Иванович, сообщи об этом полковнику Рудакову. Пусть своих милиционеров в оцеплении вздрючит. А то, чёрт знает, на кого похожи, слуги народа! Мух совсем не ловят! Да и сам... только путается тут... под ногами. Один лейтенант Вишенка у него за весь отдел отдувается!.. Ну, иди, обрадуй полковника... Да, предупредите полицию, что с Мэром, скорее всего, прибудет многоуважаемая пресса. Контакт с ней, в разумных пределах, поручаю тебе, Владимир Иванович... И ещё, пока Мэр к нам добирается, свяжись-ка с Синегорском. Узнай, не посылал ли подполковник Груздев своих ребят по адресам абонентов... Может это его Володя... лежит у стены...

Вечером над городом повисла огромная мрачная туча. Ночью прошла гроза с ливнем. А утром, омытая природой столица снова вверглась в пыльную пучину созидания.

Из тихого дворика на Кривом переулке вывезли останки погибшего джипа. Дворники подмели асфальт, засыпали песком яму, образовавшуюся от взрыва, помыли закопченный забор и хотели закрасить бурое пятно на голубой стене дома. Но кто-то попросил повременить с этой процедурой.

К обеду у стены появилась небольшая рамка с фотогра-

фией симпатичного парня в форме старшего лейтенанта милиции. И фарфоровая ваза с алыми гвоздиками...

1

...Вчера бион Боб уже показывал мне местную достопримечательность – игру заходящего светила. Это диво я воспринял как незапоминающееся сновидение. А сегодня я более реален по отношению к окружающему пространству. Я почти адекватен. И «пофигизм», поселившийся во мне, вовсе не успокоительная таблетка, а мерило рассудочного достатка...

...Тау касается линии горизонта, мягко прилипает к извилистому абрису оранжевого холма, расплющивается в горящий каравай, и тут же неторопливый калейдоскоп из цветных лучиков лениво рассыпается по небосводу и приступает к волшебному танцу над вечерним Камелотом.

Я невольно замираю, стараясь сохранить в памяти увиденный момент. Смотрю на звезду, похожую на Солнце, не скромную в плане демонстрации своих возможностей. Наше Солнце так не умеет...

Впрочем, дело не в звезде. Это сам Камелот устроил вечерние проводы здешнему светилу с фантастическими салютами и фейерверками. А для демонстрации возможностей гигантской атмосферной призмы требуется лишь безоблачное небо на закате...

Невозмутимый Бобби и суетливый карлик Чак – слуги из многофункционального браслета барона Раконера – за-

мерли рядом со мной и не произносят ни звука, словно бояться спугнуть вечернее световое ревю и ласковое наваждение обволакивающее моё сознание. Однако тишина пугает и легонько выталкивает меня из западни. Всё моё онемевшее тело, и почти весь ещё блуждающий в неведении мозг...

Я отвлёкся от навеянных за два дня впечатлений и дал серому веществу возможность проникнуться сказочностью текущего момента. Такую красоту нужно воспринимать без суеты. Просто смотреть на играющее небесное гало и получать наслаждение...

Но в моей же голове, как и раньше, ничего не происходит. А что в ней должно происходить? Она не отягощена памятью, не потревожена мыслями...

Даже без пугающего напряжения ясно: здесь – не поднятая целина для работы поверженного во тьму сознания... Моего сознания...

Небесная симфония цвета нежно успокаивает возбуждённые нейроны, и я заново погружаюсь в омут взорванных радужных струй.

Я потихоньку пробую рассуждать. Вернее – желаю включиться в процесс изучения объективной действительности... или реальности...

Или затянувшегося бреда...

Ненавязчивое безмолвие обволакивает мозг и мягко притормаживает его неуверенные попытки хоть что-нибудь подсказать хозяину...

Или намекнуть... Нет! Тишина...

Ориентиры, определяющие направление к истине, отсутствуют. Передо мной лишь блики из фантастического вселенского калейдоскопа.

...В данный момент моя память похожа на пчелиные соты до начала медосбора – во всех ячейках безмятежная пустота. Иногда на сером фоне что-то проявляется в виде зрительных образов. Но это лишь безликие кусочки от детской игры, в которой нужно из отдельных фрагментов собрать единую картинку. Таких фрагментов мало. Не понятно, из какого они времени. И что за полотно, в конце концов, должно при этом сложиться?

...Иногда выпячиваются фантастические видения, претендующие на реальность. Толи, галлюцинация наркомана, толи, инопланетяне экспериментируют? Выкрали меня, несчастного, и наблюдают... зачем-то...

Нет, это уже чистая мистика, или фантастика...

Фантастику я не очень любил и читал лишь изредка. Так что всё происходящее сравнивать не с чем...

Если это – рай, то и он устроен не по библии... Где, например, знаменитые врата в Эдем?.. Ангелы, Всевышний, Змей-искуситель?.. Где?..

И ещё – о самом себе – ничего не помню...

Нет, кое-какие воспоминания померещились за два про-

шедших дня и я о них расскажу. Однако утверждать, что это искорки от догорающего костра из моего прошлого, не стану... А мне так хочется узнать и понять, что же случилось со мной до забвения, из которого я никак не выберусь? И что происходит сейчас?

И как я попал в эту благоустроенную лечебницу, похожую на парадиз?..

Райские кущи, что благоухают в здешней округе, в моём сознании потихоньку отбеливаются, приобретают реальные очертания. Но ничего мне знакомого, хоть как-то просветляющего повреждённый рассудок, время, скользящее сквозь меня, не открывает...

Здешняя реальность – чужая!

Иногда становится спокойно на душе. Возникает состояние, которое я называю «пофигизм». И тогда мир вокруг делается безобидным и даже симпатичным. Только при этом всё немеет: тело, мысли... Окружающее пространство как прозрачная вата – глушит в неосязаемой глубине всего меня, всё моё существо...

Может быть, начинает действовать лекарство?.. Например – аминазин... Вроде бы им успокаивают буйных сумасшедших... Или во мне играет наркотическая дурь? Сейчас закончится её действие и меня начнёт колбасить от ломки в моём на время покинутом мире, совсем не похожем на библейский Эдем...

Иногда теряю сознание. Стоит напрячь мыслительную де-

ательность, как тут же становится дурно – тошнит, кружится голова, хочется лечь на пол и... умереть...

Идиотическое желание. Не помню, что бы я в прошлой жизни был самоубийцей...

Скорее всего, меня убили...

...Кроме этого, здесь мне несколько раз намекали о воспоминаниях. О моей прошлой жизни. Я, конечно, напрягаюсь, пробую хоть что-то вспоминать, и уже надёргал кучу эпизодов из прошлого. Однако ничего интересного в них не нахожу. Элементарная будничность, похожая на безликие капельки тетриса, падающие на ровную площадку памяти и ускользающие куда-то вниз, не оставляя при этом заметного следа...

И так, прошло два дня, как я проснулся в чужом мире. Но по-прежнему не понимаю, что хотят от меня находящиеся рядом люди. Ведь я помню только то, что было после пробуждения. А то, что называется моей жизнью, от первого до последнего мгновения, поглотила амнезия...

Небесный калейдоскоп растворился с последними лучиками солнца. А я всё «барахтаюсь» перед угасающим горизонтом в сером омуте неведения и пытаюсь вытянуть на скользкий берег утлое судёнышко памяти...

2

Я проснулся, открыл глаза и не могу понять, где нахожусь...

Глаза открыл, а не вижу ни зги. Тьма вокруг кромешная. И тихо... Да и пошевелиться не могу. Даже тела не чувствую. Как будто его нет и пошевелить нечем. Если не считать безликие мысли, бесцельно блуждающие внутри онемевшей головы.

Ну, если начал анализировать свои ощущения, то это означает, что «голова садовая» с серым веществом целая и катком для выравнивания асфальта её не раздавило. А остальные части тела – всего лишь временно не доступны для полноценного контроля.

Сердце стучит. Чувствую, как кровь пульсирует где-то внутри головы, под невидящими глазами. И ещё, кажется, дышу. Слышно шуршание воздуха. Значит, нос на месте и уши функционируют. А руки-ноги и прочее – отсутствуют... Ничего не ощущаю. Даже не соображу, в какой стороне от головы их зондировать...

Стоило подумать о пространственном расположении, как меня начало «колбасить» – вращать туда-сюда. То вниз лицом, то боком, а то вообще – вниз головой. Впрочем, «колобку» должно быть всё равно как его судьба разместит на блюдечке с голубой каёмочкой перед поеданием... лисой Патри-

кеевной...

Слегка напрягся и восстановился в первоначальном положении – лицом вверх. Поработал глазами. Нахмурился. Поморщился. Несколько раз опускал веки. Всё равно – впереди тьма. Правда, цветные круги от моргания начали возникать... Потом пропали... Тьфу, на них!

От мимической гимнастики защекотало в носу. Чуть было не чихнул. Сдержался. Испугался, что сдует с насиженного места. И что бы ни будоражить окружающее пространство, решил сориентироваться во времени. А заодно вспомнить хоть что-нибудь о себе...

...Со временем в памяти – полный мрак, как и с пространством. А о себе – что-то там выплывает наружу в виде абстрактных картинок, но их ни со временем, ни с пространством соединить не удаётся. А посему и своё место нахождения в данных физических и философских «кулуарах» или «континуумах» представить не могу.

При всём при этом – ни удивления, ни сожаления, ни боли...

Может я – всего лишь эмбрион «в чреве»?..

Сейчас произведусь на Свет Божий, и начнётся моя Новая Жизнь...

Похоже на первый прыжок с парашютом – страшно, но интересно узнать, что последует за кульбитом в тартарары!

Радуется лишь одно: начинаю философствовать, если мои маразматические фантазии можно присовокупить к этой на-

уже...

3

Лишь на секунду смежил веки и тут же провалился в небытие...

А потом, возможно через вечность, вновь «образовался» на самом краю «бескрайней» Вселенной, откуда не только звёзд, но даже галактик не видно. Абсолютная тьма и тишина...

Впрочем, тишина не абсолютная. В носу шелестит воздух. Значит, нахожусь на планете с атмосферой, а не на задворках мироздания. Дышится легко. Не холодно, не жарко...

К великой радости ощущаю приятное покалывание в области... э-э-э... чуть ниже спины. Как будто это самое место отлежал. Я, наверное, пошевелился, и в мои ягодицы стала поступать свежая кровь, которая сейчас оживляет затекшие мышцы, капилляры, нервные волокна и прочее.

Зуд восстановления начинает интенсивно продвигаться к коленям и далее, к ступням. Одновременно закололо в обеих руках, засвербело в затылке и противно отдалось мелкой колючей метелью по всей спине. Сколько же времени я лежу в умопомрачительной темени и на чём? И как я сюда попал?

Может быть, эти вопросы совсем не к месту.

Может, лежу я в гробу, и меня уже закопали, и думать обо мне забыли... Вроде бы с Гоголем Николаем Васильевичем этакое случалось...

И тут меня бросает в жар...

Чувствую, что руки начинают слушаться. Правая «культя» нехотя скользит по бедру, по животу, по груди, и, как автомобиль без тормозов, врзается в подбородок. Осязание ещё не включилось. Это касание воспринимаю колючками небритого подбородка. Щетина шуршит. Слава Богу, что не борода, как у Льва Николаевича.

Значит, ещё недолго «дрыхну» на одре...

Или, что гораздо хуже, – почиваю в домовине...

Если Льва Николаевича вспомнил, стало быть, трепанацию черепа мне не проводили. И я не последователь Анны Карениной, возжелавшей уйти в мир иной способом жестоким и для меня не приемлемым. Я бы так не смог...

Начинаю шевелить пальцами – преодолевая боль, сжимаю и разжимаю их. Всё чётче выполняются команды мозга. Всё понятнее и осязаемее для пальцев окружающее пространство, а, вернее, поверхность груди для правой руки, и то, на чём я лежу, для левой...

Поочерёдно анализирую сигналы от рук. Ощущения приглушённые, без подробностей...

Грудь обнажена... Кроме могучего волосяного покрова – быть того не может! – на широкой бугристой от мышц поверхности ни майки, ни тенниски не обнаруживаю. Твёрдый живот, защищённый мышечной бронёй, тоже немного удивляет. Чуть ниже всё упругое, мощное и ничем не прикрытое. Короче, ни плавок, ни трусов, ни кальсонов... И бедро похо-

же на бревно, налито мускульной мощью. Пробую ущипнуть себя за ягодицу...

Издали, по нервным волокнам трицепсов поверженного ниц атланта, до моего сознание доплывает ощущение комариного укуса. Значит всё это моё. Я имею в виду пальпированные участки тела.

Только куда же одежда подевалась!?

Левой рукой проверяю поверхность ложа. Оно похоже на тонкий стеганый матрас, или ватное одеяло, расстеленное на жёсткой поверхности. Потому и тело затекло.

И всё же, где это я? Куда меня черти занесли? Ну не на тот же свет!..

Для домовины наряд не подходящий. Стало быть, не в гробу. Для определения пространственного объёма, окружающего меня, поднимаю тяжёлую руку и она, к моей радости, не упирается в гробовую крышку. Шарю по сторонам. Насколько хватает длины рук, ощущаю стёганое покрывало. Под ним жёсткая, возможно каменная поверхность. Лёгким постукиванием определяю: это монолит, не издающий звука. Поджимаю колени и поворачиваюсь на правый бок. Так лежать неудобно, не хватает подушки. С помощью непослушных рук отрываю туловище от ложа и сажусь. Меня тут же начинает тянуть влево, но я упираюсь руками и удерживаюсь в сидячем положении. Голова закружилась. Немного подташнивает. Это от резкого подъёма.

Делаю несколько глубоких вдохов. Во рту сухо. Хочется

пить. Раздвигаю ноги, что позволяет мне удерживать тело в вертикальном положении и освобождает руки для «исследовательской деятельности».

Снова обшариваю грудь, ноги...

Ну, прямо-таки – Арнольд Шварценеггер в молодости. Мышцы упругие, даже без напряжения. Немного смущает обильный волосяной покров на груди. Словно до этого он отсутствовал. Убей Бог – не помню! И с мышцами перебор. Но это наживное для каждого человека. Позанимайся месяца три-четыре в секции начинающих культуристов и можешь гулять в Гарлеме без охраны. Может быть, я и занимался каким-нибудь видом спорта последнее время.

Голова тоже показалась немного странной. Не знакомой на ощупь.

Во-первых, под руки попалась могучая шевелюра из жёстких волос, спадающих на плечи крупными кольцами. Лицо продолговатое, лоб высокий, нос крупный с горбинкой, уши не большие. На мочке правого уха обнаруживаю приколотую серёжку в виде цветка, лепестки которого обхватывают крупный камень. Интересно, бриллиант, страз или стекляшка? Впрочем, в драгоценных камнях я полный невежда. Ещё раз проверяю нос. В ноздрах никаких колец и шпилек. На небритых щеках ритуальных надрезов не нащупывается. Слава Богу – не из зулусов. Рассуждаю вроде бы по-русски, если вспомнил Гоголя и графа Толстого Льва Николаевича. Впрочем, губернатора Калифорнии тоже упоминал. Первых

читал, второго видел в кино...

Да где же я!? И кто я?..

Набираю полную грудь воздуха и пробую крикнуть.

Горловое шипение осипшего человека. Правда, громкое...

Через пару секунд далеко впереди слышится медленное и приятное: «динь-блям-динь-блям...». Словно у кого-то включился вызов мобильного телефона.

И наступает рассвет, тёмно-серый, не надоедливый... А потом окружающее пространство медленно преобразуется в салатно-голубое, словно отражение небес в подёрнутой ряской заводи, готовое прямо сейчас вылиться на меня...

4

Такое безобразие русскому мужику вряд ли приснится...

Впрочем, это под вопросом. Сны у людей бывают разные. Может нечто подобное, в бреду, и ко мне явилось. Вот только прошлое во мне отключено. Да и вообще, кто я такой и откуда родом, мне ещё не сообщали. Некому...

В ненадоедливом, даже немного приятном водяном полумраке, сначала в сером, а потом в зелёно-голубом, увидел оранжевую равнину. Идеально плоскую, простирающуюся во все стороны до самого горизонта. На равнине, кроме моей персоны, восседавшей на ковре размером 4 на 4 метра, никого и ничего нет. Я раза три обернулся и внимательно изучил все 360 градусов.

Никого и ничего... Никого и ничего!!!

За границами стёганого ковра-покрывала твёрдый рыжий монолит, шероховатый, чуть холоднее температуры моего тела. На небосводе ни облачка. Солнца тоже нет. Просто на этой планете светло без звезды... А ночью, как уже отмечалось, – ни луны, ни единой звёздочки. Нет пернатых и насекомых. Не видно одиноких пальм у далёкого оазиса. Даже миража владыка этих мест для меня не придумал...

Пробую встать... Получилось со второй попытки. Боялся грянуться ниц с высоты собственного роста. Голова, как только я выпрямился, хрустнув позвоночником, оказалась

на высоте для меня не привычной. Тонкий коврик при падении с такой высоты от ушибов вряд ли спасёт. Заодно посмотрел на себя любимого, вернее, на всё доступное взору. Остался довольным. Кожа смуглая, скорее всего от загара. Волосистой покров на широченной груди и под брюшным прессом – русый. Вспомнились женщины, как противоположный пол, обладающие волосами различного окраса. Мне почему-то не нравились жгучие брюнетки с карими глазами. Другое дело – рыжие с зелёными, или блондинки с серо-голубыми. Дотянулся до вьющихся за спиной локонов и, скосив взор, удостоверился, что и здесь светло-русый. Значит и глаза... по крайней мере, не карие. Ещё раз ощупал лицо. Должен выглядеть прилично, не уродиной...

Взглядом опытного ловеласа удостоил внимания ту часть тела, которую мужчины берегут пуще всего...

М-да! Если я не сплю на этом свете, или уже очнулся на том, то в скором будущем меня ожидают приятные встречи в райских кущах с похотливыми куртизанками...

Попутно выяснилось, что я не мусульманин и не ортодоксальный иудей.

Единственная достопримечательная вещь этого мира ковёр – подробному описанию не подлежит. Прочная шелковистая красная материя, с упругой прокладкой под ней. Без рисунков и узоров, прошита по диагонали и напоминает большое ватное одеяло. Нечто подобное, но меньших размеров, продаётся в магазинах, вместе с простынями, пододеяльни-

ками и наволочками для подушек...

Интересно, какая сволочь затащила меня в эту странную пустыню?!

Сделал несколько шагов. Покачивает. Осторожно ступил на рыжий монолит... Идти босиком по нему, всё равно, что по крупнозернистой наждачной бумаге...

А если идти, то в какую сторону?

Нагнулся, приподнял одеяло. Ничего особенного. Как я и предполагал – лёгкое, стеганое, с упругой поролоновой прокладкой. Под ним та же оранжевая наждачка. Крышки люка от входа в «райские кущи» не обнаружил.

Вернулся на ковёр. Едрёна-Матрёна! Что делать!? Сесть бы в кресло и раскинуть мозгами для оценки сложившейся ситуации. Однако кресло отсутствует, а мозги совершенно спокойны, на ситуацию реагируют так, словно она кем-то создана для проведения со мной лечебно-профилактических мероприятий. Например, после операции по пересадке мозга... Нет. Скорее, после очистки памяти от лишней информации...

Какой ещё информации!? А?..

Про себя... ну ни хрена не помню. Даже не стоит перечислять, что именно мне хотелось бы узнать о себе любимом...

Покрутил перед глазами кисти рук, осмотрел предплечья и широкую грудь-саванну. Татуировок с именами любимых женщин, изображениями храмов, восходящего солнца, эмблемами ОМОНа или десантного батальона, воевав-

шего в Чечне, не обнаружил. Руки с красивыми ухоженными ногтями. Ладони же – сплошь трудовая мозоль. Трещин нет, но поверхность с папиллярными узорами, особенно подушечки пальцев, да и все пальцы, упруги и золотятся металлическими шишечками. Рёбра ладоней украшают выпуклые хитиновые щитки, возможно результат от постоянного тренинга с раскалыванием кирпичей и завязыванием в узлы арматурных прутков. А пальцами я, скорее всего, без напряжения протыкаю жестяные баки для питьевой воды. Как артист Лев Дуров в старом фильме. Название картины не вспоминается. Что-то про революцию и про жутко красивую любовь, показанную будущим послом Азербайджана в России Паладом Бюль-Бюль оглы...

Защипало правое ухо. Поскрёб раковину указательным пальцем и снова наткнулся на серёжку. Блин! К серёжкам в ушах мужчин у меня сохранилось отношение не совсем симпатичное. Лично я, увидев юношу с таким украшением, делал брезгливую мину и старался уйти в сторону совершенно «свободным», с сохранённой для иных целей нормальной сексуальной ориентацией... Меня ещё от женщин не тошнит. Чего это я на сдвинутых по фазе должен ориентироваться!

Не-не-не! – увольте!!!

Основательно ощупал лепесток с камнем. Оказывается, черешок металлического цветка воткнут в мочку уха и с внутренней стороны закреплён круглым замком или гай-

кой. Сорвать серёжку можно, но с причинением травмы. Нет, рвать свои симпатичные и не топорщащиеся в стороны уши, пока не буду. Пробую снять замок. Не получается. Зажимаю пальцами круглую бляшку за мочкой и левой рукой выкручиваю цветок. Получилось. Минут через пять на ковёр падает серебристая гайка, и я резко выдёргиваю весьма странное для меня украшение...

В золотниках и каратах несведущ. Серёжка сделана из белого тяжёлого металла с едва заметным желтоватым отблеском. Налицо тонкая ювелирная работа. Камень голубой, искрится многочисленными гранями. Явно из дорогих бриллиантов. Подбираю валявшуюся у ног гайку, навинчиваю на черешок цветка...

Нет, желание выкинуть серёжку в оранжевую пустоту не появилось. Я взвесил её на ладони и положил на край ковра. Всё-таки ценность – принадлежащая не мне, а этому балбесу с моими куриными мозгами, очутившемуся у чёрта на куличках и без неглиже.

Ещё раз покрутился вокруг собственной оси...

Никого и ничего.

Хорошо хоть в туалет не хочется. Да и желудок по еде не соскучился. Пропала и жажда, возникшая во мне, когда я представил себя в домовине.

ТЬФУ-ТЬФУ!..

Потискал пальцами мочку уха. Из ранки вышла капелька крови. Прижечь бы ранку чем-нибудь. От пальцев пахнет.

Совсем неприятно. Видимо кожу под замком серёжки давно не промывали...

Да кто же тебе уши-то будет промывать? Вот чудак! Сам и запустил себя...

Чёрт возьми! Неужели наличие серёжки мне на что-то намекает? Бред сивой кобылы! На всякий случай повертел задом. Нет, не похоже что бы меня... Вот может быть я... Но это же противно! Что-то здесь не так...

Про себя отмечаю: в основательно опустошённую голову волосатого дебила приходят довольно-таки глупые мысли, ни кем не контролируемые, вылетающие откуда-то со стороны...

Нет, что бы насладиться воспоминаниями о скрипичном концерте Спивкова, о новой постановке любимого балета, о лирических изысках покойного Василия Фёдорова. А он, полюбуйтесь-ка, о нетрадиционной ориентации философствует. Нескромной серёжкой в ухе, знаете ли, обзавёлся...

Прозондировал внутреннее состояние тела и души. Ничего не болит, ничего не хочется. Не устал, не страшно, не обидно. Ничего особенного от окружающего меня пространства не ожидаю. Просить о помиловании некого...

Сложил одеял вдвое. Получилось более мягкое ложе. Край одеяла свернул валиком – есть куда положить буйную голову. Да и вообще, не стоять же дубом, или анчаром посреди не знойной, но всё же пустыни...

Лёг на правый бок, закрыл глаза и провалился...

5

Ненадоедливое, но какое-то приглушённое, почти потустороннее, «блям-динь-блям-динь...» снова заставило возвратиться из небытия.

С минуту лежу на том же правом боку с закрытыми глазами и прикидываю, что буду предпринимать, если, подняв вежды, увижу ту же рыжую равнину.

Потусторонний мир и его безлюдная пустота меня, несомненно, разочарует...

Чёрт! Даже не хочется эти самые вежды открывать...

Я, кажется, подумал, что «увиденное» меня «разочарует»!
А не ошеломит!..

В двадцати сантиметрах от моего лица, на моей подушке (отмечаю: не на валике из стеганого одеяла, что в рыжей пустыне) покоится нечто не привычное для моего взора... и понимания...

Боясь пошевелиться, скосил глаза и осмотрелся...

Спальня выглядит шикарно. Такие будуары я видел в американских триллерах, где янки ненавязчиво показывают свой образ жизни на примере великосветских особ, что, несомненно, содействует растлению полуголодного населения развивающегося мира. Правда, в последнее время, и наш кинематограф старается заглянуть в спальни к новым русским, к олигархам и бандитам...

Эта спальня, подстать бандитской, оказалась просторной, приватной и уютной. Именно о таком будуаре я в прошлой жизни несмел и мечтать. Только слюнки глотал, ибо перспектив для приобретения и вечного обладания подобным не существовало в принципе... Хотя, что-то промелькнуло похожее – уютное, приватное и с рыжим пятном на подушке...

Кажется, виртуальные картинки в моём мозгу продолжают свою жизнь. Вот я их и описываю... э-э-э... в смысле – рассказываю об обозреваемом пространстве своими словами...

Широкое и высокое окно занавешено тяжёлыми серо-голубыми шторами. Ночной светильник, расположенный за пределами видимости, создаёт мягкий полумрак...

Кровать широченная. Удобная лежанка для строевого отделения из десяти человек ещё не откормленных для пыток «дедами» новобранцев. А я вот один на ней...

Пардон! Пардон! Не один!

Уж и не знаю, как её обрисовать. Это я о соседке по кровати...

...Ещё раз прошу извинения! Почему это вдруг я решил, что лежу в своей кровати и с вожделением описываю местный уют и полумрак как свой, сугубо приватный. Может быть вот это существо, что посапывает рядышком, владеет всем этим и чем-то ещё, что за пределами её будуара. А меня, накаченного под Шварценеггера «хиппи», пригласили к себе в богатый дом для оказания интимных услуг... Возможно,

что так оно и есть... Как я уже выяснил ещё в оранжевой пустыне, меня есть за что приглашать... В качестве... как их, то бишь... а, вспомнил – в качестве жиголо.

Соседка, точнее её симпатичное личико с пухлыми губами, а также высокая обнажённая грудь, напоминающая вершину Килиманджаро, и всё прочее, в полумраке будуара просматриваются с трудом. Это потому что её кожа поблескивает в свете ночника как хорошо начищенный и отполированный бархоткой офицерский сапог хромовой кожи... Приятный тонкий запах дорогих духов и ощущение знойного африканского солнца... А может быть и я в другом теле? И лицом не светлее Поля Робсона!?

Осторожно извлекаю из-под простыни руку. Да нет же! Всё на прежнем уроне. Приподнимаю голову и касаюсь мочки уха. Серёжки нет, но на месте прокола нащупывается небольшой болезненный шарик. Похоже на нарыв. Всё-таки в ранку попала грязь...

– Майкл, ты не спишь?

Я опускаю голову на подушку и всматриваюсь в огромные глаза, нацеленные на меня. В них отражаются звёздочки от настенного бра.

– Уже не сплю, – шепчу я и «нагло» протягиваю руку под простынёй к вершинам Килиманджаро. Попутно скольжу по бархатному бедру, мягкому животику... Она хихикает и осторожно отталкивает меня. Потом быстро поворачивается и прижимается ко мне упругой грудью. Несколько мгно-

вений смотрит мне в глаза, чмокает горячими мягкими губами в нос и, оттолкнувшись, выскользывает из-под простыни к противоположному краю кровати...

– Сегодня ты был несколько странным!.. У тебя всё в порядке?

Прямо как в американском триллере: «ты в порядке, значит и жизнь твоя в порядке...» Говорит с акцентом, но без ошибок. Как же узнать её имя. И где мы встретились с ней? Толи я подобрал «занзибарку» на улице Тверской, толи она меня на вечеринке в посольстве республики Кот Дивуар. Кстати в Кот Дивуаре, кажется, разговаривают по-французски. И она бы назвала меня Мишелем, а не Майклом.

– Не совсем, – отвечаю я. – Что-то с памятью моей стало. Все, что было не со мной, и со мной лично, не помню... Вообще ничего не помню... Пустой бамбук...

Она подходит к креслу, что рядом с туалетным столиком, и, не торопясь, одевается. Ни капельки не стесняясь моего присутствия. Каждый предмет одежды имеет свою очерёдность. Ловкие женские руки быстро и аккуратно прилаживают предметы туалета на свои места. Между прочим, бельё у неё дорогое. Проституткам такое не по карману. Предложить ей принять душ? Или наоборот, она сейчас укажет мне на дверь?

– Я спешу, дорогой. Приведу себя в порядок дома. Майкл, я оставляю мою визитную карточку. Звони... А воспоминания к тебе вернутся... Просто нужно подождать. Скоро

придёт Серафим. Он поможет тебе изменить внешний вид. Твои волосы меня всегда досаждали, а сегодня я от них просто чешусь... В гардеробе подберёте одежду... Да, завтрак приготовит Роза. А водить тебя за ручку по забытому времени с сегодняшнего дня будет сэр Оскар. Он придёт минут через тридцать. Ничему не удивляйся, ничего не бойся. Для тебя наступает время задавать вопросы. Задавай, не стесняйся. До встречи, дорогой...

6

«Твои волосы меня всегда досаждали... дорогой...»

Похоже, не первый раз африканская мадонна посещает мои пенаты. И где я подцепил это чудо природы? Ловелас чёртов! И сделал это, скорее всего, для коллекции. В памяти всплыли рассказы знакомых, ещё не опознанных для идентификации, ребят, хваставших удачами на любовном фронте. Мол, хохлушку пробовал, китайанку, молдаванку... А я, стало быть, с негритяжкой сплю. И уже успел досадить ей своими кудрями. Срежу их к чёртовой бабушке! Мне подумалось, что могучая грива, в данный момент чесавшая мою спину, также рудиментарна, как и серьга в ухе. Ни того, ни другого я серьёзно не воспринимаю в нынешнем положении. Не моё это! Не по мне! Только за каким хреном я этим обзавёлся?

Прыщик на мочке зачесался, напоминая о неотложных мерах медицинского характера, каковые следует предпринять. Ухо начинает гнить... Всё же, как-никак, это моя голова. А этой частью тела я по ночам лобызаю раритетных красоток... И ещё, как сказал кто-то из телевизионных юмористов, я головою ем...

Роскошные шлёпанцы моего размера, уже не новые, но без приторного запаха пота, сразу приняли ноги в свои приватные объятия.

Словно на автопилоте продефилировал вокруг необъятного ложа к туалетному столику. Визитная карточка находилась в центре лакированного полукруга. И я узнал, что по ночам меня ласкает некая... dr. Madlen Hamilton. Имя иностранки, выполненное витиеватыми латинскими буквами, я разобрал, так как в школе и в ВУЗе изучал... толи англиш, толи дойч, толи френч... Остальной текст, не переведённый мной, кроме тринадцатизначного телефонного номера, вероятно, сообщал информацию о месте службы и должности госпожи Гамильтон. А что означает «dr»? Кажется – доктор каких-то там наук?.. Не может этого быть... Спать с женщиной, имеющей учёную степень? Это уже нечто, выходящее за рамки моего понимания! Нет-нет, завидовать самому себе ещё рановато.

Насмотревшись на визитку, поднял глаза и взглянул в зеркало...

Да-а-а!!!

Метаморфоза, происшедшая со мной вне моего сознания, поразила до глубины души...

На меня зыркнуло истинное «чудо природы», взлелеянное явно не на русских щах и картошке с ржавой селёдкой. Кроме украшенного мышцами загорелого тела я в данный момент обладаю, если это не сон, вполне дородной физиономией. Молодой лорд, сын нефтяного магната, ловелас, по нашему – бабник, только что сошедший с борта личной прогулочной яхты... Не хватает толстой золотой цепи на шею.

Да чтоб с крестиком, усыпанным брюликами... Чёрт! А ведь в это прекрасное мужское тело вселился тип, напичканный под завязку сарказмом и завистью...

Большие серые глаза под извилистыми бровями смотрят с той стороны волшебного стекла весьма нагло. Именно нагло, а не с признаками любопытства, излучаемого человеком, желающим познать неведомое и доселе не встречавшееся...

От себя лично, а не от имени типа, что вытаращился на меня с «той стороны», скажу, что я его, то есть себя, в таком «натюрморте» вижу впервые. И мои, опустошённые кем-то мозги находятся в данный момент в черепушке человека, ранее не занимавшегося философскими изысками о смысле жизни, и не рассуждавшего, как сейчас я, о биологических метаморфозах. Впрочем, мимику можно со временем подстроить под моё опрокинутое в чужой омут сознание. Чуть вздёрнуть брови, слегка растянуть губы... лучше с одной стороны, и, будьте любезны – на лицо скепсис глупца, воспроизведённый им в период овеществлённого самоанализа...

Шевелюра, как я уже отмечал, кучерявится весьма могуче, прикрывает высокий лоб, средних размеров уши, и украшает то, что можно назвать молодым человеком приятной наружности, знающим себе цену. Лет двадцати пяти – тридцати. Метр девяносто, или чуть выше. Все тридцать два зуба. Здоровые, не поврежденные кариесом. Вот раньше помнится... Ну не помню, сколько зубов удалили мне дантисты-сто-

матологи в примитивной, дурно пахнущей совковой клинике! А вот незабываемые болевые ощущения от экзекуции без обезболивающего лекарства сохранились... Тихо-тихо! Изучаем вновь приобретённую физиономию дальше...

Губы в меру пухлые, до ушей не растянуты.

Щетина на щеках и подбородке похоже оставлена специально – дань моде. Видны следы выравнивания границ участка с произвольно произрастающей растительностью. Она и здесь курчавится, только мелкими жёсткими колечками. Может, Мадлен имела в виду эту колючую поросль? Избавлюсь и от неё...

На этот раз я не был обнажённым. Великолепные абстрактной расцветки шорты с широким поясом, с пуговичками на ширинке, с длинными, почти до колен, штанинами.

Насмотревшись на приобретённое тело, огляделся. Спальня, или будуар, площадью примерно 6 на 6 метров. Потолки высокие, более пяти метров. Широченное окно за шторами. Справа у притолоки нашёл кнопки. Шторы раздвинулись быстро и бесшумно.

За окном тёмно-синее небо и непривычные для меня лазурные холмы. Вся округа покрыта зелёно-голубой растительностью: газоны с опрятно выкошенной травой, редкими кустарниками и совсем редкими, но огромными неизвестными мне деревьями. Между холмами виднеется краешек озера или реки. Зеркальная гладь отражает глубину безоблачного неба. Солнца не видно, оно находится сзади. Кривая

длинная тень от дома простирается до ближайшего холмика. Она подсказывает – за окном раннее утро...

Ну не вечер же, в конце концов!

А впрочем... Да нет же! Мадлен говорила о завтраке, который приготовит мне Роза. Значит – утро...

Так! А где в этом доме часы? В спальном будуаре их не видно.

При уличном свете комната преобразилась, и я, натурально раскрыв рот, стал осматриваться.

На стенах две картины с пейзажами. На одной – заколдованное лунным светом лесное озеро. На второй – пшеничное поле с васильками, лес с плакучими берёзами и бездонное тёмно-синее небо с пушистым облаком.

Ночной светильник отключился с открытием штор. Обычный матовый шар, висящий в воздухе за изголовьем кровати. Я подошёл поближе, что бы рассмотреть нить, поддерживающую источник света... А шарик, демонстрируя собственную независимость, воспарил к потолку и передвинулся в дальний угол.

Конечно же, я удивился, но не так уж, чтобы очень...

Только у меня возникло подозрение с намёком на мою душевную неполноценность...

Адаптируюсь, наверное...

Так, на что ещё можно обратить внимание? Ага! Два роскошных кресла. Стоят рядышком, между миниатюрным столиком и входной дверью. На одном из кресел Мадлен скла-

дывала свою одежду. На втором в «небрежной позе» возлежал сине-зелёно-малиновый халат. Моего размера. Мягкий, ворсистый, пахнувший клубникой. Накидываю халат на плечи. В правом кармане обнаруживаю массивный браслет с часами. Странный браслет. А часы вообще... без циферблата. Это может быть вовсе и не часы. На браслете белого металла, выполненного из замысловатых сегментов, прикреплён эллипсообразный кусок стали, не имеющий ни кнопок, ни головок для управления прибором... Если это прибор...

Я просунул левую руку в свободно растянутой браслет, и тот бесшумно сомкнулся у меня на запястье. Ха! А я хотел принять ванную, или постоять под душем... И как его теперь снять?

– Сим-сим! Отстегнись! Я сейчас в душ полезу. Не желательно, что бы ты намок, дружочек.

Браслет ослабил хватку и соскользнул с запястья на ладонь с растопыренными пальцами...

Честное слово, мне захотелось в туалет. По маленькой. Я опустил волшебный прибор на столик, рядом с визиткой Мадлен Гамильтон, запахнул источающий клубничные благовония халат, и, озираясь, на цыпочках, проследовал к выходу из будуара...

...И очутился в просторной гостиной комнате...

Я так назвал помещение размером с небольшой спортивный зал потому, что справ в углу, на фоне шикарного посудного шкафа переполненного сервизами, увидел невероятно шикарный обеденный стол с дюжиной стульев вокруг него...

Они мне показались странными. В метре от пола, висела массивная шайба из тёмно-коричневого стекла, немного вытянутая под эллипс, с отверстием в центре. Из отверстия выглядывало средних размеров дерево, похожее на лиственницу. А по периметру шайбы парили стулья из викторианского гарнитура, без ножек. Я, Фома не верующий, подошёл и подёргал стол и стулья. Всё держалось на своих местах прочно. Стулья можно передвигать, воспользовавшись кнопками в подлокотниках. Лиственницу можно понюхать. Она пахнет натуральной лиственницей.

Остальное пространство комнаты свободно для прохода, для танцев, если у вас гости и музыка нежно ласкает нервы; и для воздуха, если ты один на один с тишиной и благими мыслями о предстоящей встрече с Мадлен...

Стены в притягивающих взоры картинах с пейзажами. Огромные окна с видами на ту же холмистую долину, украшенную не-то столетними дубами, не-то разлапистыми гигантами-баобабами. В левом углу пара кресел возле непри-

метного журнального столика с пепельницей и вазой «отягощённой» шикарным букетом полевых цветов – васильков и ромашек. Цветы источают тонкий приятный аромат...

Нет, извините, то не васильки и не ромашки... Даже не похожи. Чёрт знает что! Но уж очень красивы и пахучи!

Комнату, в которой я мог побриться и принять душ, обнаружил не сразу. Вначале прошёл через гостиную в одну из дверей и, миновав небольшой коридорчик, попал в кухню. Там меня встретила Роза...

Точнее, я вошёл, а она там уже была. Девушка лет восемнадцати, белокурая, стройная, пышногрудая. Одета в цветастое платье, облегающее изумительную фигуру. Сзади на талии топорщился бантик от передника. Точёные ножки в белоснежных туфельках. Белокурая копна кудрей едва прикрывает прелестную шейку. Она стояла возле кухонного стола и что-то там готовила. Рядом на плите шкварчела яичница с беконом. Или... Ну, что-то там, несомненно, шкварчело и источало ароматы...

У меня сразу ёкнуло внутри. Какого чёрта я спутался с доктором Гамильтон, когда у меня дома в кухне прозябает такая красавица. Прямо-таки графиня Ростова Натали... или Наталья... Роза-мимоза... Нет, просто донна Роза.

Руки ловеласа, видимо по воле инстинкта, ещё не подчинявшегося моим командам, выскользнули из карманов халата, плавно легли на овальные бёдра девушки и заскользили по талии к верхним полушариям. Девушка вздрогну-

ла, повернулась ко мне изумительно симпатичным личиком и произнесла монолог из трёх десятков не понятных для меня слов. Кроме имён Майкл и Мадлен я ни чего в озвученном монологе не разобрал. Смысл сказанного, видимо по-английски, можно было понять по-разному.

Во-первых, кухарка, работающая в моём доме, в резких тонах обещала лишить меня причинного места, если я не прекращу хулиганить. И об этом пожалеет благочестивая Мадлен. При этом Роза профессионально фехтовала перед моим носом огромным, сверкающим в лучах утреннего солнца, кухонным ножом!

Во-вторых, юная принцесса Великой Британии, готовящаяся в ближайшее время стать Монархиней, грозилась линчевать разбушевавшегося подданного на площади перед башней Биг Бен, сегодня в полдень, под бой курантов. Что тоже огорчит доктора Гамильтон. При этом белокурая бестия размахивала, опять-таки перед моим носом, обрубок не до конца разделанной рыбы...

Я не уверен в точности перевода монолога Розы, но Кухарка и Принцесса в одном лице обещали пожаловаться на меня Мадлен, чего я, видимо, должен не допустить, немедленно изменив тактику поведения...

Моментально переварив оба варианта, я оттолкнулся от кухарки и принцессы одновременно, и спрятал похотливые «грабли» в карманы. Мне даже стало стыдно. Вполне возможно, что я покраснел. Донна Роза могла это заметить.

Такого раньше я себе не позволял. Ну, разве что с... ткачихами из общежития, но не с принцессами же, то бишь – с дочками бандитов... или хотя бы с рыже-конопатою и легко доступной для меня наследницей богатства бывшего директора, а ныне владельца ткацкой фабрики. Там не только причинного места могли лишиться, но и буйную головушку в расход пустили бы.

Фу, напасть! Как бы не пропасть! Что это со мной?

Ведь надо же вначале определиться, где я и кто я такой. А уж потом лапать то, «что дозволено Юпитеру и не дозволено Быку»... Или наоборот...

Мишкой меня никто никогда не называл. Это я точно помню. А типа с похотливыми руками могли, конечно, звать и Майклом, и Мишелем, и Мусой... Нет, пожалуй, Мусой и Мойшей не могли... Следов обрезания, как я уже отмечал при доскональном анализе причинного места, я не выявил.

– Прошу меня простить, госпожа Роза!

Роза, если это Роза, а не Жасмин и не Лилия, опешила, услышав бормотание по-русски.

– Ну, пардон, сори, ентшульдиген зи бите! Ты меня понимаешь?

– Я вас понимаю. Что вы хотите? – Роза говорила быстро, не подбирая слов, но с акцентом, как у Мадлен.

– Да в ванную мне нужно пройти... Умыться, побриться, зубы почистить. И ещё в туалетную комнату не мешало бы.

– Вернётесь в гостиную, повернёте налево, войдёте во вто-

рую дверь, по коридору – туалет налево, санитарный блок направо. Там вас ожидает Серафим.

– А кто такой Серафим?

– Ваш любимый бион. Он поможет вам привести себя в порядок.

– Ага, спасибо! Так вы меня простили за...

Роза-мимоза пожала плечиками и отвернулась к столу. Шлёпнула рыбьим хвостом по разделочной доске и кляцнула увесистым ножом, отрубая аппетитную дольку.

– Можете не волноваться, господин Майкл. Госпожа Мадлен об этом не узнает.

– А если узнает, то, что будет?

– Со мной – ничего. А с вами... – Роза ещё раз кляцнула ножом и, оглянувшись, выстрелила по моей наглой физиономии залпом синих брызг из прекрасных очей с хитроватым прищуром опытного палача профессионала.

– Понял, – сказал я и бесшумно удалился в сторону гостиной.

8

В туалетной комнате пробыл минут десять. Посидел на тяжёлой крышке унитаза, сияющего полированным металлом жёлтого цвета...

Просто так посидел, безрезультатно напрягая извилины мозга – анализировал происходящее со мной. Ничего путного, вызывающего хоть какие-нибудь эмоции, не возникло. Лишь зануло что-то внутри, и мышцы напряглись, как перед стартом на короткую дистанцию. Или перед прыжком со скалы, Бог ведает, с какой высоты, в бездонную пропасть, к чертям в гости... Выяснялось лишь одно, прыгать придётся без парашюта.

Поковырялся в воспоминаниях, лохматые обрывки коих откуда-то непроизвольно выплывали, демонстрируя полузабытые картинки-пазлы, звуки, запахи, и потом уже не уходили в небытие, а нехотя расплывались по опустевшему «мавзолею памяти», цепляясь, словно репейник, за узнаваемые и не узнаваемые пейзажи и лица. По поводу девчонок из общаги ткацкой фабрики – истинная правда. Навещал с друзьями это заведение. С весноватой дочкой директора связывало нечто общее. Но об этом память умалчивала. Ещё она активно отторгала мои попытки реставрировать образ русской «мадонны». Этот образ навевал что-то неприятное, и даже враждебное. Ну, коли, позарился на это добро, стало

быть, сам того стою... Впрочем, русская мадонна могла быть не рыжей и не весноватой... Например, белокурой...

Да ну их всех!..

С образованием – не ясно. Что-то, когда-то закончил, имею диплом, но иностранными языками не владею. Может быть, со словарём что-нибудь прочту. Направление явно не техническое. Ни о биномах Ньютона, ни о сопромате выглаженные утюгом извилины не намекают. На то, чем занимался в прошлой жизни, и чем занимаюсь в этой – представление смутное. В новой, совершенно чужой для меня шкуре, если не спортсмен, так альфонс. То, что юноша – отпетый бабник, автопилотом вылезает из всех щелей. Ну, ещё бы! Быть таким красавцем и прозябать без активного потребления порхающих вокруг тебя и источающих природное суперпритягательное наслаждение бабочек – непристойнее грехопадения...

Облегчившись, покрутил головой по сторонам и обратил внимание на великолепный дизайн и на оборудование туалета. Зеркальные стены, биде из натурального камня, унитаза из жёлтого металла. Конечно же, офигел... Это «офигение» постепенно увеличивалось по мере моего продвижения по дому. Возможно принадлежащему спортивного телосложения придурковатому альфонсу. То есть – мне.

Нет, начинать ненавидеть самого себя ещё рано. Нужно же осмотреться. Кстати, приставал к Мадлен, а потом и к донне Розе, не совсем я...

Да-да-да, не я!!!

Я бы такого себе не позволил, ядрёна вошь!

А вот отпечатки, пригодные для идентификации криминалистами, на сексуально-эротическом крупе донны Розы оставил я, волосатый Майкл... И это, возможно, подтвердят в письменном виде сотрудники охраны, наблюдающие за моим поведением на экранах мониторов. К подробным рапортам они, конечно же, приложат видео кассету с записями моих телодвижений...

Тихо-тихо!!! Это я так ёрничаю над собой...

Нет, перед прокурором с такой биографией последних пятнадцати минут моего существования в этом мирке, появляться не стоит. Но для себя отмечу, что некоторые поступки совершаются мною словно по чужому наитию, появляющемуся неожиданно и будто бы извне. Чуждая для моего восприятия сущность нахального красавчика из иного мира исподволь вторгается в моё не отягощённое вольностями беспамятство, напичканное ментовской терминологией. И эта сущность, если я не проявлю бдительность, как-нибудь подведёт меня под монастырь...

Вероятно, марксистско-ленинскую психологию в процессе приобретения специального образования я когда-то просматривал. По крайней мере, перед сдачей зачёта, прочитал в учебнике оглавление...

Серафим встретил меня, словно мы только что расстались у пивнушки, где беседовали о рыбалке (или о бабах), балан-

сируя в руках пивными кружками и хвостами пересушенной воблы...

Ещё один, новый для меня типаж, даже не поздоровался. Возник передо мной, словно вспыхнул, стоило мне перешагнуть порог искомого помещения. Мой любимый... бином. Нет, кажется не бином. А как-то ещё...

Мужчина лет шестидесяти, аккуратно подстриженный, побритый, облачённый в светлый летний костюм и белый свитер-водолазку. Серые туфли на высоких каблуках удлинляли только ноги. Из-за небольшого роста и худощавости Серафим выглядел миниатюрным. Внешне он походил на дворецкого, с независимым нравом и сугубо приватным мнением. Хранитель, так сказать, домашнего очага... Домовой... Вот-вот – сущий домовой!..

– Ну? – толи спросил, толи констатировал что-то домовый «при бане», когда я осторожно вошёл в залитую солнцем залу.

Бассейн, площадью 5 на 50 метров, мерцал синевато-зелёной глубиной кристально прозрачной воды у самых моих ног. С синих и бездонно-высоких небес на воду ниспадала свежая утренняя прохлада, вместе с Божьей благодатью, ибо крыши над головой здесь не было... Вот прямо так и ниспадала. Шаловливый утренний ветерок коснулся моей гривы и, ударившись в зеркало бассейна, влажными лапками прошёлся по ногам, заглянул под полы халата, бесцеремонно коснулся интимных мест. Я поёжился...

Вспомнил слова Мадлен о том, что могу спрашивать о непонятных для меня вещах всех встречных и поперечных. Нужно было бы начать это дело с Розы, но укоренившийся в приобретённом теле инстинкт похотливого самца уничтожил возможный диалог с принцессой-поварихой на корню...

– Доброе утро! – начал я разговор. – Вы – Серафим?

– К вашим услугам, господин, – тихо, но басовито про-
рокотал мужчина. При этом он приятно улыбнулся и сделал шаг в сторону. – Прошу вас, проходите... С чего начнём, господин?

– У меня есть имя...

– Хорошо, Майкл. Так с чего?

– Я желаю побриться. И хотелось бы избавиться от лишних волос на голове.

– Да, меня предупреждали о подобных просьбах с вашей стороны. Пройдёмте в косметический кабинет.

Косметическим кабинетом являлась ещё одна жутко просторная комната, примыкающая к бассейну. Высоченные потолки, три широченных эллипсообразных окна с видами на необычайно красивые пейзажи, полупрозрачный янтарный пол. Большими зеркалами в красивых рамах, парой шикарных кресел и раковины для мытья головы кабинет напомнил мне знакомую с детства парикмахерскую. Только напомнил. А так – ничего общего. Здесь наличествовала идеальная чистота, не пахло водкой и потом от неопрятного вида мастеров и клиентов, и в воздухе не витали пары ядови-

того «Шипра». На столиках перед зеркалами пусто. Ни тебе машинок для стрижки волос, ни флаконов с туалетной водой, ни набора расчёсок и ножниц. Умудрённого опытом цирюльника в белом халате тоже не наблюдалось.

– Майкл, присядьте, пожалуйста, к этому экрану. – Серафим подкатил одно из кресел к зеркалу и повернул ко мне. Я сел. Серафим развернул кресло и, выглядывая из-за спины, стал оценивать фронт работы, касаясь ниспадающей на спину гривы и поглядывая на моё отражение. – Вначале поработаем над причёской. Я продемонстрирую образцы, приемлемые для вас, Майкл. То, что вам понравится, мы обсудим с вами, согласуем с каталогом и сделаем.

– Вы будете меня стричь?

– Стричь! – удивился Серафим. – Ах да, делать причёску... Мы будем это осуществлять вместе. Понравившийся вариант воспроизведём на экране, всесторонне изучим, а затем с помощью телепортанного утилизатора уберём лишнее и подправим оставшееся...

– Показывайте образцы, – согласился я с Серафимом и обернулся к нему, ожидая увидеть фолиант с цветными фотографиями возможных стрижек и причёсок «изготавливаемых» в современных мужских салонах.

– Смотрите на экран, – сказал Серафим и взглядом указал на зеркало.

Моя симпатичная физиономия, отражавшаяся передо мной естественным путём, неожиданно проявила признаки

самостоятельности. Голова, обрамлённая шевелюрой, сама повернулась налево, а затем и вовсе показала мне «вид сзади». Собственно говоря, то, чем в настоящее время я обладал, волосы, ну и физиономия, конечно же, имели вид весьма привлекательный и украшали ловеласа. Лицом я выглядел куда приятнее Филиппа Киркорова, а русые, волнами ниспадающие ниц волны кудрей, не так приторно выпячивались из моей широкоплечей фигуры, как это проявляется у «звезды» эстрады...

Вот, блин! Задача!.. Может не стоит лишать себя этой экзотики. Эстрадные поп-звёзды, если не лысые, как патриарх сцены Иосиф, почти все обзавелись подобными шевелюрами. Ну а те, кого природа и наследственность обидели, ходят в париках или шляпах. А я-то, собственно, чего возжелал? Чернокожей Мадлен надоедали мои кудри? Да хрен с ней, с этой Мадлен! Другое дело, что мне самому эта кудряво-волнистая метёлка не по нраву. В том смысле, что за ней же нужно постоянно ухаживать, купать в дорогих шампунях, причёсывать, подравнивать и так далее. А у меня всегда на это не хватало терпения и, кажется, времени. Да и не позволялось мне, вроде бы, обладать такими патлами... Честное слово, не разрешалось! Это я припоминаю. За подобное могли даже наказать, вплоть до увольнения. Вот только откуда могли меня изгнать? Не из рая же! И в качестве кого я пребывал в той жизни?

Так что же? Заказываю Серафиму стандартный ёжик

со скобочкой?

На экране моя отчленённая от туловища голова замерла в позе между фасом и профилем, то есть, вполуоборот. Причёска начала преобразовываться за счёт различных укладок и начёсов виртуальной пакли над моей окаменевшей физиономией. Я сразу возразил этому и попросил Серафима «постричь наголо». Манипуляции с волосами прекратились и цирюльник, спешно обойдя кресло, встал между мной и зеркалом.

– То есть как, наголо!?

– Ну, это же только на экране. Сделайте меня лысым, а я уж потом подскажу, где и сколько нарастить.

Серафим склонил голову вправо, потом влево, осмотрел волосы цепким взглядом специалиста и почти шёпотом спросил:

– Значит, всё это – убрать, а потом нарастить в необходимых местах нужную длину? Да с вами просто приятно работать, Майкл!

– Терпеть не могу подхалимов! Начинайте же! Хочется посмотреть на себя в обнажённом виде.

Лысым я немного походил на Гошу Куценко. Нос, правда, чуть короче, глаза чуть больше и брови тёмные – волна при бризе... А так, прямо вылитый герой из российского криминального сериала. Если посмотреть с боков и сзади, то тоже ничего. Немного полюбовался на себя красивого – стриженного наголо. Заскучавший Серафим произнёс уже знакомое

«Ну?» и подвинул мою фантазию к творчеству. Короткая стрижка «ёжик», окантованная сзади и на висках скобочкой, вызвала неожиданное сопротивление со стороны хозяина салона.

– Боже мой! Умоляю вас, господин Майкл! Не делайте этого! Такие причёски у нас носят только рекруты Королевской колониальной армии. И то, только потому, что длинные волосы для них – помеха.

Думал я всего пару секунд.

– Убирайте лишнее!

– Нужно согласовать с каталогом, – промямлил Серафим.

– Согласовывайте.

– И с сэром Оскаром.

– А ему-то какое дело до моей причёски?

– Господин Майкл! Сэр Оскар просил проследить, что бы вы не совершали необдуманных поступков.

– Данный поступок мной обдуман. Вас за это не накажут. Так что принимаю ответственность на себя. Стригите!

Колпак в виде увеличенного мотоциклетного шлема появился в руках Серафима из «воздуха». Я на секунду отвлёкся, всматриваясь в свои серые глаза, а шлем уже в руках у домового. Он осторожно надел его на мою голову и принялся обеими руками заправлять в прибор пряди волос. При этом сам колпак словно бы висел в воздухе, не давил своей тяжестью на плечи, которых касался краями.

– Ну? – спросил Серафим.

– Что, написать расписку о снятии с вас ответственности?

– Нет, господин Майкл, не волнуйтесь. Я получил разрешение от сэра Оскара. Теперь требуется ваше окончательное решение.

– Да! – сказал я, не успев удивиться тому, каким образом мой цирюльник успел связаться с сэром Оскаром.

Серафим тут же приподнял волшебный колпак, и я увидел в зеркале немного рассерженную физиономию ловеласа со стрижкой «ёжик»...

А недельную щетину на лице я потребовал оставить, так как она гармонировала с новой причёской. И вообще... я настаивал на этом назло невидимому сэру Оскару, с которым Серафим постоянно контактировал на подсознательном уровне. Выяснилось, что мне не нравится, когда игнорируют моё мнение. Однако вышло всё так, как я того желал. Хотя сопротивление моим «новаторским» предложениям оказывалось постоянно. Но я убеждал Серафима в своей правоте откуда-то взявшейся настырной прямолинейностью, не приводя для этого убедительных доводов. Для доводов, из-за «умственной неполноценности» в данный период существования, я не мог подвести основательную платформу. Говорить слуге, что стрижку «ёжик со скобочкой» я заказал по просьбе некой Мадлен Гамильтон, а щетину оставил на зло ещё не опознанному памяти начальству, было бы не куртуазно. Честнее всего оказались мои заявления типа: «мне так нравится», или «мне так удобнее»...

Мочку правого уха Серафим вылечил за пару секунд. Немного потискал болезненный шарик под кожей, словно вправляя вывихнутый сустав, и тихо спросил:

– Ну, как? Больше не беспокоит?

Шарик в мочке больше не беспокоил.

– Это ваш личный маяк. Вчера имплантировали...

– Маяк? Кажется, в мочке уха у меня была серёжка в виде лепестка с камешком.

– А! Это – маяк с видео камерой, – буркнул Серафим. – Сэр Оскар решил заменить устаревшую модель новой, активированной для вас. Теперь на кристаллик пишется всё, что вы видите.

– Ничего не понимаю! О чём идёт речь?

Серафим тёплыми ладонями погладил мою голову, словно проверял шероховатость необычной причёски.

– Сэр Оскар вам всё расскажет, уважаемый Майкл. А сейчас, в бассейн. Вас «ожидают»: любимая дистанция в 500 метров, душ и лёгкий завтрак...

– Приготовьте свежую одежду.

– Хорошо, Майкл.

Десять отрезков по пятьдесят метров привели мускулистое тело в бодрое состояние. Память выдернула из недр кое-что из моего совсем не спортивного прошлого. Я умел плавать, так как некоторое время жил недалеко от большой реки, но к водным видам спорта был совершенно равнодушен. Кажется и к другим видам спорта, кроме футбола, никакого отношения не имел. А футбол? Да какой же мальчишка не любит играть с мячом?

Короче, полкилометра я отмахал со спринтерской скоростью. Усталости не чувствовалось совершенно. Мог бы ещё «полетать» между изразцами, украшавшими дно бассейна, и небесной высью, но Серафим дал финишную отмашку

и накинул мне на плечи тёплое полотенце, стоило мне выйти из воды.

– Ну?

– Прелесть!

– Теперь в душ?

– Да. И зубы не мешало бы почистить.

– Откройте рот.

– А...

Серафим плавным движением руки и своим приоткрытым ртом дал понять, что бы я замер и брызнул из миниатюрного флакончика на мой язык синий шарик сладковатой пены.

– Закройте рот и с полминуты поласкайте полость содержимым.

Во рту шипело и приятно пощипывало. Добросовестно выполнил указания данные Серафимом. Уже под жёсткими струями душа освободился от пены и прополоскал сверкающие белизной родные тридцать два зуба...

Я ещё раз пересчитал их... – тридцать два!..

У меня, кажется, раздвоение личности. Я, с полным комплектом здоровых зубов, всё время пытаюсь обнаружить языком «прогалины» в ровных шеренгах нижней и верхней челюстях. Их нет!.. Я невольно торможу и без того заторможенным сознанием.

Выйдя из душевой кабины, снова попадаю в «объятие» слуги. Серафим шустро обрабатывает меня махровым поло-

тенцем и предлагает одеться в благоухающие приятными запахами трусы, брюки и тенниску. Облачению ног носками и лёгкими замшевыми туфлями предшествует действие, совершенно мне не знакомое. Ванна для ног в тёплом содовом растворе, педикюр, массаж ступней, шлифовка пяток и омоложение межпальцевых впадин препаратом, нейтрализующим неприятные запахи. Это «мероприятие» заняло минут десять. Попытки помочь Серафиму были отвергнуты слугой одной жёсткой фразой: «Не мешайте!»

Я, расположившись в шикарном кожаном кресле, разомлел и больше не вмешивался в процесс моего окультуривания.

Он что, и портянки мне будет наматывать, если я надумаю надеть сапоги?!

Ну, на счёт портянок сказать ничего не могу, а мягкие махровые носки и замшевые туфли Серафим надел на мои благоухающие ноги очень профессионально, я и ахнуть не успел. Впрочем, возражать этому не стал. Почему-то вспомнилось детство, где мама помогала мне, сопливному карапузу, надевать жёсткие кургузые ботиночки, перед тем как отвести в детский сад...

Мама! Вспомнилось её лицо, уставшее, грустное и очень доброе...

Отца не помню. Его образ в мою опустошённую память ещё не приходил. Да и придёт ли когда-нибудь?

В голове по-прежнему идеальный вакуум. Лишь мечется

в сером бульоне не очень навязчивая мысль, что никакой я не Майкл...

А кто?

– Завтрак – в гостиной комнате. – Серафим поднялся с пола, похлопал ладонями друг о дружку, словно стряхивая с них пыль, и вежливым голосом добавил: – Мы с Розой поухаживаем за вами. После завтрака прогулка по парку. Там у вас, Майкл, назначена встреча с сэром Оскаром.

Серафим неторопливо и заботливо осмотрел меня со всех сторон, поправил тенниску, сдул с плеча пылинку, вручил чистый носовой платок, который я тут же спрятал в карман широких светлых брюк...

Знакомым маршрутом прошли в гостиную с плавающей в воздухе мебелью.

– Майкл, я предлагаю позавтракать на подвесной веранде, – сказал Серафим, указав на благоухающий изумрудными переливами пейзаж за окном.

– Согласен, – сказал я, вдыхая ароматный воздух, принесённый ветерком из приоткрытой двери кухни. Во мне тут же начал просыпаться аппетит, провоцируемый знакомым с прошлой жизни чувством голода.

Веранда, круглая площадка, метров пяти диаметром, обрамлённая замысловатой металлической оградкой, обвитой пахучим хмелем, парила на высоте трёх метров над бархатным газоном. В центре площадки стояли обычный круглый столик на четырёх ножках и четыре стула. Под нашим весом веранда неожиданно заколыхалась, словно плот на водной глади, и я замер у входа, готовый сделать шаг назад, в гостиную. Правая рука цепко держалась за дверную притолоку. Чёрт побери! Великолепному красавчику ловеласу досталась трусливая начинка.

– Присаживайтесь, Майкл. – Серафим выдвинул ближайший стул и оглянулся в мою сторону. – Вы испугались? Ах – да! Смело шагайте ко мне. Веранда – всего лишь элементарная гравитационная платформа, на которой вы сейчас по-

завтракаете. Она не провалится и не перевернётся. Кстати, на платформе можно было бы совершить небольшую ознакомительную прогулку по окрестностям. Но Гектор, наш садовник, по просьбе нашей госпожи, устроил внизу клумбы с вьющимися растениями. Направляющими для роста этих сорняков он снабдил не только стены дома, но и платформу. Так что она на крепком якорю. А вот и наша прелестница Роза!

Донна Роза вошла следом за мной с подносом, который плыл перед ней, на уровне прелестных полусфер, по правилам антигравитации, упоминаемой фантастами. Так, прошу прощения! «Прелестные полусферы» переползли в мою черепную коробку от лукавого ловеласа. А «похотливые грабли» я, слава Богу, в это время держал в карманах брюк.

Коренные изменения в моём внешнем виде Розу не удивили. Значит, не интересуется девочка смазливый «барчком»... Ещё раз – пардон!

Я сел на предложенный стул и Серафим бесцеремонно прицепил мне на грудь белоснежный «слонявчик». Я уже не сопротивлялся и не задавал вопросов. Донна Роза аккуратно «подкатила» поднос к Серафиму и тот быстро снял и разместил приборы передо мной.

Завтрак состоял из одного яйца, поджаренного именно так, как я это делал для себя в прошлой жизни. Глазунья, играющая большим оранжевым желтком, слегка припорошенная мелкой солью. Вокруг несколько впаянных в белок ку-

сочков обжаренного с луком бекона. Тонкие ломтики чёрного хлеба. Хлеб по вкусу напоминал «Бородинский». И кружка горячего кофе с сахаром и молоком. Пара бутербродов из нарезного батона со сливочным маслом и сыром. Ничего фантастического и экзотического. Завтрак прошёл в полной тишине и длился десять минут.

Во время еды я понял, что был, не просто голоден, а ужасно голоден. Однако просить «добавки» не посмел. А Серафим не собирался её предлагать. Вместо этого он отстегнул «слюнявчик», осторожно промокнул им уголки моих губ и бархатно произнёс:

– Ну?

– Спасибо, – сказал я. – И вам донна Роза, большое спасибо за прелестную яичницу.

– Донна Роза!? – удивлённо воскликнула или спросила девушка. – Нет, не называйте меня так. Я, к сожалению, не дворянка. Я всего лишь бион... Второй завтрак через три часа.

И эта – тоже бион! Словосочетание «донна Роза» проявилось из моей прошлой жизни, вместе с чёрно-белыми кадрами фильма с удивительным Калягиным.

Я встал из-за стола и, осторожно ступая по плавающему подо мной балкону, вошёл в дом.

– Прогулки по прилегающей местности предпочитаю осуществлять пешком, – сказал я занятому уборкой стола Серафиму. – Вы меня проводите, бион Серафим?

– С удовольствием, Майкл...

Сэр Оскар встретился нам в конце тропинки, протянувшейся от дома, между зелёных холмов с деревьями, похожими на очень большие африканские баобабы, до продолговатого озера. Это озеро я видел из окна спальни. На его правом берегу расположился ещё один из гигантов. Ствол дерева метров десяти в диаметре обладал могучей кроной, которая прикрывала собой территорию не меньше гектара. Для отдыха в жаркие дни на берегу чистенького водоёма, под деревом, создавался идеальный микроклимат. Огромные корни, поблескивающие воронёным металлом, держали фантастическую махину навесу, врезавшись в почву, словно щупальца гигантского спрута. Корневых ответвлений насчитывалось более десятка. Между ними просматривалось сумеречное пространство с бледными лианообразными отростками, спускавшимися из-под ствола в круглую чашу в земле, наполненную водой. Пространство под приподнятым стволом и под нависавшей над округой кроной шевелилось едва приметным туманным маревом.

Из этого сумеречного полумрака навстречу нам и вышел сэр Оскар.

Почему-то я решил, что эта загадочная личность из тумана и является тем самым Оскаром. И непременно сэром, а не доном или сударем. Проанализировать мелькнувшую

мысль я не успел – пришлось остановиться – слуга заметил приближающегося человека и повернулся ко мне.

– Ну, вы тут знакомьтесь, а я пойду обратно, – шепнул Серафим и засеменял по тропинке в сторону дома.

Это был старик с ярко выраженными признаками мудрости в больших серых глазах. Ростом чуть ниже меня, поджарый, с длинными, тёмными волосами. Волосы влажным коконом покрывали крупный череп и волнами спадали вниз, обрамляя смуглый овал лица, крупными непослушными завитками укладывались на серый длиннополоый балахон, наминавший офицерскую плащ-накидку. Кроме умных глаз на коричневом фоне лица выделались густые чёрные брови, встретившиеся над переносицей парой турецких ятаганов; стрелочки узких и таких же чёрных усов, шевелящихся под длинным с орлиным загибом носом; и клинышек бороды, гармонирующий формой и цветом с бровями и усами.

Прямо-таки – Мефистофель... В памяти мелькнул фрагмент иллюстрации из школьного учебника, где красовался данный субъект в образе злого духа.

Из боковых прорезей в накидке выглянули смуглые руки, поблескивающие кожей, натянутой на крупные кости. Накидка скрывала одежду сэра Оскара. Однако я заметил сверкнувшие под ней босые ноги. Он медленно шагал по траве, словно наслаждаясь её ласковым бархатом.

– Доброе утро, сэр Оскар!

– Доброе утро, малыш!

Голос у него бархатистый, не громкий.

Я уже намерился свернуть с тропинки в густую траву и подойти к старику, но тот остановил меня.

– Осторожно, малыш! Не стоит этого делать. Утренняя роса намочит твою обувь.

И в самом деле. Я только сейчас обратил внимание на мокрые полы накидки Оскара, и на тёмный след, оставленный на серебристо-изумрудном травяном ковре. Трава, освобождённая ступнями старика от груза влаги, бодро вскидывала упругие стебельки с мириадами повёрнутых вверх чашечек. Через некоторое время туман снова наполнит зелёные лепестки влагой и нагнёт стебельки обратно к земле.

Я остановился и посмотрел на мелкий гравий, покрывавший извилистую тропу, приведшую меня к озеру с могучим деревом на берегу. Продолговатые, словно зёрна разноцветной фасоли, чистые пёстрые камешки выглядели совершенно одинаковыми по форме и размерам. И выложены они в траве красивой мозаичной лентой, не имеющей разрывов, проплешин, сужений или расширений по всей длине. Аккуратно выполненное произведение садово-парковой архитектуры – неправдоподобно аккуратное. Такого опрятного уголка я не встречал в прошлой жизни. Зелёный травяной ковёр не обезобразивали нагло «выпячивающиеся» лопухи и конский щавель. А дерево-гигант, похожее на баобаб, не напоминало чудо африканских саванн, запечатлён-

ное мной не наяву, а из чёрно-белой иллюстрации в учебнике географии. Мне подумалось, что вокруг меня, скорее всего не Африка, и дерево, нависшее мрачным тёмно-зелёным облаком, не баобаб. Да и трава с миниатюрными колокольчиками, собирающими туманную росу, скорее всего не растёт ни на одном из континентов планеты Земля... По крайней мере, в кино и на экране телевизора я ничего подобного не наблюдал. Может быть, где-нибудь в Новой Зеландии растут такие деревья и такая трава? И жители этой страны, кажется, разговаривают по-английски...

Ну не на Марсе же соизволили вы сегодня проснуться, господин Майкл?!

И вообще – я всё ещё сплю на красном коврике в оранжевой пустыне без оазисов, под непроницаемым чёрным небом, без звёзд и солнца... и вижу сон...

Сэр Оскар приблизился к дорожке и, словно перешагнув невидимый барьер, ступил на хрустящую гальку. Накидка у Оскара распахнулась, и под ней оказался мужчина очень необычной комплекции. На статном теле, загорелом и украшенном бугорками бицепсов и трицепсов, хорошо сидели тёмно-коричневые шорты и серая тенниска. На запястье левой руки сверкнул массивный браслет с ромбиком без циферблата. Точно такой я оставил в спальне...

– Подержи-ка, малыш, – сказал Оскар, протягивая мне накидку. – Через пять минут туника просохнет, и я возвращу её Феликсу. Ну, какие у тебя впечатления? Что-нибудь

не так в нашем мире? Что-то не понятно? Что-то увидел новое? Спрашивай...

Секунду назад я был готов засыпать сэра Оскара сотнями вопросов. Но «нечто», прятавшееся во мне, неожиданно сковало «чувство» любопытства, если таковое существует, и некоторое время удерживало инициативу, способствующую обогащению знаниями. Я молчал и смотрел на старика, ожидавшего от меня членораздельной речи. Но мой мозг не породил шевеления нейронов, а язык, не получавший от них сигналов, просто лежал за забором зубов слюнявым рудиментарным отростком...

И выглядел я в этот момент первостатейным дебилом.

– Пойдём, малыш, поближе к берегу. Там есть премильный уголок с изумительной беседкой. Посидим, помечтаем. Я люблю смотреть на воду. Успокаивает.

И мы пошли...

Беседка – лёгкий навес на четырёх опорах с парой плетёных кресел и висящим между ними диском – располагалась у самой кромки воды. Водная поверхность, покрытая мелкой рябью, и в самом деле притягивала взор, успокаивала и даже убаюкивала монотонным небесно-глубинным спокойствием. Однако меня в который раз посетило недоумение при виде парящего между кресел деревянного диска, напоминавшего выбитое из пивной бочки днище. Диск в этом странном мире был обычным столиком, не имеющим привычных для моего сознания ножек. К сожалению, недоумение не сопровождалось хотя бы толикой анализа. Усаживаясь в предложенное Оскаром кресло, я ткнул пальцем в парящее бочковое дно. То без сопротивления отплыло на полметра и замерло, в ожидании иных козней со стороны идиота без памяти. Это я так про себя, любимого.

Оскар не обратил внимания на проведённый эксперимент. Или не подал виду. Он взял из моих рук накидку-тунику, несколько раз встряхнул её и она, я это видел своими глазами, вдруг уменьшилась до полного исчезновения. Причём уползающий «хвостик» туники не просто так исчез, а вполз в ромбик на браслете, словно чья-то рука втянула его внутрь.

Нет, конечно же, в детстве я читал наших и зарубежных фантастов и искренне удивлялся их придумкам, балансиру-

ющим на грани между знакомым нам реальным миром и мирами из волшебных сказок. Но тут, если это не сон, происходило нечто умопомрачительное.

– Хорошо. Если у тебя нет вопросов, малыш, – сказал Оскар, усаживаясь в другое кресло, – то спрашивать буду я. – Он улыбнулся, поправил обеими руками волосы – откинул влажный ворох кудрей за спину – и подтянул диск к себе. – Не хочешь ли выпить воды?

– Да, очень хочется попить, – сказал я и оглянулся в надежде обнаружить где-то рядом в прибрежной траве кран с водой. Но вода возникла на диске сама собой, незнамо откуда, в двух высоких хрустальных бокалах. Рядом же проявилась массивная пепельница, а следом – открытый портсигар с длинными коричневыми сигаретами.

Вода, прохладная, с лёгким йодистым запахом, несколько успокоила мозговое напряжение. Я выпил больше половины бокала. К портсигару ни первое, ни второе «Я» руки не протянули. Видимо не курили мы оба в прошлом. И Оскар не стал предлагать, а сам затеплил тоненькую сигаретку от огонька, вспыхнувшего из ромба волшебного браслета. Никогда не сравнивал амбре от сигарет «Дымок» и «Прима» с ароматами от «Мальборо» или «Парламент». Яд есть яд, как его не назови. От коричневой же палочки Оскара на меня повеяло чем-то пиратским, зовущим в далёкое путешествие с невероятными приключениями. И ещё, осыпало дурманящим ознобом романтики с полнейшим «пофигизмом» перед

лицом ещё не опознанной опасности...

Кстати, насчёт витающей над моей головушкой возможной опасности. Например, в виде чётко воспринимаемого фантастического бреда, исполняемого каким-то там центром в одном из полушарий мозга, после употребления порции лекарства полученного от медбрата психиатрической лечебницы...

...Лежу я, значит, привязанный вафельными полотенцами к железной койке, пускаю слюни и фантазирую...

...И вот в этом фантастическом, но выглядящим весьма правдоподобно, прекрасном мире, у меня, как у лягушки, вылезшей из родного прудика на зачумлённую выхлопными газами загородную автостраду, и без романтического окуривания образуется в голове этот «пофигизм». Станный такой, невозмутимый, напоминающий полуобморочное состояние. Другой бы, тот, который нормальный, в штаны бы наложил. А мне – всё пофигу.

– Начнём со знакомства, малыш. Моё полное имя – Оскар Арчибальд Лотар. Потомственный лорд, член Палаты лордов Камелота. Председатель коллегии «Ипсилон адвокатуры». Профессор медицины. Серьёзно занимаюсь психиатрией. Конкретно – посттравматическими синдромами. Изучаю процессы, происходящие у больных, пребывающих в коматозном состоянии, и методы преодоления амнезии после восстановления жизнедеятельности мозга, получившего механическую контузию или биохимическое отравление. В на-

стоящее время работаю над твоими проблемами, малыш. Теперь рассказывай всё, что ты знаешь о себе. О том, что ты вспомнил сегодня после пробуждения о своём прошлом. Как твоё имя, малыш?

Бред это или не бред – мне пока до лампочки. А присутствие психиатра настораживает. Я представился:

– Майкл... Возможно, у меня было другое имя. Скорее всего – другое. Потому что у русских таких имён нет. Но так меня называла леди Гамильтон. Затем донна Роза и Серафим...

– Ну, Розу и Серафима мы опустим из нашей беседы. Они всего лишь бионы и говорят только то, что им дозволено. А доктор Гамильтон – моя ассистентка. Это она пробудила твоё сознание, малыш. Продолжай.

И я, словно двоечник у классной доски с неудовлетворительно выученным стихотворением, начал сбивчивый рассказ с «непроницаемой тьмы» в красной пустыне. Упомянул серёжку в мочке правого уха, похотливое и, как выяснил потом, нежелательное для противоположных половых «объектов» ухаживание, сначала за доктором Гамильтон, а потом и за донной Розой. Подозрение на раздвоение личности описал почти в философическом духе, как единство и борьбу противоположностей. Озвучил кадры со стрижкой волос, водным марафоном, завтраком и впечатлениями, оставленными от созерцания летающих предметов, необычной травы и невиданных мной доселе баобабов. Закончил устное

изложение рассуждением о моём, возможно русском, происхождении. И, не прерывая монотонного чтения «стихотворения в прозе» о «воспоминаниях», спросил члена Палаты лордов Камелота, возможно соседа по палате в психушке, о том, как называется «эта лечебница» и как мы сюда попали. И не снится ли мне всё это...

Сэр Оскар, человек серьёзный и весьма понятливый, недаром – профессор, обладал к тому же вполне нормальным чувством юмора. Похлопав сухими ладошками по тощим лодыжкам, секунд двадцать трясся от смеха. Потом неудачно затянулся сигаретным дымом и долго кашлял. Начавшую было икоту «утопил» оставшейся половиной бокала воды, предварительно растворив в ней красную таблетку.

– Ты, малыш, аккуратнее... с шутками, – прохрипел профессор, ставя опустевший бокал на диск. – Я всё-таки человек пожилой, к геронтологам ещё не обращался. А с тобой можно и не дотянуть...

Сэр Оскар откинулся на спинку кресла, вздрогнул телом, одолевая последнюю судорогу икоты, и, уже вполне серьёзно, посмотрел на меня, на успокаивающую водную гладь озера, на бирюзовое облачко, висевшее над озером, шумно вздохнул, и с явным наслаждением снова затянулся ароматным, но всё-таки ядовитым дымом романтической сигареты. Отнивелировав настроение, ещё раз стрельнул в меня пронзительным взглядом исследователя.

– Нам предстоит огромная работа по восстановлению твоей памяти, малыш. Правда, основную долю процесса, ты будешь осуществлять самостоятельно, без активного вмешательства медицины и без информационной поддержки. Су-

дя по отчёту, который ты озвучил, сведения о твоём «Я» фрагментарно восстанавливаются. Тенденция познания нового прогрессирует. Это заметно по тому, как ты реагируешь на вещи увиденные впервые. Например, ты отметил предметы мебели, снабжённые антигравитационными блоками, позволяющими удерживать их на заданном уровне от поверхности земли или пола помещения. Удивился, но заметил, что анализа увиденного не производишь. И даже термин для умственного бездействия придумал: «пофигизм». У тебя временно заторможен синдром любопытства, присущий некоторым приматам и другим особям планеты Земля. Хотя вопросы типа: «А что это такое?» восстанавливаются. Но стабильного желания заглянуть под этот плавающий в воздухе столик не возникает. А в детстве ты, наверное, переломал кучу механических игрушек, что бы узнать, почему они жужжат и катаются по полу. Теперь я и доктор Гамильтон будем тебя просвещать в плане ознакомления с окружающим миром. Кое-что объясним и расскажем. Но о себе постарайся вспомнить всё сам. Я имею в виду активное развитие имеющихся в памяти информационных фрагментов, которые как в мозаике, должны соединиться в целое и неделимое и пробудить твоё истинное «Я». Как я уже отмечал, подсказок со стороны не будет. Искусственные толчки создадут неравномерную активизацию легко восстанавливающихся второстепенных отрезков памяти и затруднят работу мозга по воспроизведению более важных знаний и картины твоей прошлой

жизни во всей совокупности.

Сэр Оскар произнёс монолог спокойно, без назидательного тона. Впрочем, назидательность в данном случае была бы не к месту. Профессор старался «вытащить» меня из мнимой «палаты номер шесть» и поселить на планету с названием, которое я где-то слышал, но не мог вспомнить – где. И что оно обозначало в мной утраченном пространстве? Я проснулся и очутился в ином мире, в чужом теле, без приобретённой когда-то памяти. Хотя и рассуждаю вроде бы вполне осмысленно. Русскую речь не забыл.

– Профессор, а что произошло со мной... в прошлой жизни? Где я нахожусь? Почему очутился здесь? Чьё тело занимаю? И зачем я нужен вам?

– Ну, наконец-то! Прорвало! – Сэр Оскар не наигранно улыбнулся, демонстрируя удовлетворённость исследователя получившего первый желаемый результат. – В прошлой жизни, малыш, ты умер. Нашему сотруднику, оказавшемуся рядом с твоим телом, удалось снять копию матрицы аурической памяти и зафиксировать полную формулу биополя. То есть, душа в нынешнем теле – твоя, родная. Находимся мы на планете Камелот. Это протекторат британского содружества, постоянного члена Евро-галактической конфедерации. По земному летоисчислению сейчас первое декабря 2809 года. Здесь очутился не случайно. В прошлой жизни ты обладал какой-то важной информацией, которую должен был передать нашему сотруднику. Назначенную встре-

чу прервали неизвестные лица, возможно враги нашего агента. Всё, что он успел скопировать, переправили на Камелот и передали нам. Цель акции – восстановить память носителя информации – твою память, и, соответственно, прочитать нужные нам сведения. Новым держателем твоего «Альтер эго» был выбран молодой человек – твой одноклассник. С ним так же произошло несчастье. Правда, несколько иного характера. Его память полностью утрачена принудительным воздействием сильного излучения. Мы вряд ли ему поможем. Биологическая и полевая матрицы юноши не сохранились. Они были записаны в своё время на биокристаллы, но их до сих пор не обнаружили. Так что раздвоение личности у тебя происходит всего лишь на уровне инстинкта. Оно будет подавляться твоим же сознанием – единственным хозяином вполне приличного тела. Кроме этого, Майкл, ты как личность и подданный королевства, теперь обладаешь значительным состоянием, дворянским титулом, замком в Эльсиноре – столице Камелота, земельным участком и домиком в котором ты сегодня проснулся, малыш. И ещё ты унаследовал массу именитых родственников и кучу не решённых проблем. Они станут твоими: и родственники, и проблемы. Но об этом поговорим после выздоровления...

– Скажите, профессор, а где же меня похоронили? Где покоится моё настоящее тело?

– Похоронили тебя, малыш, на старом русском кладбище, рядом с могилой твоей мамы. В небольшом подмосков-

ном городе. В 2008 году... Это, пожалуй, всё, что я могу тебе сообщить. Так как данная информация в твоём мозгу отсутствует. Теперь ты будешь заниматься своей памятью сам, уважаемый барон Раконер...

Всё, означенное выше, я старательно продиктовал моему «персональному собеседнику», одному из бионов, доставшемуся в наследство от настоящего Майкла. Собеседника звали Боб. Об этом настоятельно просил сэр Оскар после завершения ознакомительной встречи с ним на берегу чудесного озера под сенью могучего камелотского баобаба, которые, как выяснилось, тоже принадлежат молодому барону Майклу Раконеру вместе с трёхэтажным «домиком» в котором я проснулся.

По мнению профессора, «мемуары» в виде ежедневного отчёта должны способствовать восстановлению «секретного донесения» не доставленного 800 лет тому назад агенту Евро-галактической конфедерации, возможно прозябающему сейчас в неведении о чём-то важном в далёком, диком и мрачном 21-м веке. Да ещё на другой планете...

Стоп! Я, кажется, путаюсь в своих показаниях...

Это я на другой планете. Я в чужой «шкуре», в чужом доме, в отдалённом от моего родного и любимого 21-го века времени. Одним словом – в будущем...

Кроме этого, по мнению сэра Оскара, ведение дневниковых или мемуарных записей поможет накапливать и сохранять новую информацию, которой я буду пользоваться, если пожелаю остаться на Камелоте, что бы существовать в теле

барона.

Последняя фраза меня несколько обескуражила, и я спросил мудрого собеседника:

– А если не пожелаю остаться на Камелоте и в теле барона? То, что будет со мной? У меня есть выбор?

Сэр Оскар улыбнулся и ответил:

– В нашей жизни всегда есть выбор, малыш. Кроме перечисленных желаний, у тебя появится возможность вернуться к своему первому телу... а оттуда – на небеса...

Вполне демократичный выбор. Я состроил задумчиво-дурашливую мину, поскрёб коготками стриженую макушку и, откровенно ёрничая, сказал:

– Нет, мне лучше сосуществовать в баронах. Раньше, знаете ли, я в баронах никогда не бывал. Хочется испробовать, что это такое. Стану, знаете ли, писать мемуары, вспоминать текст секретного донесения, купаться в бассейне, накачивать мышцы. А по ночам буду бегать к шоколадной красавице Мадлен. Если, конечно, вы не возражаете насчёт ангажирования вашей ассистентки.

– Не возражаю, малыш... Доктор Мадлен Гамильтон – твоя супруга. Вы женаты уже шесть лет. У вас двое детей. И ты... вернее барон Майкл Раконер в ней души не чаял. И она его любила. Да вот несчастье с бароном прервало их безмятежное существование... Она счастлива оттого, что ты наконец-то пришёл в себя, заговорил. Она очень надеется на твоё расположение. Ты для неё по-прежнему – лю-

бимый супруг. Мне и Мадлен, а так же домашним бионам, пришлось зафиксировать в памяти забытый русский язык, что бы приблизить тебя к нам, к новому для тебя обществу...

Всё-таки процесс криминального умерщвления сказался на моей психике. Не иначе как двух пудовой гирькой погладили по буйной головушке молодого дикаря из 21 века. Сунул я её куда-то в неположенное место. И теперь в неё легко впитывается упомянутая мистическая «ахиня», и тут же теряется в глубинных пустотах серого вещества. События, пересказанные Бобу, и сам Боб, – чистейший бред наркомана. И всё, что есть вокруг, что привиделось или приснилось, не воспринимается в полной мере, как объективная реальность. Пока не воспринимается. Так что «пофигизм» ещё помучает меня и моё необычное окружение, приставленное ко мне или к молодому барону Майклу Раконеру. Если, конечно, это не сон...

Что-то хрустнуло у меня внутри, в моей расплющенной голове. И стало жаль Мадлен – баронессу Гамильтон-Раконер, по сути, оказавшуюся вдовой. И её детей малолетних...

Стало быть, красавица-шоколадка не уборщица из дипломатического корпуса, и не ночная бабочка из подворотни на улице Тверской. Она – единственная и любимая супруга молодого барона...

Моя супруга!!! А я – барон!!! Профессор так сказал...

Э-эх! Чужую медальку на грудь повесил и уже возгордился. Не барон я! Всего-навсего – тлен, развеянный временем

к настоящему моменту на атомы...

По окончании беседы профессор «спрятал» пустые бокалы, пепельницу с портсигаром в волшебный браслет и «выудил» из него же ландо. Экипаж на четыре персоны с открытым верхом. Разумеется без колёс и без пукающих и периодически выделяющих комочки экскрементов лошадок. Дизайнер видимо копировал летающий экипаж под «ретро», а мне он показался обыкновенной большой пластиковой ванной с мягкими креслами внутри. Тут же появился некто Феликс – персональный собеседник сэра Оскара. Подозреваю, что и он вылез из браслета профессора. Довольно-таки симпатичный мужчина спортивного телосложения, лет пятидесяти, чем-то похожий на Серафима. Феликс помог мне вскарабкаться на плавно покачивающийся экипаж и разместиться в левом кресле. Профессор же самостоятельно вспорхнул над бортом и плавно плюхнулся рядом. Феликс сел впереди, на «облучок», тут же уменьшился до размеров куклы Барби и переместился на вспыхнувшее перед нами облачко-экран.

– Давайте совершим небольшую экскурсию по окрестностям, – сказал профессор. – Феликс, пожалуйста, не выше кроны Биг Тома.

– Да, сэр! – сказала голова куклы с экрана.

И мы поплыли сначала под кроной Биг Тома – самого высокого баобаба на моём «дачном участке», потом вокруг его кроны, что мне жутко понравилось, и дальше, над озером, протянувшимся полукругом по границе владений баро-

на, как Москва-река вокруг Лужников. Издали осмотрели ещё несколько деревьев-великанов, разбросанных на многочисленных зелёных холмиках. Потом полюбовались работой плавающих над чайными плантациями серебристых каракатиц, то ли собирающих урожай, то ли окучивающих кусты. Облетели невысокую скалистую гряду, соединявшую извилистой линией оба конца озера. За пределами озера и гор, находились территории не принадлежащие мне...

...Я хотел сказать: «территории не принадлежавшие» барону Раконеру...

А сэр Оскар уделил внимание изучению Скалистых гор. Так он называл небольшую каменную гряду, испещрённую разломами и небольшими пещерками. Иногда воздушное ландо зависало над выступами перед каменными гротами, и профессор внимательно осматривал пустоты, имевшие продолжение внутри гор.

Время в путешествии пролетело незаметно. Я насмотрелся на пейзажи с голубыми далями. На причудливые и величественные строения, проявлявшиеся из туманной дымки у горизонта. На бесшумно проплывавшие над нами огромные платформы в виде кругов, эллипсов, прямоугольников и треугольников. Профессор пояснил, что это транспортные средства, в основном – грузовые, иногда прогулочные – для туристов и любителей отдыхать в облаках.

В конце путешествия осмотрели «дачу», или «загородную хижину» несчастного барона. Сначала внешне – вокруг

по спирали, а потом в пешем порядке по залам, апартаментам, кабинетам и будуарам. Домоправитель Серафим сопровождал меня и профессора по одному ему ведомому маршруту. Здесь без гида можно легко заблудиться.

Симпатичная донна Роза накормила нас обедом. Сэр Оскар позволил угостить себя рюмочкой местного бренди. Он же категорически запретил угощаться горячительными напитками мне. До особого распоряжения. Кроме этого не советовал пользоваться информационными каналами ТП видео, домашним телепортаном и чем-то ещё, о чём информировал только Серафима.

Прощаясь, профессор поинтересовался, где я прячу моего персонального собеседника.

Пожать плечами, демонстрируя неосведомлённость о том, где находится мой «персональный собеседник», я не успел. Волосатый юнец, напоминавший меня не стриженного, вошёл в столовую и поприветствовал нас.

– А, вот и собеседник! – воскликнул профессор. – Лёгкок на помине. Вас познакомить, или сами разберётесь во взаимоотношениях?

– Разберёмся, сэр, – сказал парень и игриво подмигнул мне.

– В таком случае разрешите откланяться. – Профессор пожал мне руку и направился к выходу. Серафима и Боба, так звали волосатого юношу, он, уходя, знаками внимания не отметил. А они, кажется, и не обиделись. Но мне как-то стало

не по себе...

– Ваш браслет, Майкл. – Боб протянул знакомую вещь, обнаруженную мной утром, в кармане халата. – Носите его на левой руке. Для вызова домашних бионов назовите имя. Меня зовут Боб. С Серафимом и Розой вы знакомы. Ещё где-то в доме есть Гектор и Фрам. Мы всегда к вашим услугам...

– Майкл, зачем ты это сделал?!

Доктор Гамильтон вошла в кабинет неожиданно и несколько смутила меня.

Я сидел за шикарным рабочим столом барона в удобном плавающем кресле и пытался расшифровать записи в блокноте, обнаруженном на одной из полок. Дело в том, что на стеллажах и полках кабинета я не увидел книг, кассет или дисков, знакомых по прошлой жизни, из которых можно было бы почерпнуть какую-нибудь информацию об окружающем пространстве. Я обнаружил лишь плоские коробки, заполненные крупными цветными кристаллами. Они-то, скорее всего, и были современными носителями информации. Но как с ними обращаться, я не знал. Блокнот – тетрадь книжного формата в изящном кожаном переплёте, оказался единственной понятной мне вещью. В нём хозяин кабинета вёл записи. Текст был выполнен красивым почерком, латиницей, и, конечно же, представлял для меня совершенную абракадабру. Я даже подумал, что никогда в жизни не выучу язык этой планеты. Но, успокоился, ибо буквально все, с кем я сегодня встречался, прекрасно общались со мной на русском. Лишь донна Роза сказала свой единственный «комplement» на «тарабацком», когда я, по воле инстинкта приобретенного от похотливого барона, удосуужился её приголу-

бить. Но и она спохватилась, услышав первые слова на русском, и сразу заговорила с прибалтийским акцентом от Лаймы Вайкуле...

Баронесса всплеснула руками и медленно подошла ко мне.

Чёрт меня дёрнул явиться именно в это помещение! Я, видимо, нарушил границы допустимого. Кабинет хозяина – территория сугубо приватная. А дневниковые записи в домах господ всегда являлись обязательным табу для остальных домочадцев. Ведь в своём дневнике барон, возможно, фиксировал нечто семейное и личное. Сейчас получу от Мадлен нагоняй!

– Ты мог бы посоветоваться со мной, дорогой Майкл!

– Извините, баронесса! Я всё равно ничего не понял в записях вашего мужа. В кабинет меня привело простое любопытство и желание найти какую-нибудь книгу, альбом или фильм...

– Майкл, зачем ты изменил причёску?! Ты собираешься записаться в космический легион?

– Так вы говорите о моей причёске, баронесса?

– Я говорю о тебе, мой прелестный барон!

Мягкие тёплые ладошки коснулись небритых щёк и заскользили по стриженной голове. Я собирался, было встать, но Мадлен сказала: «Т-с-с!» и, обняв за шею, села ко мне на колени. Её пухлые уста коснулись моих губ...

О-о-о! Поверьте мне на слово, я умел целоваться в про-

шлой жизни. Возможно Майкл и Мадлен во время сексуальных игр тоже «лобызали» друг друга и наслаждались этим, как и все разумные земляне. Но в данный момент со мной лично произошло нечто необычное. Гормоны в теле молодого барона, видимо, дремали продолжительное время. С момента утраты памяти до момента внедрения в черепную коробку нового «квартиранта» прошли бездеятельные дни, а может и недели. И вот сейчас в здоровом теле мужчины пробудилась та магическая мощь, перед которой ещё не устояла ни одна прекрасная волшебница...

А у прекрасной волшебницы тоже был «застой»...

Мы даже не удосужились спуститься на второй этаж, в знакомый мне будуар. В кабинете барона имелся не очень широкий кожаный диван и прекрасный мягкий ковёр, покрывавший всю свободную территорию между стеллажами и рабочим столом.

Мы выбрали второе...

Силы небесные ввергли нас в неопишуемое блаженство и вернули на грешную землю одновременно... но не сразу. Это было нечто непередаваемое...

Собственно говоря, интимные подробности я не стал описывать Бобу, как информацию для «последующих» размышлений. И сэру Оскару они, эти подробности, то же ни к чему...

– Майкл, я знакома с историей восточно-европейских племён, живших на Земле тысячу лет тому назад. Но не ду-

мала, что они так искусны в любви. Они умели-таки делать её удивительно приятной!.. Я имею в виду – любовь...

– Ещё они умели пить водку, воровать, воевать, терпеть унижения, писать книги, картины, сочиняли музыку, создали могучую империю, успешно её развалили и совершили ещё многое, чего не делали другие народы...

Я отдыхал рядом с запыхавшейся баронессой и рассматривал узорчатый потолок кабинета. Одновременно в моём мозгу происходил необычный процесс, следствием которого стало зарождение чего-то приятного, интимного, но давно не испытываемого мной. Меня даже приподняло и повлекло к потолочным узорам, красивым и немного таинственным. И я утонул в магических завитках со своими видениями, нахлынувшими на меня из порушенных закоулков памяти...

Это было похоже на первую любовь к девочке из младшего класса. Голубева Светка, наверное, о моих чувствах и не догадывалась, а меня сводили сума её белокурая коса и огромные небесно-голубые глаза. Года три сводили, не меньше, пока я не увидел прекрасную блондинку на школьном новогоднем балу в объятиях подвыпившего старшеклассника. Они целовались, и Светке было приятно. Она даже попискивала в грубых объятиях настойчивого «соперника». В тот вечер во мне щёлкнул внутренний выключатель. Прекрасное чувство больше не зарождалось. А девочки, которым я нравился, не только попискивали в моих объятиях, но и...

– Майкл, когда у тебя День рождения? Я хочу сделать тебе подарок.

– Интересно, какой? Раньше у меня с подарками было как-то не очень...

– Так, когда же?

– Первого сентября. Помню, в школе меня всегда поздравляли одновременно с началом учебного года и с Днём рождения. Я родился первого сентября 1980 года. Родился в роддоме номер семь, что на улице Новый Арбат в Москве. Нет, тогда это был проспект Калинина. Роддом знаменитый. О нём даже в фильме «Место встречи изменить нельзя» упоминается. Кажется, имени Грауермана. Наверное, был такой доктор-акушер. Впрочем, не знаю. Может быть и не акушер...

– И какое имя придумали тебе родители?

– Имя?.. Володя! В честь Высоцкого... Он умер сразу после окончания Олимпийских игр в Москве, незадолго до моего рождения... А-а! Мадлен, я кажется, вспоминаю! Ко мне возвращается память...

Мадлен прильнула к моему плечу и провела ладошкой по груди. Бившееся после любовного марафона сердце плавно успокоилось.

– Вот и хорошо. Не напрягайся. Остальное ты тоже вспомнишь. Не сразу. Не торопи события... Так ты хочешь узнать, что за подарок будет у тебя на День рождения?

Я оторвал взгляд от потолочных узоров, «рухнул» на ковер и обернулся к Мадлен.

– В нашем времени подарки делали сюрпризом. Но если у вас на планете Камелот это происходит иначе, то, пожалуйста, не возражаю. Оглашайте список, баронесса.

– Сегодня первое декабря...

Мадлен загадочно притихла.

И я на секунду задумался. До первого сентября ровно девять месяцев...

Хитрые глазки Мадлен стрельнули в меня пронзительным залпом экзаменатора, заинтересованного в положительном ответе абитуриента.

Кажется, она знала дату моего рождения до моего признания!

Желаете сюрприз, сударь? Так получайте, повелитель чернокожей красавицы и новоиспечённый дон Жуан!

– Ты уверена, что такой подарок у меня будет?

– Если ты, мой милый барон, не станешь возражать!

– Не стану, баронесса. Но мне ещё нужно познакомиться с другими детьми. Ведь они есть, и тоже... в некотором смысле – мои.

– О! Значит, ты разговаривал с сэром Оскаром и о нас? Обо мне и детях? И, следовательно, думал о нашем дальнейшем совместном существовании...

– Думал, баронесса, ещё как думал. К сожалению, с тобой рядом теперь будет не барон Майкл Раконер.

– Кто же?

– Витковский Владимир Семёнович. Старший оперупол-

номоченный уголовного розыска... Мент...

Никакой другой информации о себе, любвеобильном, я в этот день поднять «на-гора» не смог.

Мадлен успокаивала, говорила красивые и приятные слова и не отходила от меня до самого вечера.

После ужина она неожиданно объявила о своём отбытии в королевский замок близ Эльсинора.

– Дети, – коротко сказала она. – Тебе сейчас к ним нельзя, а я должна быть рядом. Не скучай, родной. Поработай сегодня с Бобом. Не отпускай его от себя...

Боб «вылупился» из браслета как чёрт из табакерки, стоило лишь подумать о нём. Правда, запаха палёной серы я не почувствовал. От парня реяло приятным мужским одеколоном. Одет он был подстать мне – в светло-зелёную тенниску, просторные коричневые брюки и светло-коричневые туфли. И стрижка у него была – «аля Гоша Куценко»...

Ну что? Заказать слуге «летающую тарелку» и рвануть с ним на «дискотеку». Интересно, есть ли здесь нечто подобное?

Может и есть! Только не про нашу честь!

– Сегодня отличная погода, Майкл, – Боб шёл впереди и услужливо распахивал и раздвигал передо мной многочисленные двери. – Предлагаю подняться на верхнюю веранду. Там вы всё подробно расскажете о себе и о событиях сего-

дняшнего дня. У вас, вероятно, накопилось много впечатлений.

– Да уж, накопилось!

Мы вошли в кабину, напоминавшую лифтовую, но несколько просторнее, и Боб нажал на пульте пару кнопок. Только что зашторившаяся дверь тут же разошлась, и мы вышли на круглую площадку на крыше дома.

– Сегодня будет прекрасный закат. Мне нравится наблюдать за заходом солнца. Изумительная цветовая гамма, переходящая в томные сумерки...

– Послушай, Боб, – прервал я спутника, начавшего экскурс в местные красоты. – Цветовые гаммы мы непременно понаблюдаем. И мемуары я постараюсь тебе продиктовать, с впечатлениями в превосходной степени. Но и ты посвяти мне несколько минут. Расскажи, в какую заваруху я вляпался? Что произошло с бароном Раконером? Почему он потерял память? Почему именно меня, то есть моё сознание, поместили в его мозг? Кроме этого у меня будут ещё вопросы. Я не смог их задать сэру Оскару. Дело в том, что новый наполнитель головы барона, тоже не совсем в норме. Меня постоянно что-то тормозит. Вроде бы знаю, о чём намереваюсь задать вопрос или рассказать что-нибудь, и тут же – облом.

– Да, барон. Я в курсе. Контузия, полученная вами в прошлом, стала причиной амнезии – частичной потери памяти. В этом состоянии вас записали на биоматрицу, а затем загрузили в мозг Майкла. Все, что было в вашей прошлой жизни,

ни, вы обязательно вспомните. И всё дозволенное для вашего информирования о нынешнем положении, вы обязательно получите. Но сначала понаблюдаем цветовые гаммы, рождённые нашей прелестной Тау...

Боб оказался непоколебимым, словно выполнял заданную кем-то программу, и усадил-таки меня в плетёное кресло лицом к заигравшему разными цветами солнцу, только что прильнувшему румяным овалом к волнистой линии горизонта.

И действительно, у горизонта происходило нечто необыкновенное. Особенность местной атмосферы влияла на прохождение неярких лучей заходящей звезды, и радужная игра света несколько минут украшала небосклон причудливым природным калейдоскопом.

«Томные сумерки» медленно обволокли меня с ног до головы. Словно в прозрачной дымке приблизили лиловое небо с яркими звёздами, скрыли горизонт и вытеснили всё, что находилось рядом. Я запарил в густом, тёплом и пряно пахнущем воздухе. И уже не хотелось вспоминать о своём «первоисточнике», чем-то там занимавшимся в начале 21 века, об идиотическом сообщении, почему-то очень важном для супершпиона из далёкого будущего...

...В августе 1994 года мы с мамой отдыхали в доме отдыха в Крыму, близ Евпатории. Там тоже были удивительно красивые вечера, обволакивающая сознание приятная духота, и «томная», внезапно наступавшая ночь. Крымская ав-

густовская тьма поначалу пугала своей непроницаемостью. Но потом завораживала и заставляла любоваться ею нескончаемо долго. В той темноте, среди южных звёзд, удивительно крупных и близких, ко мне впервые пришли фантазии о множественности обитаемых миров. Не как к астроному или фантасту, а как к четырнадцатилетнему мальчишке, увлекающемуся футболом, коллекционированием марок и значков.

– Вот у этой звезды, – сказала мне мама, показывая на одну из мерцающих в крымском небе «прекрасных зорь», есть планета, похожая на Землю. И там существует жизнь, может быть – разумная...

Тогда я не разбирался в созвездиях, и сейчас в них не силен. Могу, конечно, найти на ночном небосклоне Большую медведицу или созвездие Ориона с его знаменитым поясом. Но на какую звезду мама показывала в тот вечер – не помню. Может быть на Тау, только что ушедшую за горизонт и окунувшую меня и Боба в инопланетную «нирвану»...

За приятную тишину в «томных сумерках» я мысленно поблагодарил слугу из браслета. Он стоял рядом, готовый выполнить любое моё желание. Однако предложенную тему – ответы на вопросы – не поддержал.

Через полчаса я попробовал диктовать Бобу свои впечатления о первом дне пребывания в сумасшедшем мире. А ещё через пять минут меня сковал мозговой «паралич». Я не мог логически формулировать мысли и членораздельно произносить ту околесицу, которая рождалась в голове убиенно-

го восемьсот лет тому назад московского сыщика Володьки Витковского...

Обескураженный таким состоянием рассказчика, Боб «накормил» меня полдюжиной кисло-горьких таблеток и дал выпить полбокала шипучей жидкости...

Вечером следующего дня я всё же озвучил для Боба и карлика Чака «первую главу воспоминаний». Без стеснения, но с некоторыми «купюрами».

Утром же я проснулся вместе с солнцем в знакомом очаровательном будуаре барона Раконера. В одиночестве. Правда, чувство одиночества не истязало мятущуюся мужскую душу ятаганом ревности, или секущей плетью безысходности. Просто я ощутил недостаток внимания к себе во вновь нарождавшемся сознании. Мне не хватало Мадлен. Честное слово! Ни каких-то там Светок или Дусек, а моей чернокожей супруги – баронессы Мадлен Гамильтон...

Тау ещё скользила тёплыми лучиками по вершинам крон могучих баобабов; я ещё не открыл отдохнувшие за ночь вежды и не успокоил утренние эротические фантазии, а из сознания уже вытекали ночные видения, навестившие меня за секунду до возвращения в этот мир...

Я где-то читал, что сон навещает спящего именно за мгновение до пробуждения. Он рождается в предоставленном самому себе, отдыхающем от обыденности человеческом сознании. Завязывается по мотивам событий доселе увиденных или прочувствованных и всплывает из подсознания в самый последний миг. Фантастический, иногда добрый или злой, но всегда странный, как бы не принадлежащий нам.

Сон о чём-то намекает дремлющему мозгу хомо сапиенса. Но стоит открыть глаза, как он уходит от нас и уносит обратно в небытие причудливые картинки биологического «таро». И не вспомнить уже, через мгновение, какая из карт была нам предъявлена...

Сонники, разгадывающие ночные видения, я не изучал. Толкования, излагаемые бабушкой Настей, давно ушедшей в мир иной, были столь мудрёными, что запомнить их я и не старался.

А привиделось мне вот что: бегу я по глубокому затенённому кустами оврагу, спасаюсь от погони. Бежать трудно, но и останавливаться нельзя. Сзади слышен топот приближающихся преследователей. Спрятаться негде. Откосы оврага – круты, заросли – непроходимы. И вдруг, слева, появляется неширокая лестница из белого тесаного камня. И я торопливо шагаю через две-три ступеньки вверх. Лестница выводит меня к гранитной стене огромного здания. Могучие красные валуны составляют фундамент высотой в несколько метров. Влево и вправо путь одинаков – тропа из цветной гальки, пролегающая между неприступной стеной и высоченным забором. А погоня уже пыхтит на лестнице и вот-вот появится из оврага...

Я опускаюсь на колени возле последней ступени и пробую раскатать крайний камень. Получается! В образовавшуюся щель втискиваю плоскую блестящую коробочку и ставлю камень на место...

И снова бегу от преследователей. Но на этот раз легко, не чувствуя усталости и страха. Однако меня настигает нечто, мгновенно сковывающее движение тела и работу мыслей...

Тут я проснулся и принялся думать о Мадлен...

А сновидение вытекло из памяти, словно водичка из решета...

До прекрасных томных сумерек был ещё целый день. Я решил провести его без наблюдателей и экскурсоводов.

Что бы избавиться от бурлящих во мне дум, поспешил в бассейн и проплыл брасом в режиме спурта более двух километров. Этот вид плавания у Майкла был любимым. Так, по крайней мере, утверждал Серафим. Я, словно соревнуюсь с бароном в его же теле, чувствовал, как застоявшиеся мышцы по-птичьему трепещут от полученной свободы. И парил в прохладной воде вместе с безумным красавцем, пока не ощутил резкую боль в правой ноге...

Серафим, накинув мне на плечи халат, пощупал пульс и тут же «вызвал» из браслета Боба. Они уложили меня на тахту и принялись синхронно разминать и массировать загнанные до болевых конвульсий икры ног и плечевые мышцы. Я не препятствовал их действию.

Завтрак – овсянку и кофе с молоком – проглотил на одном дыхании.

Часа два изучал дом. Без Серафима и Боба навязывавшихся в гиды.

Заметил, что во всех помещениях особняка имеется множество картин, мраморных и бронзовых скульптур, причудливых кувшинов, амфор и ваз. Но нигде не было видно фотографий, картин или рисунков с изображениями хозяев дома или знатных особ королевства. Да и вообще человеческих лиц, кроме мифологических героев, на холстах и в мраморе,

в этом доме я не обнаружил.

В саду встретил Гектора. В возрасте Серафима, но несколько крупнее и, соответственно, сильнее дворецкого. Предназначался этот мужицкого вида бион для трудоёмких и утомительных работ в саду. Весьма не разговорчивый тип. Не смотря на запрет следовать за мной, всё время находился где-то рядом и делал вид, что ищет сорняки в аккуратных и чистеньких клумбах, подстригает бесшумной косилкой уже причёсанную им же траву, или подравнивает кроны и без того ухоженных декоративных кустов.

Таким образом, в одиночестве, но под присмотром слуги, ознакомился с «приусадебным участком», то есть с благоустроенной частью территории, непосредственно прилегающей к «фазенде». Что бы обойти владения и полюбоваться диковинными плодовыми деревьями, обширными клумбами с удивительными цветами, а также великолепным парком, протянувшимся до озера с Большим Томом на берегу, нужна, минимум, неделя...

Возвращаться в фантастический дом желания не возникало. Несмотря на нераскрытые тайны барона Раконера и обворожительность баронессы Гамильтон, что должно было манить любознательного Володьку Витковского и любвеобильного Майкла под крышу дома, хотелось-таки побродить под тёмно-синим небом Камелота и подышать пряным воздухом чужого для меня мира.

Меня потянуло к баобабу. К Большому Тому...

Второй завтрак я пропустил. Кушать не хотелось. Да и зачем нам это роскошество в стиле английских буржуа! Не приучены мы к этому! Нам бы теперь поголодать до вечера. А там уж, как в милой сердцу России из прошлой жизни, после нервного топтания в гуще рассеянных покупателей, рядом с ушлым карманником, схватить наживку с вещьдоком в быстрых пальцах щипача, и нести их до бронированного окошка дежурной части, не отпуская «объект» от «субъекта». А потом уж, с чувством выполненного долга, ввалиться в прокуренный кабинет оперов, откупорить бутылку водки, развернуть на старой газете коробку с копчёной салакой, да и ударить этими деликатесами по усталости, по нервам и по ноющей с утра язве...

Дешёвую «непалёную» водку доставал Эрик Левин, а я покупал в рыбном отделе гастронома копчёную салаку. К копчёностям в нашей компании питала нежные чувства только Антонина Сушко. Остальные воспринимали, сей продукт, как примитивную закуску.

Наша тройца была лучшей группой в отделе милиции, нацеленной на бескомпромиссную борьбу с лицами, занимающимися карманными кражами. Мы давали подразделению хорошие показатели в раскрытии преступлений и задержанию «щипачей» с поличным. И руководство снисходительно относилось к застольям сыщиков, совершившим очередной удачный рейд и тем самым повлиявшим на повышение процента общей раскрываемости.

Пили не часто. Мы не были завзятыми пьяницами и не подражали ментам из сериала «Улицы разбитых фонарей». Да и заводилой «спрыскиваний» чаще всего являлись не мы, а наш непосредственный руководитель – начальник отделения криминальной милиции майор Чернов Виктор Васильевич. Опытный оперативник, умный и душевный человек, пользовавшийся большим авторитетом у подчинённых и руководства отдела. Мы у него ходили в любимчиках. И он нас баловал своим положительным и, как в данном случае, отрицательным вниманием.

Конец благополучному существованию нашей группы положила очередная кадровая перестановка. Начальника отдела полковника Рублёва неожиданно для всего коллектива «выдворили» на заслуженный отдых. Назначенный вновь подполковник Груздев «привёл» за собой новых заместителей, а те, по сложившейся традиции, стали присматриваться к подчинённым и, спустя некоторое время, делали свои «рокировки» в низовых коллективах. Не миновало такой участи и отделение криминальной милиции.

Майора Чернова, вполне заслуженно, повысили в должности, и он ушёл от нас «для дальнейшего прохождения службы» в городское управление. Капитана Сушко, после длительных переговоров с ней, назначили начальником женского медицинского вытрезвителя. Я впервые увидел плачущую Антонину в день нашего расставания. Мужественная женщина откровенно рыдала, когда мы собрались «отметить» уже состоявшиеся и ещё грядущие перемены.

Лейтенант Левин и ваш покорный слуга старший лейтенант Витковский оставались на своих местах.

Через два дня оскудевшую группу пополнили милиционером из роты патрульно-постовой службы прапорщиком Соколовым Василием Захаровичем. Уже немолодой коллега, проработавший в органах более пятнадцати лет, надумал поступить в среднюю специальную школу милиции и скоро должен был её окончить. Встал вопрос о продвижении слушателя-заочника Соколова по службе. И разрешился он его

переводом в криминальную полицию. Азам оперативно-розыскной деятельности уже не по учебникам, а на практике будущему лейтенанту предстояло учиться у нас.

Ещё через пару дней появился и новый начальник отделения капитан Решетов Сергей Сергеевич, уже в годах, не очень разговорчивый, пухленький, небольшого роста. Вася Соколов после представления Решетова отметил, что новый шеф «сам себе на уме – ловить карманников и пить водку с нами не станет, но командовать будет уверенно и себя в обиду не даст, что непременно скажется на подчинённых».

Само собой, новая «метла» заработала по-новому. Выяснилось, что в группе неважно обстоят дела с ведением служебной документации. В частности, совсем плохо они выглядели в плане документирования наших контактов со «спецаппаратом».

Завербованная оперативным работником агентура, то есть – «спецаппарат», была «обязана не покладая рук сообщать оперу о зачинщиках совершённых, совершаемых и замышляемых преступным элементом противозаконных деяниях». А у нас в тоненьких папочках личных дел «Петуховых» и «Цыплаковых» даже вымышленных сообщений о преступлениях не было. То есть не прослеживалась инициатива спецаппарата в оперативных разработках преступников. Здесь сказывалась специфика работы нашей группы. Даже очень квалифицированные «стукачи» не прогнозировали для нас карманные кражи. «Артистов» воровского жан-

ра нужно было отыскивать в массе покупателей: на рынках, в магазинах, либо в плотно упакованных автобусах и в вагонах метро, и задерживать с поличным, в момент незаконного завладения ими чужим имуществом. То есть, как у Глеба Жеглова, с чужим кошельком в нежных пальчиках «пианиста». Что мы и делали.

Капитан Решетов потребовал срочно заполнить пробелы в оперативно-розыскном творчестве. И мы, засучив рукава, стали восстанавливать «фантазийную» часть обязательной для оперативника бухгалтерии...

Через две недели выяснилось, что с ведением документации наведён порядок, а в практической деятельности образовалась брешь. В дежурную часть отдела ежедневно поступали заявления от граждан о кражах кошельков из их «неприкосновенных» карманов и сумок. Содеянные в торговых точках района и зафиксированные в книге учёта преступлений эпизоды, без задержания преступников, то есть в виде «висяков» и «глухарей», стали раздражать новое руководство. Это ударило по ещё не сформировавшемуся авторитету Решетова, и по нам, слегка обюрокротившимся за истекшие полмесяца оперативникам. После бурного объяснения с «багровеющим от неудовлетворительного почина» руководством отдела было решено возобновить старую практику выявления «щипачей» с поличным. Но при этом не оставлять без внимания рутинное документирование.

И работа потекла в новом русле...

Именно этот отрывок из ментовской жизни вспыхнул в памяти, когда Боб сообщил о втором завтраке. Я в это время фланировал по парку в направлении загадочного Большого Тома. Шёл не по знакомой тропе из разноцветной гальки, а по упругому травяному газону, «побритому» Гектором для игры в гольф. Этот вид спорта здесь практиковался. Я обнаружил лунки для мячей и длинные шесты, указывающие на их наличие в чистеньком холмистом ландшафте...

Получив отказ от завтрака, Боб намерился уже «раствориться» в браслете, но я попросил слугу сопровождать меня в пешей прогулке.

Гектор, «выстригавший» травку возле лунки для мячей, тут же бросил никчемные занятия и побрёл к дому, окружённому «благоухающими азалиями», которым была нужна заботливая рука садовника. Следовательно, местная «наружка» передала «объект наблюдения» из рук в руки. Я облегчённо вздохнул, хотя и понимал, что за мной болезным всё-таки нужно присматривать.

Боб заметил мою реакцию на действия садовника и, возможно мне это показалось, хитро прищурил глаза.

Бион, хоть и не был молчуном, но вчера вечером, во время созерцания вечерней Тау, проявил способности опытного партизана. Ловко ушёл от ответов на поставленные вопросы, и не удовлетворил-таки моё скромное любопытство. Не мешало бы «допросить с пристрастием» этого парня. Да вот мозги начинают вытекать, стоит подумать об этом. Это не на шутку пугало меня. Проклянувшиеся из сумеречного прошлого, но ещё не оперившиеся, теоретические навыки «колоть Кирпича» с целью получения признания в содеянном правонарушении, будто бы зашевелились в первозданной пустоте поверженного мента. Вначале как-то неуве-

ренно. Но затем любопытство стало нарастать, что тоже не привело меня в восторг. Уже под сенью могучего баобаба, в знакомой беседке, я стал сопротивляться нахлынувшему страстям. Осторожно притормаживал внезапно зародившееся желание приступить к действию, для чего отвлекал юлившие в мозгу мысли принудительным созерцанием водной ряби, монотонно плескавшейся у моих ног...

Как и вчера, озёрная рябь, отражавшая небесную синь, убажала и баюкала...

Как и вчера меня окутывала телесная немота. Нахождение моего сознания в «коконе дауна» отвлекало от какой-либо активной мысленной деятельности...

Я вполне успешно воспитывал в себе пофигиста и, одновременно, мучился, формулируя вопросы...

Я боролся сам с собою...

Боб сидел рядом. Он разглядывал зависшее над озером сооружение – сиреневый трёхэтажный замок, размещённый на гигантском овальном «блюде». Ещё один объект, свидетельствующий о моём безумии!

Борясь с ватной немотой, заставил себя задержать взгляд на не знакомом объекте...

Там, за высоким витиеватым забором, окружавшим замок по краю платформы, протекала своя жизнь...

Но меня это чудо-блюдо не интересовало. Как будто я до сего момента только и делал, что смотрел на подобные диковины, был сыт ими по горло, и меня от них просто тош-

нило...

– Это что? – спросил я, проверяя биона на чувствительность к «миражам». Сомнение в истинности происходящего вокруг меня по-прежнему будоражило моё сознание. Я нажал пальцем на глазное яблоко. Блюдо раздвоилось. Ну и что это могло обозначать?..

Боб, не отрывая взгляда от парящей платформы, поднёс к глазам небольшой бинокль и тут же ответил, словно читая текст:

– Закрытый пансионат Си-Би-Кей четырнадцать, дробь сто сорок два. Принадлежит Управлению исполнения наказаний при министерстве юстиции Британского королевского протектората Камелот.

– Тюрьма! – воскликнул я.

– Тюрьма, – подтвердил бион. – В ней содержатся опасные для королевства люди. Из этого замка практически не возможно сбежать.

– Разреши воспользоваться биноклем.

– Пожалуйста.

Платформа висела метрах в двадцати от поверхности озера. Дальномер бинокля показал расстояние до объекта и его размеры. От платформы диаметром более пятисот метров до нас было около двух километров. Хороший прибор. Я автоматически нажал на кнопку, оказавшуюся под указательным пальцем, и приблизил платформу до максимального предела.

И в самом деле – тюрьма. Окна замка зарешечены. Забор по краю «тарелки» не только красивый, но и не прístupный. Высотой метров десять с ошестинившимися ершами, возможно находящимися под напряжением, За ограждением видны люди в полосатых одеждах. Они либо прогуливаются по площади перед тюремным зданием, либо разглядывают наш баобаб и дом за ним, что на пригорке, среди благоухающих цветов. Охранников не видно. Скорее всего, этим занимаются невидимые глазу приборы, готовые в любую минуту поднять тревогу и обезвредить нарушителей тюремного режима.

Я прошёлся по готическим башенкам замка, по плохо различимым лицам заключённых и скользнул по массивному округлому днищу платформы и поверхности озера...

Всплеск от упавшего в воду предмета затормозил мой экскурс по исправительному учреждению.

Они там что, выкидывают мусор в наше озеро? Я хотел, было сообщить об этом биону, но, убрав бинокль от глаз, увидел протянутую ко мне руку с бокалом.

– Ваш любимый сок, из цитрусовых. Способствует укреплению памяти.

– Спасибо! – сказал я, принимая бокал правой рукой, из которой только что исчез оптический прибор. Клянусь, Боб его из моей руки не забирал! Стало быть – снится мне эта тарабарщина...

Сок оказался вкусным. Из очень хороших апельсинов.

И без противного запаха химических красителей.

– Ты кто? – спросил я Боба, ставя опорожненный бокал на приплывший из «ниоткуда» столик.

– Бион.

– Что значит – бион?

– Живое существо, созданное тонким синтез-планксоном по заданной матричной программе. Я – копия человека. Клон. Матрица с тридцатью планксонами живых существ находится в вашем многофункциональном приборе. В вашем браслете, Майкл.

– Тридцатью?! – удивился я. – Там что, находится ещё тридцать человек?! – Я потряс руку с браслетом. – Не может быть! Как же они там помещаются?

– Двадцать восемь матриц людей и две матрицы животных. Индивидуальный пространственный кокон, в котором размещены различные приборы, в том числе биологический синтезатор и энергетический пси-реактор, обеспечивает сжимаемость и сохранность в неприкосновенности пятистам кубометрам нормального пространственного объёма. В нашем коконе находится четыреста двадцать тонн сырья и оборудования, предназначенного для эксплуатации владельцем МФП. В необходимых случаях и для различных целей. Координатор комплексного использования браслета следит за состоянием организма хозяина, за окружающим пространством, выполняет поступающие от хозяина команды. Кроме этого координатором применяются различ-

ные программы жизнеобеспечения человека: оздоровительные, обучающие, транспортные, охранные и так далее...

– Стоп!.. Скажи, пожалуйста, уважаемый бион Боб, зачем нам, Майклу и мне, соответственно, ещё тридцать таких же умных и красивых дармоедов? Это же – целый взвод солдат! Вас ведь и кормить нужно!

– Кормить? – Боб на секунду задумался. – При длительной эксплуатации – да. Высококалорийные пищевые брикеты и горячие напитки предусмотрены. А использовать бионов можно комплексно и в зависимости от профессиональной инициации. Например: для осуществления охраны. Друг барона Раконера принц Джафар эль Кадаф – он живёт на планете Катар – в своём кулоне содержит несколько десятков жён и наложниц. Некоторые владельцы браслетов синтезируют животных. Мне знакомы коллекционеры жеребцов, кошек, собак, скунсов...

– Крокодилов и удавов, – добавил я.

– Нет, содержание в матрицах МФП опасных животных запрещено законами королевства. Были прецеденты с летальным исходом, в последствии повлиявшие на появление запрещающих биллей. В нашем же браслете имеются чипы для создания копии одного кота и одной собаки. Но и они представляют собой симбиоз: искусственный разум, внедрённый в черепную коробку домашнего животного. Барон Раконер пользовался ими лишь однажды, в конспиративных целях.

– Для подслушивания и подсматривания?

– Для слежения за кем-то из родственников. Но это была своего рода игра.

– У барона много родственников?

– Много. У вас, Майкл, много родственников.

Боб снова на секунду замер, а затем принялся рассматривать поверхность озера.

Пока я задавал вопросы, летающий замок исчез...

Я откинулся на спинку скамьи. И тут меня словно выключили. Мне даже показалось, что надо мной наклонился мужчина в белом халате, похожий на профессора Оскара... Где-то в затылке кольнуло...

И палата номер шесть провалилась в серую мглу...

Погружаюсь в себя...

Муторно мне! Тревожно! Тоскливо!..

Хочется куда-нибудь уйти, спрятаться от видений, цепляющихся за сознание.

Словно в бреду, лечу над зловонным болотом...

Вот-вот рухну в пучину...

И тени вокруг... Мечутся как ночные птицы на фоне серого небосвода...

Страшно! И я уже окунаюсь в мерцающий фосфоресцирующими пиявками кисель. Они касаются меня и жалят, впиваются, высасывают мою плоть, бесшумно отваливаются и растворяются в ржавой болотной воде!

Потом – тишина и полный мрак.

Не видно ни зги!.. И в этой непроницаемой черноте вдруг проявляются золотистые шары, похожие на грейпфруты. Один из них быстро приближается. Вот-вот ударит меня... Или даже ударяет в лоб... И снова мрак...

А тут ещё – серый шар с мерцающими в нём чёрными точками – огромный, пульсирующий, медленно наплывает на меня. И окружающее пространство становится ощутимо вязким и серым, мерцающим и жалящим ядовитой чернотой.

Впрочем, нечто, едва различимое, в этой мутной пульси-

рующей пелене просматривается...

Ни черта не могу разобрать, что это вокруг меня!..

Просыпаюсь...

Ощущение такое, будто бы вчера с ребятами опростали по пузырьку – получили премию и по этому поводу расслабились. А утром я зенки раскрыл и лежу так, потолок сканирую.

Голова не болит. В желудке покой. Рядышком Светка Голубева...

Здрас-те, пан оперуполномоченный!

Размечтался, стало быть, дамский угодник!

Ну, не Светка... Не Светка... Вот блин – присосалась!

Варька Синичкина рядышком посапывает... Или эта – рыжая... Чёрт, имя не вспоминается!..

...И благодать! Никому ничего не должен. И мне тоже – никто и ничего... На работу не идти – выходной...

А ещё лучше – первый день отпуска. Холодильник ломится от еды и пива. И хорошо мне под одеялом – слов нет. И от Синичкиной пряный дурман исходит... И, конечно же, влечёт к себе...

Единственная причина, что может оттащить меня от Синичкиной – мочевого пузырь. Но и он, благодетель, не тревожит...

И всё равно – недоумение плещется в моей голове. То тревога с пиявками, то дурман от пива и женщин!..

Вот такое состояние, то усиливающееся, то ослабевающее,

наполняет меня вторые сутки. И оно словно кем-то поддерживается...

Не скажу, что счастлив по самые помидоры, но кайф ловлю. Наверное, больные в психушке именно так и балдеют, после успокоительных уколов... или порошков...

Однако ударило меня, словно током от автомобильного генератора, когда Боб о родственниках упомянул...

Мама вспомнилась...

...Она долго болела. И умерла лет пять тому назад. Её могилку я навещал регулярно...

Сведения о других родных не проявляются...

Отца у меня не было. Это точно. Сбежал писанный красавец ещё до моего рождения. Мама старалась о нём не говорить. И вырос я без сурового мужского досмотра и воспитания. Хотя отец – человек без особых примет – мне как-то приснился. Я мечтал иметь отца...

Жили мы в подмосковном городе. Рядом со столицей. У нас была квартира. Маленькая, но уютная. Чистая, тёплая, с большим балконом...

И ещё. Кажется, у меня была жена. Или женщина...

Но и она, по-прежнему, не проявляется. Только неприятный дух от её наличия в том «моём мире» с самого начала витает в пустой голове... Надо бы разобраться со Светкиным антиподом, при случае. Я имею в виду вариант мысленного самоанализа, если память возродится...

А вот ласковые мамины руки и сейчас гладят по головке

малыша, испугавшегося бездомной дворняжки...

Мягкие губы чмокают в лоб и щёки, перед уходом в школу.

А потом моя милая мама крепко обнимает меня и плачет уже сама, провожая в армию. И опять – обнимает и плачет, когда я возвращаюсь домой целым и невредимым...

И ещё: большие серые глаза тревожно смотрят вслед, когда я ухожу на милицейскую службу.

И они же, уставшие от бесконечного ожидания, вглядываются поздними вечерами в промежутки между деревьями, отыскивая в силуэтах редких прохожих мой, узнаваемый даже в осенней темноте...

Что он там высматривает?

Боб неотрывно следил за водной гладью, изредка отрываясь от бинокля и отыскивая это «нечто» невооружённым глазом.

И я нацелился на созерцание водных просторов.

Поверхность озера выглядит обычной, спокойной, покрытой нежной рябью сине-зелёных волн.

У противоположного берега мириады солнечных зайчиков танцуют в озёрном бризе, и никаких подробностей в радужной какофонии света рассмотреть не возможно. Сам берег, пологий и заросший высоким кустарником, как бы подчёркивает небесную синеву с белёсыми барашками облаков и несколькими розовыми «тарелками», плывущими на их фоне.

– А ну-ка, бинокль мне в правую руку! – шепнул я браслету и получил требуемую вещь прямо в раскрытую ладонь...

...«Тарелки» на самом деле оказались белыми, отражающими розовые лучи местного светила. Летели они со скоростью 450 км/час, на расстоянии от точки наблюдения 17,8 км...

Информация в виде цифр, мелькавшая перед глазами, мешала сосредоточиться на каком-либо объекте и просто полюбоваться им. Я оторвался от прибора и, как джинну, си-

дядьему в бутылке, шепнул:

– Убери текст с экрана!

– Нажми синюю кнопку, – сказал Боб, не отрываясь от своего бинокля и, одновременно, улыбаясь. – Голосовые команды наши приборы понимают только на гелакси.

– Ага! А браслет? Он ведь выполняет команды на русском...

– Да! – Боб повернулся ко мне. – Тебя интересует, что я наблюдаю на поверхности озера?

– Интересует, – признался я.

– Ну, так посмотри. Ориентируйся на куст с яркими жёлтыми цветами.

Я прильнул к окулярам, нацелился на жёлтый цвет, переместил экран на водную поверхность и в радужной какофонии солнечных бликов увидел плывущего человека.

До объекта – 1,7 км. И он приближался к нам со скоростью 0,6 км/час.

Я нажал синюю кнопку, убрал бегущую строку с глаз долой, и приблизил изображение до предела.

В цветных бликах мелькнуло знакомое темнокожее лицо.

– Мадлен! – воскликнул я. – Не может этого быть!

Я оторвался от бинокля и посмотрел на биона. Слуга из браслета словно ожидал моих вопросов, готовых обрушиться на него в купе с возгласами и испуганным выражением глаз.

– Это Филипп, – упреждая вопросы и восклицания, сказал

Боб. – Родной брат баронессы...

– Родной брат Мадлен!?! Мой шурина сбежал из тюремного замка!?! – Я снова приник к окулярам бинокля. – Он, ко всему прочему, плохо держится на воде! Его нужно немедленно спасти!

Огромная лыжа для сёрфинга «возникла» у берега, словно из воды. Эллипсообразная доска метра два длиной и полметра шириной. С закруглёнными и приподнятыми верх концами. Нечто подобное, но меньших размеров, я видел по телевизору – жители Гавайских островов любят кататься на океанских волнах, используя подобные лыжи.

– Антигравитационный скейт – индивидуальное средство передвижения по воде и над водой. Данная модификация придумана бароном Раконером для прогулок по озеру и для катания на океанских волнах. – Боб указал мне на лыжу, предлагая перейти на невиданное мной до этого транспортное средство. – Снабжено антигравитационными двигателями, управляется педалями, расположенными в средней части скейта. При необходимости может поднять груз до пятисот килограммов на высоту 50—60 метров. Но барон использовал скейт только для водных прогулок.

...Не я, опер Витковский, а барон Раконер, весьма шустро подскочил с насиженного места и оказался в центре лыжи. Под тяжестью тела скейт скользнул от берега. Меня закрутило в водовороте, и я чуть было не рухнул на спину и, следовательно, в воду. Однако правая нога отступила назад, а левая плотно легла в абрис подошвы, нарисованный на серебристой поверхности лыжи, и надавила на него пяткой.

Скейт затормозил, и я принял устойчивое положение. Правую ступню тут же поставил на второй абрис, нарисованный чуть сзади, с поворотом носка наружу.

Мышцы ног (как и рук в случае с донной Розой) помнили заученные бароном движения.

Я развернулся к берегу, что бы увидеть Боба и получить от него дополнительные указания.

Под навесом никого не было.

– Куст с жёлтыми цветами на противоположном берегу, – сказал голос биона из браслета. – Поторопись, малыш...

– Издеваешься!

Ответа не последовало.

Педаль для правой ноги обозначала повороты влево-вправо, левая руководила скоростью и тормозом. Поскольку в моей прошлой жизни я любил кататься: летом на велосипеде, а зимой на лыжах, то быстро сообразил, как удерживать равновесие, используя возможности педалей. И меня понесло вдоль берега, прямо и зигзагами, а потом уже и к жёлтому цветочному «маяку».

Метрах в трёхстах от противоположного берега я обнаружил курчавую голову Филиппа, обозначенную ярко-красным воротником спасательного жилета. Причалил к юноше. Он же, заметив приближающийся скейт, перестал грести и наблюдал за моими виражами. А потом принялся рассматривать уже меня, округлив чёрные зрачки, синеватым овалом глазных яблок.

На протянутую руку Филипп не обратил внимания, и пришлось вытаскивать парня за «шкурку». Благо жилет оказался прочным.

Филипп, кроме спасательного жилета, имел на себе вполне приличную одежду. Голубую куртку на молнии, белые спортивные брюки и синие туфли. Извлечённый из воды юноша вполне уверенно пристроился на «борту» моего корабля, отстегнул жилет, и что-то в нём нажал. Образовавшийся при этом красный жетон с пятирублёвую монету, спрятал в карман куртки. Влага из одежды буквально через пару секунд стекла на скейт, и парень уже не походил на мокрую курицу. Туфли заскрипели, словно надетые впервые. Полы куртки легко затрепетали на ветру. И лишь чёрные кудри всё ещё источали крупные капли, медленно сползавшие по коричневым щекам...

Филипп показался мне очень похожим на сестру. Правильные черты лица, большие глаза с озорными искорками, средней пухлости губы, круглый подбородок. Выше среднего роста, телом – сухощав, младше меня лет на десять...

Стоит передо мной, рассматривает мою физиономию и мою же монументальную фигуру. В хитреньких глазках ни благодарности, ни критицизма. Примерно так студенты из Африки смотрят на бледнолицых москвичей. Ненавидеть им нас не за что, да и любить – тоже...

Осторожно, что бы ни уронить спасённого шурина в озеро, я развернул скейт в сторону баобаба и носком левой ноги

прибавил газу...

Видит Бог – мне понравилось парить над озером. Скейт легко касался водных барашков и оставлял позади радужный шлейф из мелких брызг.

Филипп повернулся лицом к ветру, принял походную стойку и уверенно руководил гибким телом, когда я совершал резкие виражи. У самого берега я резко затормозил, и мы по инерции, друг за другом, выскочили на ковёр из зелёных колокольчиков. Парень немного пробежал, запнулся в траве и рухнул в неё, недовольно пробурчав. Я же устоял...

А скейт в это время перекочевал в браслет.

– Пуппэ! – сказал Филипп, покрутив пальцем у моего носа. Следующее предложение было длинным и по интонации очень походило на воспитательную тираду донны Розы. Интересно, чем это юноша не доволен?

– Русского ты, конечно, не знаешь! – сказал я Филиппу, попутно отлавливая палец чернокожего родственника взмахом левой. Филипп осёкся и присел, спасая пленённую конечность.

– Сорри! Сорри! – промяукал шурин. Я отпустил палец. В школе я учил немецкий. Но знаю, что «сорри» по-английски, это как «пардон» по-французски. Извиняется, стало быть, Филька...

Боб похлопал меня по плечу. Я оглянулся.

– Класс! Ещё пару специальных тренировок на воде и уровень барона Раконера будет восстановлен! Наступят лучшие

времена, и мы обязательно покатаемся на волнах Северного океана.

– За комплемент – спасибо. Будь любезен, Боб, переведи, что сказал обо мне этот висельник, бежавший из острога?

– Филипп обозвал тебя безмозглой куклой и пообещал надирать задницу крапивой.

– За что!?

– Не знаю...

– Хорошо, при случае сам у него спрошу...

Серафим и донна Роза несказанно обрадовались появлению в нашем доме господина Филиппа Гамильтона младшего. Значит, где-то на необъятных просторах планеты Камелот обитает ещё и старший Филипп Гамильтон. И этот старший – отец Филиппа и Мадлен – а по совместительству мой тесть, в этом мире числится не простой пешкой, а фигурой облеченный властью, раз «именитого преступника» освободили из тюрьмы досрочно, вполне официально, но совсем необычно. Доставили в летающем остроге к дому и выбросили поблизости в озеро, снабдив спасательным жилетом...

За что посадили шурина в летающий «замок Ив» и почему досрочно освободили из заключения, Боб мне не сообщил. Наводящих вопросов я ему не задавал, а он, словно оберегая мою, раздувшуюся от пустоты голову, лишь изредка комментировал услышанные диалоги.

И ничего-то конкретного я не узнал из его коротких комментариев, сделанных мельком вместо дословного перевода задушевных бесед Филиппа с домашней челядью.

А вот Филиппу, похоже, обо мне что-то сообщали. Ибо он, мой новый родственник, после очередной цитаты, произнесённой Серафимом, неожиданно сменил имидж домашнего любимчика и шалуна-говоруна на личность вполне приземлённую, сочувствующую, желающую помочь...

Обеденная трапеза, организованная для гостя – одного из хозяев дома и прилегающей территории вместе с баобабами, озером и горными отрогами – напоминала «Тайное вечерие», где я высвечивался в роли Иуды, уже получившего свои тридцать серебрянников. Я даже почувствовал себя неловко. Во мне что-то засвербело внутри, захотелось узнать подробности из жизни семейства Гамильтонов, да и о Раконерах не мешало бы у Боба спросить. Или у Мадлен. Но её нет рядом со мной, а Бобу, по-видимому, категорически запрещено удовлетворять моё любопытство. И он всё время уваливает от ответов на вопросы, или «глушит» моё, не всегда настойчивое, любопытство. А в данный момент вообще не контролирует меня. Шурин Филипп всё дольше и дольше задерживает внимание Боба. Словно тот получил задание наблюдать за новым объектом, и моя персона ему уже не интересна.

Думаю, что я угадал. Потому что никто, в том числе и персональный слуга, не обратили внимания, когда я покидал гостиную, воспользовавшись незнакомым для меня выходом...

С внутренним устройством дома я ознакомился, но не настолько, чтобы свободно ориентироваться, блуждая по коридорам и проходным залам. Выйдя из гостиной, попал на лестничную площадку. Вверху мне делать было нечего, а внизу, попав на первый этаж, я мог бы выйти из дома и без присмотра Боба побродить по ещё не изученным территориям. Я стал спускаться вниз. Миновав пару пролётов, оказался на площадке первого этажа, но выхода ведущего на улицу или внутрь дома не обнаружил. Лестница же вела вниз и вместе с тлеющим фитильком любопытства приглашала преодолеть ещё пару маршей и посмотреть на тайны, хранящиеся в подвалах дома.

Следующая площадка оказалась широкой, но слабо освещённой. Напротив лестницы, по которой я спустился, стояла стеклянная сторожевая будка с самым настоящим охранником в ней. Слева – неприметная металлическая дверь. Справа – за решеткой – ещё менее освещённый не широкий тоннель, наклонно ведущий в подzemелье. Во мраке я едва рассмотрел теряющийся в отдалении ряд тусклых огоньков. Он прерывался метрах в двадцати от входа, уткнувшись в очередную дверь, или сворачивал в сторону и там имел продолжение.

Охранник, зорко наблюдавший за мной, услужливо встал

из кресла и вышел из будки. Узнал, заулыбался и степенно шагнул навстречу.

...Язык мой не прилип к гортани, но мне совершенно не хотелось разговаривать. И этим я мог обидеть слугу. Опять во мне что-то выключилось. Думать по-русски не получается, гелакси не знаю...

А охранник, наулыбавшись и насмотревшись на меня, что-то спросил на «тарабацком» и замер в ожидании ответа. Я же молча обошёл будку, заглянул внутрь и за неё. Привычка, оставшаяся с ментовских времён, когда во время дежурства по отделу приходилось проверять уличные наряды ППС.

На предмет чистоты у меня, как у «проверяющего», вопросов не возникло. Оглядел охранника – и он смотрится отменно. Отутюжен и застёгнут на все пуговицы, словно магазинный манекен. И амбре от него исходит терпимое, даже приятное. Без примесей никотина и алкоголя.

По комплекции и поведению парень напоминает садовника Гектора – такой же мускулистый, с пристальным и умным взглядом. Скорее всего, это – ещё не встречавшийся мне бион по имени Фрам. Именно так называл его Боб, представляя домашних слуг, готовых служить хозяину в любое время суток.

Я похлопал парня по мускулистому плечу и показал на закрытую дверь. Наверное, там нет для меня ничего интересного. Скорее всего – запасы продуктов на случай «ядерной

зимы»... Фрам снова что-то спросил. Я, не задумываясь о содержании сказанного, кивнул, давая положительный ответ на вопрос.

Дверь смачно чмокнула, и бесшумно отползла вправо. Внутри загорелся яркий свет. Я прикрыл лицо ладонью и попробовал рассмотреть открывшуюся перспективу...

Вентиляция работала исправно. Прохладный ветер ударил мне в спину, колыхнул паутинные стропы, висевшие на потолке, и втянул их вместе с накопившейся в подвале затхлостью в щели воздушных фильтров.

Помещение просторное, по площади не меньше занимаемой всем домом. Десятка три квадратных колонн и длинных перегородок держали на весу массив здания. Стены и колонны выкрашены в голубой цвет, потолок – в белый, а пол вымощен синей плиткой...

По всей площади подвала расставлены стеллажи, на которых громоздятся ящики, коробки, свёртки. Справа от входа распластался массивный стол с придвинутым к нему стулом. Возле стола приютилась металлическая тумба с множеством полочек и ящичков. Похоже на картотеку или хранилище коробок с кристаллами – носителями информации. В стене напротив стола – дверь сейфа...

Ну и какого чёрта я попёрся вниз? Здесь нет для меня ничего интересного... И в тоннеле, что за решеткой напротив, скорее всего – тоже.

– Владимир Семёнович, заходите!..

Я от неожиданности вздрогнул. Голос был не знакомым – рокоочущим и без акцента.

– Не бойтесь!..

Чья-то сильная рука подтолкнула меня в помещение. Я перешагнул порожек и оглянулся...

...Весенний субботник в милицейских подразделениях Москвы и Подмосковья назначили на конец апреля...

Как и в ушедшие в быль времена, в коммунистические праздники «весны и труда», нам предстояло навести порядок в помещениях отдела и на прилегающей к зданию территории.

Как и раньше, свободные от службы сотрудники дружно собрались на импровизированный митинг и выслушали речь начальника отдела с призывами «отдать толику своего труда на благо, и во имя...»

И мы безвозмездно и с удовольствием отдавали – драили, подметали, ремонтировали и красили часов приблизительно до двух дня. А после обеда, как и в былые времена, стали собираться в небольшие группки, по срокам выслуги, по должностям и званиям, по службам и личной признательности друг к другу, чтобы организовать небольшие фуршеты. Кажется, нечто подобное происходило и в гражданских организациях. Но в милиции это было и есть по настоящее время...

Новоиспечённый оперуполномоченный Василий Соколов, извинившись перед коллегами, то есть перед нами, прикнул к старым приятелям из роты ППС. Что, само собой разумеется, с его стороны было поступком правильным. Ибо

с операми он контактировал ещё не в полную силу, а друзья из ППС для него останутся друзьями до пенсии.

Эрик Левин и ваш покорный слуга, утратив целостность питейной тройки, примыкать к оперативникам из соседних кабинетов не пожелали. Решили вдвоём посетить пивной бар и отдохнуть в более культурной среде...

И мы уже направили стопы в нужном направлении, как на мой мобильник поступил звонок от Сушко. Антонина, теперь руководившая самостоятельным милицейским подразделением – женским медицинским вытрезвителем, приглашала меня и Эрика на фуршет...

Отказываться было не удобно.

Я сообщил о приглашении спутнику, он состроил мину недовольства, а Антонина, словно почувствовала нерешительность в наших действиях, добавила через телефонную трубку «информацию к размышлению», не терпящую волокиты при исполнении:

– Володя, не смейте отказываться! Тебя с Левиным все и не приглашают на сабантуй, а приказывают немедленно явиться ко мне в служебный кабинет: подполковник милиции Чернов и майор милиции Сушко!..

Шикарный букет для майора и недорогой шотландский виски московского разлива для подполковника мы осилили, вывернув содержимое своих карманов и кошельков. И букет и виски пришлись ко двору, так как в небольшом уютном кабинете Антонины как раз и не хватало весенних красок

и запахов, призывающих к созерцаниям и ощущениям...

Будучи чуть-чуть подшофе, нас встретили аплодисментами новоиспечённые подполковник Чернов и майор Сушко, восседавшие рядышком за квадратным столом, словно жених и невеста. В совершенно новых кителях с погонами, соответствующими присвоенным званиям. Слева и справа от «молодых» приютились две девицы в красивых штатских платьях.

Первые минуты встречи были отданы коллегам. Рукопожатия, поцелуи, комплементы, похлопывание по плечу, размещение букета среди тарелок с закусками, откупоривание бутылки с виски, тосты – стоя и по очереди, с доставанием из бокалов с напитком звёздочек, согласно званиям. И, наконец, суетное рассаживание вновь прибывших гостей за столом...

Меня и Эрика представили присутствующим дамам.

Рядом со мной оказалась жутко красивая, черноволосая, кареглазая и совершенно без комплексов – Раиса.

Эрику в соседки досталась белокурая Светлана. За распушившимся передо мной букетом, помещенным Антониной в большую фаянсовую вазу, я её как следует, не разглядел. Тем более, Эрик уже начал рассказывать длинный грузинский тост, а Раиса попросила меня за ней поухаживать. В смысле – положить в её тарелку оливье и, возможно, потискать под столом моей левой рукой её правое аппетитное колено. Это, конечно, мои домыслы, но Рая была бы не про-

тив. Опыт подсказывал...

Виски огненным ручейком прожгло лазейку где-то под сердцем и устремилось вверх. Некоторая неловкость, возникшая в начале, постепенно исчезла.

И как это бывает всегда в наших смешанных русских компаниях, вскоре потекли душевные беседы. Сначала возникла одна тема на всех, и её поддерживали все присутствующие. Потом тему растащили на части и в компании образовались группки, решавшие свои меркантильные вопросы, интересующие только их, пусть даже стихийно организовавшихся, с ежесекундными интересами...

Не трудно догадаться, что после очередного тоста я повернул голову налево, где встретил томный взгляд Раисы. Разговорились. Оказалось, что они со Светланой работают в городской поликлинике. Светлана терапевтом, а Раиса невропатологом и ещё кем-то. Они раза два в месяц дежурили в медвытрезвителе, чем немного пополняли семейный бюджет.

Виктор Васильевич, сняв китель с подполковничьими погонами, предложил немного «развлечься» и потанцевать. При этом он, будто бы не первый раз навещает кабинет Антонины, легко обнаружил в одном из шкафов магнитола с Си-Ди дисками и включил лёгкую танцевальную музыку.

Раиса приклеилась ко мне накрепко, что-то мурлыкала о бесперспективной женской доле, и при этом, позволяла вести себя в танце, словно пушинку в воздушном потоке

по стеснённому кабинетному пространству под ритмичные звуки аргентинского танго. Всё было решено, когда я нежно погладил правой рукой её податливую спину и посчитал пуговицы на лифчике. Она вздохнула и прижалась щекой к моему плечу...

Виктор Васильевич, на обнимавшись во время танго с Антониной, неожиданно объявил перекур.

Курящий Чернов и некурящий Левин «смолили» ядовитые сигареты, а я вкушал их «аромат», перемешивая с фантазиями о предстоящем продолжении флирта с Раисой. Мы не разговаривали. Каждый думал о чём-то своём. Меня же мучил интимный вопрос: – куда пойти? – ко мне, или к ней?..

Виктор Васильевич, ловя мой блудливый взгляд, улыбался и доброжелательно подмигивал, поддерживая наметившуюся инициативу насчёт романа. Эрик покачивал головой, толи, осуждая, толи, одобряя мои невысказанные задумки. Но мысли вслух никто не озвучивал. У каждого была своя тайна.

Женская половина компании без нас не бездействовала. О чём-то шепталась и, возможно, перемалывала наши косточки. Будь мы не во хмелю, нам бы икалось.

И результат обмена мнениями «про наши души» оказался совершенно неожиданным...

По крайней мере, для меня...

...Дверь бесшумно захлопнулась. В помещении потемнело, и потоки воздуха больше не рвались к освобождённым от пыли решёткам.

Невысокий, крепкого сложения мужчина лет пятидесяти стоял возле дверной притолоки и наблюдал за мной. Это был не бион. У него во взгляде проецировалось пара высших образований и человеческая усталость. Да и пахло от него человеком и табаком. Наверное, курил трубку или дорогие сигары...

Одет не броско. Куртка, брюки, тенниска и туфли слились в одно серое пятно. Тёмные с сединой волосы и смуглое лицо гармонируют с одеждой. Лишь чуть раскосые глаза светятся тёмными вишенками, а под тонкими стрелками усов мелькают перламутровые полосы зубов.

– Сержант королевской криминальной полиции Браун. – Мужчина оттолкнулся от притолоки и прошёл мимо меня к столу. – Питер Браун...

Я промолчал, так как полицейский, скорее всего, знал обо мне достаточно, коль назвал моё настоящее имя.

Сержант осмотрел поверхность стола, на первый взгляд совершенно чистую, и витиеватым движением руки включил экран, вспыхнувший в центре столешницы. Быстро «перелистал» страницы с текстами, что-то нашёл в них и несколь-

ко раз нажал указательным пальцем в нужных местах. Потом, словно хлебные крошки, смахнул со стола изображение и повернулся к тумбе. В одном из ящичков нашёл прозрачную коробочку с фиолетовыми кристаллами, щурясь, прочитал надпись на ярлыке. Удовлетворённо кивнул и сел на стул.

– Так и будете стоять, барон? Делайте себе кресло и присаживайтесь подле меня. И пива бы сейчас, тёмного, пинту, или две...

Гравитационный поднос с напитками из браслета до этого извлекал Боб. Однако бион остался наверху, в гостиной. И об этом я уже собирался сообщить сержанту. Но тот, театрально похлопав себя ладошкой по седому виску, показал мне на браслет и попросил потереть его, словно лампу Аладдина.

– Извините, Владимир Семёнович! Вы ещё не привыкли к персональному синтезатору. А управляющего браслетом, всемогущего мастера Чака вы, вероятно, оставили вне досягаемости. Но, полагаю, у вас должны быть запасные бионы...

Юноша, похожий на первый вариант Боба, высокий, длинноволосый, наряженный в пёструю одежду, с красивым дымчатым котом на плече, проявился после второго прикосновения к браслету. С независимым, скорее развязанным видом, без приветствия, бион шагнул к столу и вытаращился на сержанта. Мне показалось, что парень, скорее готов кинуться в драку, нежели исполнять его желания. Сержант не смутился и произнёс короткую фразу на гелакси, одновременно по-

казывая биону на меня. Тот, словно нехотя, обернулся...

Нет, слуга не упал передо мной на колени, и не стал по стойки «смирно», как это делал минуту назад сторож по имени Фрам. Парень нагло улыбнулся мне в лицо и дернул головой, что в наше дикое время означало бы: «ну чо те надо, мурло?»

Лично я – не драчун. В школьные годы я и мои сверстники поколачивали друг дружку – двор на двор. Но это было детство. А в ментовские времена я изредка навещал спортзал частного охранного предприятия «Герат», где ребята показывали мне приёмы из восточных единоборств типа «ушу». И всё, и ни какой практики с применением полученных знаний! Как-то не приходилось на службе их применять. Даже преступников брали без рукоприкладства и «кололи» их не кулаками, а интеллектом. А вот барон Раконер, был прямо-таки перегружен бойцовскими приёмами. Кулаки не успели зачесаться и сделали невероятное...

Симпатичный, дымчатого окраса кот, на мгновение остался висеть в воздухе, так как вполне надёжная опора неожиданно выскользнула из-под него, гулко ударилась о металлическую дверь и сползла на пол. Животное с удивлением зыркнуло на меня и мягко приземлилось рядом с бионом...

В моей памяти сверкнули глаза донны Розы. Она, как и этот умный кот, так же откровенно удивилась поведению барона Раконера – неосмысленному деянию его рук.

А у Витковского ёкнуло под сердцем, и мерзопакостная

противность от содеянного выдавила капельки пота на высоком лбу барона...

Да-а! Удивляются верные слуги неадекватному поведению хозяина!.. И моему поведению, соответственно...

Мы с Эриком Левиным иногда баловались «криминальными шарадами» требовавшими логически выверенных решений для вычисления истинных преступников. У Левина это получалось лучше. Он был убедительным и настойчивым в беседах с гражданами, подозреваемыми в совершении преступлений. А некоторые наши коллеги добивались «признания» с помощью «силового воздействия», что было ошибкой и приводило к казусам в дознании и к выговорам от руководителей...

Если умным роботам из будущего присуща искренность, то напрашивается вывод: – не стал бы настоящий барон делать подобных глупостей своими руками...

И я, Владимир Витковский, – не стал бы.

Значит, что-то у нас с Майклом не состыковывается. Но это всего лишь мой вывод, о себе – сердитом...

Чёрт знает что! На кого грешить?..

Как и зачем я это сделал, толком объяснить не могу. Видимо барон был не простым человеком. Или являлся настоящим рабовладельцем, если наказывал слуг таким варварским способом. Впрочем, не без моей помощи. Но я-то, будучи в шкуре мента, такого себе никогда не позволял. Честное слово...

– Bravo! – воскликнул сержант, откинувшись на спинку стула. – В древней полиции умели-таки наказывать наглецов. Но, не будем портить ваше имущество, барон. Заказывайте кресло и пиво!..

Поверженный бион стрельнул недобрый взглядом в мою сторону, вскочил и юркнул в браслет. Не извинившись...

Или я должен был попросить у него прощения?..

– Будет вам и кресло и пиво, – басисто произнёс дымчатый кот на чистом русском. – А вы, барон, настоящий хулиган! – добавил он и лапой подтолкнул ко мне знакомый деревянный диск, нагруженный бокалами с пенными шапками. Кроме пива на подносе возникла ваза с разноцветными шариками, источавшими пряный аромат. Рядом лежал синий жетон, в котором находилось спрессованное кресло.

Поднос я переправил к сержанту, а жетон, потискав в руке, бросил на пол, как только услышал шипение воздуха. Спустя минуту я уже нежился в удобном надувном кресле и созерцал сладострастную физиономию кота, соизволившего принять из моих рук пару ароматных шариков. Этими же шариками наслаждался и сержант Браун. И сногшибательным пивом тоже...

– Искали что-нибудь?.. Или случайно забрели в подвалы? – Браун опустошил второй бокал и с вожделением взглянул на третий.

– Искал выход на улицу, – ответил я. – Вниз спустился ради любопытства. А вы как сюда попали, господин сержант?

Похоже – инкогнито? Или тоже наблюдаете за мной?.. В этом доме все охраняют мой покой, жаждут воспоминаний о прошлом, и не позволяют загружать память ненужной информацией.

– А вы, я вижу, нарушаете запреты?..

– Не очень активно.

– А хотелось бы?

– Хочется! Но с моей головой это не возможно. Может со-твориться какая-нибудь болезнь. Сознание, например, поте-рю. А мне доверили такое симпатичное тело! С титулами, женой – красавицей, богатством и какими-то там проблема-ми, которые кто-то уже решает за меня. Или за барона Рако-нера.

– Я знаком с вашим личным делом, Владимир Семёно-вич. – Браун указал на коробку с кристаллами. – Информа-ция, поступившая из прошлого, очень скудная. Пополняется только вашими воспоминаниями.

– Моими воспоминаниями? Но я их ещё до конца не озву-чивал! Мы с Бобом только собирались это сделать, сегодня вечером...

– Ваши воспоминания фиксируются через имплантант с первой минуты пребывания на планете. А диктовку ме-муаров профессор Оскар придумал, что бы скрыть от вас некорректность принудительного опроса памяти пациента. Вашей памяти. Я тоже думаю, что для биона вы бы сочини-ли несколько иную историю. Например, утаили бы интим-

ные подробности вчерашней встречи с Мадлен. Это для со-
вестливого человека нормально. Но именно в этот момент
вы вспомнили самое главное – своё имя. И ещё что-нибудь
вспомните, как только любящая супруга снизойдёт до вас...

Браун взял с подноса следующий бокал и отпил половину
содержимого.

– А здесь я, Владимир Семёнович, оказался не по делу
оперуполномоченного Витковского. Наоборот, интересуюсь
проблемами барона Майкла Раконера...

– И в этой связи пребываете в его доме инкогнито?

– Для прочих обитателей замка – да. А ваши воспомина-
ния меня интересуют только с точки зрения любопытного
сыщика, желающего знать, кого нам подсунули в тело баро-
на.

– Нашли что-нибудь, интересующее вас?

– Некоторые факторы в вашем поведении не соответству-
ют психологии Майкла. У вас с бароном отмечается частич-
ная несовместимость. Вы заметили, что совершаете поступ-
ки не свойственные вам. Сегодняшний конфликт с бионом,
отношение с Мадлен и некоторые мелочи, вами не отмечен-
ные, говорят, что в теле барона Раконера ещё не выветрился
его дух. Или поселился дух кого-то третьего. Хотя мозг
ему почистили основательно. Не знаю, к какому бы выводу
пришёл профессор, ознакомившись с данным материалом,
но я считаю, что вас можно использовать в качестве моего
помощника в раскрытии преступления совершённого в от-

ношении барона. И не только...

– С моей-то пустой головой?

– Уже не пустой. Ваша память активно восстанавливается, коллега. Вы правильно определяете оставленное в прошлом пространство. Соединили его со временем. И ускорять этот процесс мы не будем. А вот кое-какую информацию из жизни Майкла я вам дам. Это для того, что бы вы оценивали сложившуюся на данный момент ситуацию в семье барона и на планете в целом. Поверьте мне – она не простая, эта ситуация. Думаю, и синхронный переводчик вам пригодится. Общаться с окружающими вы сможете не сразу, но перевод разговоров я вам обеспечу. Чип с переводчиком можно поместить на персональный имплантант, К сожалению, в вашу память нельзя загрузить разговорный гелакси. Он помешает процессу восстановления памяти...

– Что значит – загрузить в память гелакси? Я же не компьютер!..

– Это означает: научить понимать язык и правильно им пользоваться – разговаривать без акцента.

– Я с немецким языком лет десять воевал. Бесполезно. А ваш гелакси в меня и подавно не войдёт. По крайней мере, не в этой жизни.

– Вы не знаете возможностей современной психопедагогики. Лично я русский выучил за десять минут. Закончу дело – удалю его из памяти за две минуты. Больше, Бог даст, не пригодится.

– И когда же мы начнём совместную розыскную деятельность?

– Может быть этой ночью. Меня не должны видеть домашние слуги и, в особенности, ваш Боб. Я бы доверился мастеру Чаку, но его, похоже, изъяли из вашего многофункционального прибора. Остальные бионы без приказа хозяина с управляющим информацией не делятся. Между прочим, у вас наступило время обеда. Режим нарушать не советую, он способствует скорейшему выздоровлению. И обязательно отдохните после обеда. Это я вам – рекомендую...

– Беспokoитесь за Витковского? Или вы, господин сержант, ратуете только за барона?..

Браун взял с подноса початый бокал, допил его содержимое, вздохнул и уже без вожделения посмотрел на последний – четвёртый...

– Хорошее пиво. Может, попробуете, господин офицер? Здоровью это не повредит...

– И всё-таки – за кого?

Поднос медленно подплыл ко мне и остановился на расстоянии вытянутой руки. Сержанту не хотелось отвечать на вопрос. Он снова вздохнул, погладил себя по животу и сказал то, во что посвящать меня был не обязан:

– Я уже говорил, что в настоящее время работаю на барона Раконера. Его родственники обратились ко мне за помощью... – Сержант откинулся на спинку кресла, тяжело отдуваясь, подул на меня пивным амбре. – Три недели тому на-

зад, состоятельный владелец триллионов галактических чеков, был обнаружен в Центральном королевском госпитале в бессознательном состоянии. Как выяснилось позже – барона лишили памяти по уровню «зет». То есть, не повредив ни одной клетки, идеально очистили его могучий мозг. В госпиталь барона доставили неизвестные лица на авиетке с повреждённым фантомным собеседником. Место отправления и возможного совершения преступления мы не определили. Возможно, что преступление было совершено где-то на южной окраине мегаполиса Дарлингсвилль. Это на другом материке. А может быть и в самом Эльсиноре. Вашу же «копилку знаний», которую основательно потрясли в 21-м веке на планете Земля, скопировал и доставил на Камелот полковник космической безопасности Хасан, смотрящий за вашим временным континуумом. По пути на планету София он заглянул к нам. Вынужденно заглянул. В Эльсиноре полковник встретился и переговорил с сэром Оскаром. Дружья поделились друг с другом своими проблемами. Короче, для сохранения жизнедеятельности мозга барона, и для извлечения нужной разведчику информации, «мусор» из вашей головы, Владимир Семёнович, «пересыпали» в опустевшую «урну» Майкла Раконера... Ну, как? Впечатляет?

– Об этом мне рассказывал профессор Оскар Лотар – мой лечащий врач...

– Ах да!.. Неприятная для нас новость: сегодня ночью полицейские Южного округа Эльсинора обнаружили возле

входа в дом профессора Лотара до неузнаваемости изуродованное и обезглавленное тело мужчины. Погибшим оказался сам профессор... Ведётся следствие... Идите обедать, коллега. Боб уже предпринимает меры по обнаружению пропавшего хозяина. Лично я не хочу с ним встречаться...

Говорящий кот передвинул поднос с бокалами к сержанту, и удалился в браслет...

А меня неожиданно посетил страх. Чувство знакомое людям, животным и даже бионам. Страх не преследовал, он всего лишь заглянул внутрь меня, на долю секунды, и оставил там «чёрную метку»...

Антонина Сушко выглядела немного странной, словно ей только что задали вопрос, на который она до нашего появления в кабинете так и не ответила. А Раиса со Светланой поменялись за столом местами и с таинственными взглядами встретили курильщиков.

Я, вошедший в кабинет первым, сориентировался и уже направил стопы к Раисе, на место Эрика. Но Антонина замахала рукой и указала мне на прежнее место. Не понимая ничего в происходящем, немного потоптался и сел-таки рядом со Светланой.

Эрик Левин, в свою очередь, потолкавшись передо мной и пробурчав что-то недовольное по-эстонски, занял место возле Раисы.

– Ну, и что здесь произошло? – спросил Чернов, обнимая Антонину. – Рокировку, как будто, произвели?

– Произвели, – сказала Антонина, высвобождаясь из-под объятия соседа.

В наполненных вином бокалах засверкали рубиновые блики от ворвавшегося в кабинет весеннего солнца. Из открытой форточки к нам прокрадывался ещё сырой и прохладный воздух. Но фон за окном был вполне весенним, взбадривающим.

И ещё – приятно пахивала сваренная на электроплит-

ке рассыпчатая картошка, разложенная по нашим тарелкам и украшенная фаршированными перчиками венгерского производства...

– Тогда выпьем за дружбу народов, – сказал Чернов, плотоядно вдыхая аппетитные запахи.

– Лучше за старую, но давно забытую любовь, – отредактировала озвученный тост Антонина.

Я взял бокал и попробовал спроецировать свой «томный» взгляд на Раисе, теперь отгороженной от меня пушистым букетом. Но она уже была занята беседой с Эриком. И в данный момент, о, коварные женщины! её томный взгляд со многообещающими вздохами принадлежал, увы, не мне...

– Так будем пить за старую любовь? – Светлана коснулась моей руки.

– Будем, – ответил я и чокнулся с её бокалом. И только сейчас посмотрел на соседку не совсем трезвыми, но ещё способными постигать перспективу, глазами голодного до женщин ловеласа.

Да-да! Я уже был отпетым бабником в те славные времена. Влюблялся налево и направо. Я даже начинаю вспоминать лица некоторых особ, осчастлививавших меня в разные времена. Правда, лиц этих не так уж и много. По возможности буду скромным. Тем боле, что я не Пушкин Александр Сергеевич. Влюбчивым был не до умопомрачения, и списков оных особ не имел. Но похотливых, желанных и не очень желанных особ, лобызал неоднократно, без сопротивления

собственной совести...

Если Раиса походила на татарку, то Света принадлежала к славянам или прибалтам. Блондинка с очень короткой стрижкой под полубокс, с симпатичной мордашкой, кого-то мне напоминавшей...

Выпили. Закусили деликатесами от Антонины...

Потом был фокстрот «Голубая канарейка». Захмелевшие Виктор Васильевич и Эрик, в обнимку с Раисой пародировали лицедеев. То есть не танцевали, а дурачились на манер учеников Полунина. Я, уже не ревновавший Эрика к Раисе, сидел рядом со Светой и похохатывал над чудесившими друзьями. Антонина следила за порядком – останавливала наши попытки запеть хором про «хлопцев с конями» и про «мороз-мороз»...

Утром проснулся в Светкиной квартире. Более того – в её кровати...

Самой хозяйки дома не было. На улице накрапывал дождь. На столе обнаружил записку:

«Не уходи! Скоро буду! Светлана».

Филипп, отобедав, куда-то ушёл. Боб и донна Роза сразу засуетились, стоило мне войти в гостиную. Роза стала сервировать обед для меня. Боб попытался узнать о месте моего пребывания в течение последнего часа. На поставленные вопросы я не ответил, а наоборот, приказал биону срочно выяснить, что за уродина обитает в моём браслете, которому я недавно съездил по физиономии. Боб, выслушав указания, спокойно сказал:

– Хорошо, мой господин, после обеда выясню.

«Мой господин»! Слова, произнесённые бионом как-то заискивающе, да ещё вместо имён Владимир или Майкл, мне жутко не понравились.

– После обеда я тебя трансгликую нахрен! – вспомнив словосочетание героя из фильма «Кин-дза-дза», вспылил я и указал парню на браслет. Туда он и исчез, не потребовав дополнительных разъяснений.

Возвратился Боб из браслета минут через десять и попытался отрапортовать о проделанной работе. Я его прервал, и спокойно продолжил трапезу. Закончив обедать, вышел из гостиной, прошёл в кабинет барона и расположился за письменным столом. А затем уже попросил «медленно исполняющего свои обязанности» и плохо соображающего управляющего МФП предъявить мне для «опознания» ис-

правившегося биона...

– Я его трансглюкировал... нахрен! – сказал Боб и на его симпатичном лице проявился неподдельный человеческий испуг.

– То есть как – трансглюкировал!? Ты что, уничтожил моё имущество!? – с возмущением воскликнул я. – Но я тебе таких указаний не давал!

– Я не уничтожил ваше имущество! – прошептал Боб с ещё большим испугом в синих глазах. – Я перепрограммировал Гари на уровень «ипсилон».

– Значит, с этого момента уважаемый бион Гари больше не будет выпендриваться?

– Н-нет! – заикаясь, ответил Боб.

– А с остальными слугами как обстоят дела?

– Остальные бионы, кроме кота и мастера Чака, законсервированы и находятся в режиме ожидания...

Я откинулся на спинку кресла. Огляделся. На рабочем столе барона ничего не было, кроме записной книжки, которую вчера я пытался прочесть. Вспомнил о Мадлен. Почему же она так долго отсутствует? Ах, да! Она ведь оставила мне визитную карточку с номером телефона...

– Боб, будь добр, принеси из спальни визитку баронессы.

– Уточните, что нужно принести? – вполне нормальным голосом спросил бион.

– В спальне, на туалетном столике перед зеркалом, лежит визитная карточка, оставленная для меня Мадлен.

Боб медленно удалился. Я бы не сказал, что он своей медлительностью высказывает недовольство. Скорее, если это мне не показалось, бион в своих действиях как бы боролся с противоположными приказами, полученными одновременно от меня и ещё от кого-то. Тот, не известный мне повелитель слуг МФП барона, не согласовывает свои желания с моими указаниями. Если это так, то противоречивость наших мнений – подозрительна. И это, в первую очередь, – тайная угроза брэнному телу барона, не известно за какие подвиги лишённого памяти...

– Мастер Чак! – сказал я браслету. – Выгляни на минутку... Желаю на тебя взглянуть!

...Майкл Раконер, поверьте мне на слово, был человеком чудаковатым. Ну, посудите сами. В жёны взял чернокожую красавицу, будто бы других на Камелоте и нет. Влип в жуткую историю с последовавшей за этим утратой собственной памяти. В браслете, истинное предназначение которого я ещё не познал, живут существа, без определённых занятий и Бог знает на кого похожие...

Мастер Чак оказался... карликом!..

У меня нет желания описывать существо, которое вывалилось из браслета, и принялось «юродствовать» на ковре, где, не далее как вчера, наслаждалась жизнью влюблённая парочка... Карлик катался по полу и громко мычал. Крупная голова карлика Чака и почти всё его тело были обмотаны серой лентой, похожей на грязный бинт. Ручки и нож-

ки обездвижены, но гибкое тело имело возможность извиваться, и оно производило передо мной невероятные пируэты и скачки, что, несомненно, угрожало артисту получением травмы. Уж очень близко от стола сумасбродничала живая мумия.

– Стоп! – крикнул я, выбегая из-за стола. – Прекратить это безобразие!..

Чак послушался и замер на полусогнутых, плотно укутанных под лентой ножках. На меня посмотрели огромные, умные, синие глаза. Рот карлика, заизолированный от нормального общения несколькими слоями ленты, произносил невнятные звуки.

Я обошёл биона, ища конец бинта. Но, тщетно. Крепкая марлевая материя была приклеена, наподобие скотча, и её нужно было разрезать. А у меня под руками ничего острого нет. Попробовал сдвинуть бинты со рта Чака, но тот недовольно замычал, отшатнулся от меня и рухнул на пол.

– Барсик! – сказал я браслету, – Появись-ка и ты передо мной!

– Кот! – представился серый пушистый клубок, проявляясь на столе. – Просто Кот! Ибо так мне больше нравится. И барону...

– Стоп! – крикну я, теряя самообладание. – С сегодняшнего дня я буду называть тебя Барсиком. И это будет длиться до тех пор, пока я не продам тебя живодёрам, за неисполнительность и чрезмерную болтливость...

– Хорошо-хорошо! – промяукал Кот. – Просто до настоящего времени со мной никто на эту тему...

– Стоп!!! Я пригласил тебя, Барсик, для оказания мне неотложной помощи. Нужно освободить от пут уважаемого мастера Чака.

– Так кому нужна помощь? Вам или Чаку?

– Мастеру Чаку! – сказал я, понизив тембр голоса, взял Барсика за шкурку и перенёс его, довольно-таки тяжёлого, к лежащему на полу карлику. – Помоги ему избавиться от бинтов. И окажи, если понадобится, медицинскую помощь...

– Это я с удовольствием, даже с превеликим, вот только ноготки наточу, – голосом сказочного «кота в сапогах» сказал Барсик и основательно встряхнулся, поправляя лапкой шкурку на загривке. – Только вы меня так больше не транспортируйте, за загривок. Мне это неприятно...

– Начинай! Или получишь хороший пинок под хвост!

Барсик задумался, видимо представил на мгновение, как будет выглядеть «пинок под хвост» и довольно быстро разрезал путы на ногах и руках мастера Чака. С марлевым коконом на голове они вместе возились гораздо дольше. Соблюдая осторожность, по кусочку отлепили клейкую ленту с лица. Под лентой обнаружили густые чёрные усы и бородка с проседью. Совершенно лысая макушка Чака тоже немало пострадала – прочная марля отсоединялась с треском, попутно выдёргивая отдельно произраставшие волоски. Кар-

лик морщился, но терпел.

Процесс освобождения пленника длился минут пять. Чак помог коту отклеить куски ленты с клетчатой рубахи, с грязных джинсовых шорт и с тонких, кривых и безобразно волосатых ножек. Частичная эпиляция вынудила таки карлика произнести несколько тирад с русскими не печатными словечками. Обрывки бинтов разлетелись по всему кабинету. Я же сидел в кресле и совершенно равнодушно наблюдал за работой слуг, мне по праву не принадлежащих.

И я ничего не понимал в происходящем на «сцене домашнего театра». А в голове снова «шуршала» таинственная пустота, словно эфир в старом радиоприёмнике...

Всё-таки это – дурдом!.. С юродивыми карликами и говорящими котами...

– Что вы наделали!? – воскликнул возвратившийся Боб, когда освобождённый из плена Чак уже стоял в центре кабинета и крохотной ручкой интенсивно массировал лысину, а Барсик, задрвав пушистый хвост, важно ходил вокруг и театралью сдувал с его одежды невидимые ниточки и пылинки.

– Опоздал! – звучным баритоном сказал карлик. – Твоя командировка закончилась, Бобби!..

В Светкиной кухне я обнаружил: электрический чайник фирмы «Браун» с горячей водой – похоже, хозяйка ушла недавно; симпатичную чашку с серебряной ложечкой и десяток банок и коробок с чаем, молотым и растворимым кофе. В холодильнике были сливки, сыр, колбаса и прочее. Есть совершенно не хотелось. А вот кофе...

В столе отыскал турку – набрался наглости – и сварил себе кофе по-турецки. Кофе не убежал. Получился, что надо...

Вспомнил, что сегодня воскресенье, и что я в этот выходной по отделу милиции не дежурю. Позвонил на мобильник Эрику. Выяснилось, что он-то как раз дежурит – был вызван рано утром для подмены заболевшего товарища. Сидит бедняжка в кабинете, приводит в порядок агентурные дела и пьёт, почти синхронно со мной, растворимый кофе «Чёрная карта».

Во время короткой беседы установил, что мой друг и коллега спал у себя дома, так как Раису возле её подъезда встречал любимый супруг, неожиданно возвратившийся из командировки. И вследствие этого у моего коллеги и друга слегка побаливает левая скула и пощипывает рассечённая золотой печаткой ревнивца правая же бровь...

О своих достижениях на любовном фронте рассказывать не стал. Хоть Эрик и не обидчивый, но всё-таки – моё хва-

ство ему будет не приятным...

Холодный душ взбудрил лучше, чем кофе по-турецки. Накинув на плечи пушистое полотенце, осмотрелся во владениях блондинки. Занесло же меня к ней, чёртова ловеласа!..

«Танцевать», как и положено, по закону криминалистики, начал «от печки»...

...Присутствия в квартире других мужчин не выявил. В ванной нет бритвенных приборов, одеколонов и кремов «Фор Мен». В прихожей только женские туфли и сапожки. На книжных полках несколько женских романов и целая библиотека медицинской литературы. В альбомах современные цветные фотографии с видами кавказских гор, египетских пирамид, турецких пляжей и Крыма с Айпетри. А ещё – аудитории медицинского университета, больничные палаты или скверик перед городской поликлиникой. И везде Светка. В летнем платье, в купальнике, в белом халате, с подругами, коллегами или одна...

В последнем старом альбоме хранились россыпью чёрно-белые фотографии предков. Ещё молодые родители вместе с большеглазой девочкой, совершенно не похожей на взрослую Светлану. Девочка в детском садике, девочка в первом классе, девочка вместе со всем пятым классом. Потом: в походе по Подмосковию, летом в деревне у бабушки, осенью на уборке картофеля и так далее...

На одном любительском, потемневшем от времени сним-

ке, увидел мою родную школу. И группу девушек перед входом, в одинаковой школьной форме. А среди них улыбающуюся Голубеву Светлану!..

Ту самую, сводившую меня с ума в период с восьмого по десятый класс!..

Не может этого быть!

Эта, нынешняя Светлана, вчера, мне хмельному, кого-то напоминала... Там, в кабинете у Антонины Сушко, на фоне винных паров и Раисиных томных взглядов! Но она так похорошела и так изменилась!..

За десять пролетевших «мимо кассы» моих драгоценных лет, после окончания школы, я постарался весьма основательно – что бы выветрить память о первой платонической любви к девчонке с белокурой косой, целовавшейся со старшеклассником... И в отмщение женскому полу за эти годы я такого нагромоздил в своей донжуанской биографии, что и вспоминать не хочется!..

Слава Богу, что не превратился в маньяка, истребляющего этот самый прекрасный пол...

Но она меня всё-таки настигла, нашла меня, моя первая любовь!..

Это, наверное, рок!..

Никакой междоусобной войны в кабинете барона не случилось. Мы этого не допустили. Боб, или Бобби, как его называл мастер Чак, был благополучно препровождён в браслет. А сам карлик, расположившись на диване, с Барсиком на коленях, рассказал историю своего существования на этом свете...

– Я, Владимир Семёнович, являюсь настоящим управляющим персонального многофункционального прибора барона Раконера. Я ваш слуга и персональный собеседник. Это моя нынешняя должность. А в самом начале, после появления из заводского синтезатора, я был активирован как бион экстра-класса для сферы обслуживания. Прошёл стажировку на должность шеф-повара в орбитальном отеле «Ахилл», но там ко двору не пришёлся и был продан военному вербовщику. Некоторое время служил главным старшиной на телепортанном транспорте «Сиэтл», воевал с альтаирцами в Катаре и на алмазной планете Тор. Во время освобождения от завоевателей Большого алмазного каньона, попал под завал – практически погиб. Обнаружили меня горные спасатели и на своём доисторическом регенераторе собрали вот в таком виде. Не удивляйтесь. Командором у спасателей на Торе служит парень со своеобразным юмором. К тому же в их аппарате не оказалось необходимого количества биосырья –

хватило лишь на карлика. Таким меня и вернули на военный транспорт. Капитан «Сиэтла» не стал выслушивать мои просьбы о повторной регенерации и списал с транспорта, как имущество, пришедшее в результате военных действий в негодность, а после возвращения с войны выставил на продажу в магазине некондиционных бионов. Это на площади Карла четвёртого в Озвиле, не далеко от вашего поместья Гринхолл. Там меня оценили в два галактических чека. Через три часа я был куплен Филиппом Гамильтоном и помещён в персональный браслет, предназначенный в качестве подарка на День рождения барону Раконеру. В этот браслет, что у вас на руке. Думаю, что меня вселили в очень дорогую вещь в качестве дешёвого и безобидного сюрприза. Богатые иногда так шутят с друзьями. Обычно новые владельцы, получившие подарки с шуточным приложением, потом от них избавляются, за ненадобностью. Но барон, к счастью, не выкинул дешёвого уродца в утилизатор. Он проверил мои способности, оценил деловые качества и не стал менять на дорогого, красивого и умного хлыща. Более того, во время регистрации браслета в Палате бионов, Майкл показал меня комиссии. Там меня досконально просканировали и, на удивление Майклу и назло Филиппу, присвоили звание «мастер». Это – высшая категория оценки для действующих бионов... Стою я теперь несколько тысяч галактических чеков...

Чак посмотрел на меня, словно проверяя, слушаю ли я его

рассказ, почесал миниатюрной ручкой бороду и продолжил:

– Ну вот, после несчастья, происшедшего с бароном, в течение трёх недель мы, команда браслета, бездействовали. Браслет некоторое время находился в сейфе комиссара полиции. Потом его передали профессору Оскару. А он, пока велось предварительное следствие, хранил нас в свинцовой шкатулке. Бионов к следственным мероприятиям по делу барона не привлекали. Потом шкатулку передали вашей супруге... простите, баронессе Гамильтон. Она доставила браслет в этот дом, в поместье Гринхолл, и нам предоставили свободу передвижения в пределах дома. Я провёл инвентаризацию имущества, перезарядил бионов и транспортные средства. Два дня тому назад в Гринхолл доставили компактную камеру с телом барона... с вашим нынешним телом. И биоматрицу с Земли. Профессор Оскар и баронесса в течение ночи осуществили перезагрузку – заменили биополе барона Раконера, сильно повреждённое принудительной чисткой, вашим, не повреждённым и вполне совместимым с полевой каверной хозяина... и записали вашу память... Я помогал им в вашем возрождении. Надеялся, что продолжу служить вам и барону верой и правдой. Однако вчера утром меня вызвал коллега Серафим – управляющий поместьем в Гринхолле, и, без каких-либо объяснений, отключил от дальнейшей деятельности. К моему несчастью, я слишком доверял здешним слугам, и мер предосторожности не предпринял. Теперь же – другое дело. Я – свободен и буду бдительным!

Чак снова просканировал меня пронзительным взглядом, от чего мне стало не по себе.

– А Бобби, – продолжил Чак, – уже без моего согласия, был перенастроен Серафимом на выполнение обязанностей управляющего браслетом и занимался вашей охраной. Считаю что моё устранение от непосредственного контакта с вами – не злой умысел. Дело в том, что я изначально был активирован как бион с объективным исполнением своих обязанностей. Теперь я знаю, что сам профессор Оскар изъяснял меня из круга общения с вами. Вам многое не следует знать. Пока не следует.

– А что же случилось с бароном? – спросил я биона. – Почему вы его не уберегли?

– Этого я не знаю... – Чак немного смутился. – В тот день браслет в течение десяти часов был отключен. Может статья – по инициативе самого барона. Поэтому выяснить, что же помешало Майклу воспользоваться охранными возможностями браслета, к сожалению, не удалось. И спросить не у кого – память хозяину почистили основательно. Но, напоминаю, во время неизвестных нам событий браслет находился при нём...

– Так, а русский язык? – спросил я Чака. – Когда вы его... э-э-э... загрузили в свою память?

– Двое суток тому назад. Как только лорд Оскар сообщил о предстоящей биополевой трансплантации, я принял меры к загрузке древнего языка всем слугам поместья и брасле-

та. Логичнее было бы – поместить гелакси в вашу память. Но лорд предупредил, что любое вмешательство в травмированный мозг может повлиять на психику пациента. Так что лишняя информация для вас, Владимир Семёнович, является не желательной, и даже опасной. Но это – временно, до вашего полного выздоровления... Не обижайтесь на нас. Я знаю, что барону, да и вам досталось от ваших врагов. Теперь нам поручено охранять то, что смогли собрать ваши друзья на полях боёв...

Кот Барсик нежно муркнул, а Чак потрепал его по чувствительному загривку.

Я молча понаблюдал за слугами, соображая, как бы тактичнее спросить Чака о его отношении к своему нынешнему положению в качестве карлика.

Чак не выглядел смешным и не был удручённым. Опытным ментовским взглядом я определил, что это – умный и рассудительный слуга. И Майклу, похоже, он нравился. Но барон, если не скупец и не извращенец, мог бы купить для слуги другую «упаковку»...

И ещё, хотелось бы узнать, кто же покушался на память барона, кто убил профессора психиатрии лорда Оскара, почему Серафим так не корректно поступил с Чаком и заменил его Бобом. С ним же можно было договориться о соблюдении «табу» в отношении меня...

Бобби, конечно же, симпатичный малый, но не «раб лампы»... то есть браслета...

А тут ещё Гари – фрукт типа наших отморозков, рекламирующих по телевизору мятную жвачку. Не может быть, что бы Майкл рядом с мастером Чаком имел подобных слуг. На этом придурке только «ушу» и отрабатывать. Или усиливать злость перед встречей на ринге с матёрыми противниками...

Чёрт возьми!.. У меня неожиданно закружилась голова, и задавать намеченные вопросы расхотелось...

Фу!.. Как и вчера, во время созерцания великолепного захода местного солнца, я начинаю проваливаться в иную реальность...

– Тихо-тихо-тихо! – зашептал подбежавший ко мне Чак и протянул стакан с прозрачной жидкостью. – Не надо так напрягать временно арендованную у барона голову. Вот, отпейте пару глотков. Это вода. Минеральная, без газа... Я же предупредил вас, что беседы на вольные темы к добру не приводят!..

Я сделал пару глотков, и меня с новой силой куда-то повлекло, словно на волнах... тёплых... нежных... безмолвных...

Сильные руки приподняли меня и понесли...

...Знакомый потолок будуара... шелест закрывающихся гардин... и испуганное лицо Мадлен...

– Не уходи!.. – говорю я ей.

...Чужая, бескрайняя и холодная вселенная, открывшаяся подо мной, потянула к себе. Шелест сухого песка за-

полнил окружавшее меня пространство, и я, увеличившийся до размеров галактики, стремительно полетел в пропасть, к роящимся в гигантских спиралях, не мерцающим колючим звёздам...

– Мне плохо без тебя, Мадлен!..

– Успокойся, Майкл!.. Я буду рядом!..

– Просыпайся, гибрид!..

Открываю глаза – в спальне сумеречно. Зашторенные окна и едва мерцающий ночник «бережно» выводят меня из обморочного состояния. Теперь меня не тошнит, не влечёт в преисподнюю, не кружит по вселенным, и в ушах не барабанит по тонкой жести крупный сухой песок. Пошевелил головой. Как и раньше – никакой боли. Всё-таки голова барону досталась добротная. Но где же он, родимый, высморкал свои мозги? Вернее – начинку мозгов. Содержание моей же садовой головушки, кем-то размазанное по московскому асфальту, и зачем-то внедрённое в серое вещество Майкла, собирается в кучку чрезвычайно медленно и беспорядочно. Попробуй найти в этом взъерошенном «стоге сена» так необходимую «шпиону во времени» иголку. Да и «игол-ка-то» – скорее всего – пустяк какой-нибудь... А они меня в спичечную коробочку сгребли и на восемьсот лет в будущее. Да ещё – на Тау Кита. А тут все по «таукитайски бормочут, и знаться со мною не хочут»...

Нет, это не Высоцкий...

Это у меня вместо падучей – продолжение припадка.

Блин, меня же здесь кто-то называл «гибридом»!?

Поворачиваюсь и вижу улыбающегося Филиппа, расположившегося в одном из кресел.

– Как самочувствие, родственник?

Шурин говорил без акцента. Будто бы его предки сидели в древние времена не на обшарпанной троглодитами африканской пальме, а под лохматой валдайской берёзой.

– Самочувствие хорошее. Давно я здесь отдыхаю?

– Сорок минут. Вставай, тебе необходимо двигаться. Если хочешь, вернёмся к озеру и покатаемся на твоей лыже, или просто поплаваем, но не наперегонки...

– Согласен, – сказал я и сел на кровати.

Я был одетым, отсутствовали только туфли. Они стояли на прикроватном коврикe. Браслет – на месте. Всё на своих местах...

Филипп открыл шторы. Одновременно погас парящий по комнате ночник.

– А где Мадлен? – спросил я.

– Её здесь нет, – спокойно ответил Филипп.

– Вижу. И всё-таки?..

– В отцовском замке... Она там с детьми...

Филипп явно не желает говорить о сестре – боится за Мадлен или предупреждён Чаком о сохранении психической неприкосновенности «гибрида». А может быть есть и иные причины. Но они, скорее всего, связаны с наличием в этом мире барона Майкла Раконера – его тела. Здесь кому-то выгодно видеть молодого барона без движений, без мыслей, а лучше всего, в безжизненном состоянии. А я всего лишь поддерживающий мозговую напряжённость имплантант, кстати,

или не, кстати, подвернувшийся под руку профессору Оскару...

– Мне показалось, что Мадлен рядом со мной... И я с ней разговаривал... Наверное, бредил?..

– Ты с ней разговаривал. – Филипп покинул кресло и прошёлся по спальне. – В бреду... и очень громко.

– Да-да... Я ей говорил... Не помню... Я просил Мадлен... Чёрт! Уходит... видение уходит!..

– Вспоминай-вспоминай! Что говорил, о чём просил?

– Я просил её побыть со мной... или... не уходить от меня...

– Странно!.. Именно об этом ты её и просил! – сказал Филипп, подходя ко мне. – Помочь шнурки завязать?

– Сам! – ответил я, слез с кровати, подобрал туфли и сел в освободившееся кресло. – А что такого странного я сказал?.. Мне показалось, что Мадлен рядом...

– Ну да! Разговаривал ты вполне нормально, вернее – беседовал... с привидевшейся тебе Мадлен...

Я обулся, пошевелил пальцами, проверяя, удобно ли ногам.

– Не тяни резину, Филипп! Я помню, что сказал всего лишь пару фраз.

– Да! Но ты их произнёс... на неплохом гелакси...

Выходные я проводил по-разному. Но чаще всего, в связи с хроническим недосыпанием, первую половину дня отдавался неге. Потом чистился. Стирал, мыл, пылесосил, гладил, и что-нибудь жарил-парил на газовой плите. Всё это я делал под песни Высоцкого, воспроизводимые стареньким плёночным магнитофоном «Электроника-302» – память об исчезнувшем ещё до моего появления на свет Божий отце.

По натуре я – домосед. Малогабаритную квартирку, в которой мы жили с мамой, а теперь живу один, я любил и старался поддерживать в порядке. Личная жилплощадь помогала сохранять независимость от непредвиденных обстоятельств – всё-таки частная собственность. И, одновременно, обязывала быть демократом при обстоятельствах предсказуемых. Я был прост в отношении с людьми, и они этим пользовались. Ко мне часто навевались друзья и подруги. Раза два в месяц, обычно поздним вечером, навещал дядя Витя – младший брат мамы, – который постоянно проживал в Нижнем Новгороде, работал «дальнобойщиком» и возил в столицу на «фуре» сельхозпродукты. Каждый раз, с извинениями, с приветами от тёти Томи и двоюродных братьев, с баулами, наполненными нижегородской снедью, он сваливался как снег на мою голову и просился переночевать. Срочно от-

менялись назначенные на моей территории встречи с друзьями и подругами, и я переключал внимание на единственного близкого мне человека. Мы выпивали бутылку вина, рассказывали друг другу семейные новости и ложились спать. Рано утром дядя Витя тихо исчезал, но от него оставались потревоженные за стаканом вина воспоминания о маме и вкусная еда, не всегда вмещавшаяся в холодильник.

Гостила у меня и Лидочка Базилевич. Заходила она в мой мирок в светлое время суток, угощалась только чаем и в спальню не заглядывала. А я и не настаивал...

Лидочка Базилевич, это – необыкновенное существо, о котором не хотелось бы вспоминать. Но оно прочно обосновалось на моём жизненном пути, и не собиралось уступать меня соперницам...

Иначе говоря, Лидочка, это – «издержки дикого «кобелирования». Именно так Эрик Левин называл результаты очередных или внеочередных «вылазок» молодых балбесов в свободное от службы время к женскому общежитию местного текстильного комбината, или на сокрушенную временем танцплощадку, ютившуюся лет двадцать без ремонта возле зачахшего, без цивилизации, Дома культуры, или куда-нибудь ещё... В качестве примера привожу результаты вчерашней вечеринки, состоявшейся после субботника, по случаю обмывки очередных званий Антонины Сушко и Виктора Васильевича Чернова. Результаты «кобелирования» отпечатаны в нескольких местах на физиономии мое-

го молодого приятеля лейтенанта Левина рассерженным супругом доктора Раисы (её другие данные мне не известны)...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.